

СЕРГЕЙ ГОВОРОВ,
ВИКТОР РОГОВСКОЙ,
ПЕТР ДЕМЕНТЬЕВ,
АЛЕКСАНДР ПЛОТНИКОВ,
ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

ГРОЗНЕНСКИЙ АЛЬПИНИЗМ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

16+

**Сергей Говоров
Александр Плотников
Петр Дементьев
Виктор Роговской
Владимир Щербаков**

**Грозненский альпинизм
советского периода**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36063873
SelfPub; 2018*

Аннотация

Эта книга о ярких людях и ярких событиях, связанных с приключениями в горах Кавказа в период от конца 60-х до начала 90-х годов прошлого века, т.е. до распада СССР. Это первая попытка восстановить и сохранить в памяти некоторые славные страницы своеобразного и неповторимого явления – грозненского альпинизма советской эпохи.

Содержание

Предисловие	5
Благодарности	6
Сергей Говоров. Ведь это наши горы...	7
Виктор Роговской. О роли ослов и быков в успехе альпинистского мероприятия	83
Виктор Роговской. Юбилейный штурм Эльбруса	100
Виктор Роговской. Воспоминания горноспасателя	122
Пётр Дементьев. Страницы альпинистской биографии	147
Александр Масленников. В юбилей вождя – на пик имени вождя	183
Александр Плотников. В горах Чечено-Ингушетии	187
Владимир Щербаков. Люди и горы	215
Историческая справка	231
Наиболее значительные восхождения грозненских альпинистов, включённые в официальную «Летопись советского альпинизма» (в соответствии с альманахом «Побежденные вершины»)	242
Память	252
Послесловие	253

Гора – это прежде всего, понимаешь, друзья.

С которыми вместе по трудной дороге шагаешь...

Юрий Визбор

Предисловие

Эта книга – не про альпинизм как таковой. Эта книга – про людей и про горы. Это первая попытка восстановить и сохранить память о некоторых страницах интересного, своеобразного и неповторимого явления – альпинизма, развивавшегося в Грозном в советскую эпоху.

Конечно, эта книга запоздала; она должна была появиться гораздо ранее, когда многое было свежо в умах живых. Но даже и сейчас, много лет спустя после крушения того мира, в котором мы родились и выросли, актуальность её, как представляется, не утрачена: есть дети и внуки, есть память, которую нужно сохранить.

Грозненский альпинизм занимал достаточно заметное место в системе советского альпинизма с его идентификацией как вида спорта и соответствующей атрибутикой: спортивными разрядами, званиями, соревнованиями, первенствами.

Это была не вполне безобидная игра: спортивный азарт вел порой к риску и аварийности. Но, несмотря на это, грозненские альпинисты всегда несли в своих сердцах дух свободы и стремления к чему-то неизъяснимому, что можно найти только в горах.

В добрый час. Будем помнить.

Благодарности

Создание книги было бы невозможно без огромного вклада грозненских альпинистов, предоставивших фотографии; консультации; советы; моральную, информационную и организационную поддержку. В первую очередь благодарю друзей – альпинистов, предоставивших свои воспоминания: Виктора Роговского, Петра Дементьева, Александра Масленникова, Александра Плотникова, Владимира Щербакова.

Сердечно благодарю также тех, кто внёс значительный вклад в создание книги: Алиева Арсамака, Дубровина Александра, Зенкова Геннадия, Курочкину Наталью, Логовского Валерия, Москаленко Александра, Пискунову (Беседа) Наталью, Прокопенко (Лабутину) Валентину, Рожина Ивана, Сазонова Игоря, Семикозова Евгения, Сухомлинова Сергея, Таран Ольгу, Трофимова Владимира, Уланову (Багдасарову) Валентину, Чуприна Владимира.

Сергей Говоров. Ведь это наши горы...

Как и у большинства моих друзей, встреча с горами у меня произошла случайно. Впрочем, с точки зрения эзотериков, ничто в этом мире не случайно, всё обусловлено – карма, так сказать. Начинается этот процесс, когда в неокрепшую душу первокурсника геологоразведочного факультета змеёй вползает некая ядовитая субстанция (иногда её определяют скучно-ироничным термином «романтика», хотя это никак не соответствует её сути), которая впоследствии отравляет всю его жизнь смутным желанием чего-то необычного.

Вползает помалу и незаметно: вот на доске объявлений деканата в самом низу маленький листок с расписанием смен альплагерей Советского Союза; вот возле кафедры общей геологии какой-то юморист прилепил инструкцию по отращиванию бород с пометкой «для студентов, выезжающих на практику по геокартированию¹»; вот напротив деканата повесили стенгазету «Альпинист» с фотоотчётом о соревнованиях по скалолазанию в Харачое и на Терском хребте со стихами Визбора: «и нет таких причин, чтоб не вступать в игру...». А и в самом деле, подумалось – почему бы и не вступить?

¹ Геологическое картирование (составление геологической карты)

Так я и стал членом секции альпинизма ДСО «Буревестник», руководили которой в те времена Елена Николаева и Игорь Бородацкий.

Первый поход – в Таргимскую котловину в горной Ингушетии. Море эмоций для равнинного жителя, никогда не видевшего гор, горных рек, древних башен, могильников. Потрясающее впечатление производит башенный комплекс Вовнушки. Потом – поход на озеро Кезеной-Ам в горной Чечне.

И вот весной 1970 года восхождение на вершину Мальчоч-Корт в Кистинском ущелье и значок «Альпинист СССР».

Ночуем в пещере под камнем на первом коше. Дождь, холод. Ещё до рассвета – выход. Ведёт нас Игорь Бородацкий. Несколько часов тяжёлого подъёма – и вот вершина. На ней триангуляционный пункт, на нём – металлическая статуэтка Ленина, смотрящего в сторону Грузии. Непорядок. Разворачиваем Ильича в сторону Чечено-Ингушетии и, удовлетворённые свершением, начинаем спуск.

Вообще-то про Кистинское ущелье надо отдельно сказать несколько слов.

Кистинка. Нижняя часть ущелья расположена напротив так называемого замка царицы Тамары в Дарьяльском ущелье, возле слияния речки Кистинки и Терека, где расположена небольшая ГЭС. На скале воле ущелья – памятная над-

пись о том, что именно на этот склон Киса Воробьянинов вознёс украденную у разъярённого Остапа колбасу. Возле ГЭС на Военно-Грузинской дороге когда-то стояла скульптура альпиниста с ледорубом, мужественно взиравшего вверх по Кистинскому ущелью, но к началу семидесятых годов от скульптуры остался только постамент.

До истоков реки Кистинки можно при известном напряжении дойти с рюкзаком за день; но обычно на это уходило два дня, считая день приезда из Грозного. Если не удавалось добраться за день, промежуточную ночёвку устраивали на так называемой Земляничной поляне, а уже на второй день приносили наши гигантские рюкзаки до базового лагеря на морене ледника Кибеши.

Самое неприятное – подход к месту базового лагеря. У рюкзака, как известно, бывает только два состояния – либо он тяжёлый, либо его нет. На подходе, само собой, имеет место первое.

Подход – это самое отвратительное из всего, что есть в альпинизме. Подход – это когда нужно доволочь до подножия горы всё необходимое для организации бивака и последующего прохождения маршрута. На маршруте, где начинается собственно альпинизм, может быть трудно, опасно, порой очень трудно и очень опасно; но так тоскливо, как на подходе, не бывает никогда.

Многочасовая ходьба под рюкзаком – большое искусство. Существует множество хитростей в том, как поставить но-

гу, «подложив» под каблук камешек; как обнести её вокруг камня – не сгибая в колене, чтобы не тратить на это драгоценные калории.

С. Говоров на скальном гребне

Альпинисты не бывают атлетами – гору мускулов таскать по горам невозможно. Нет гипертрофии отдельных групп мышц, поскольку надо делать естественные движения: идти, лезть, переносить тяжести. Характерный облик альпиниста –

худощавость; эластичные, плоские как ремни мышцы. Альпинисты узнают друг друга на городской улице: походка, облик, взгляд, речь – просто чувствуешь, что этого человека можно представить идущим десять часов под двадцатикилограммовым рюкзаком. Или, наоборот, стоящим неподвижно на страховке: взгляд прикован к напарнику, обрабатывающему сложный участок маршрута; тело и нервы упруги и готовы к рывку. Ледяная талая вода по верёвке втекает в левый рукав и вытекает из правой штанины. И так часов шесть, и нельзя отвлечься.

Смотришь в толпу и видишь: вот этот так смог бы. А этот – нипочём.

В верховьях ущелья расположено ледовое плато так называемого Грузинского угла, амфитеатром окаймлённое с трех сторон несколькими скальными вершинами. Четвёртая сторона открыта; в эту сторону из ледовой чаши в сторону Казбека свешивается язык ледника. Это плато работает генератором льда: вбирает в себя снег, солнцем и гравитацией преобразует его в фирн, а затем в пластичный глетчерный лёд, который питает медленно сползающий в долину ледник, нижняя часть которого сильно разорвана (по альпинистской терминологии это называется ледопад). С языка ледника стекает вниз по ущелью река Кистинка, даже по высокогорным меркам удивительно чистая и прозрачная.

Место это в те годы было весьма популярно у альпинистов – взобраться на ледовое плато непросто; но, взобрав-

шись, можно довольно быстро пройти несколько маршрутов, добавив новые клеточки в таблицу своего спортивного роста. Окружающие плато вершины вполне по альпинистским меркам доступны, за исключением самой крайней западной, Дзенеладзе, имеющей несколько скандальную репутацию. На неё ходили редко.

Базовый лагерь мы обычно устраивали на так называемых нижних ночёвках Алёши Джапаридзе; они же «Хрустальные ночёвки» (называемые так из-за расположенной рядом пещеры, в которой можно было наколупать довольно приличные друзы горного хрусталя).

Если отвлечься от ошеломляющих красот природы, то с точки зрения альпинизма место это отличается изрядным коварством по нескольким причинам.

Во-первых, ледопад в нижней части ледника практически непроходим. Дело в том, что, сколь ни странным это может показаться для взгляда со стороны на столь нелогичное занятие как альпинизм, в альпинистском лексиконе есть термин – «логичность» маршрута. Практически это означает, что путь подъёма на вершину может быть сколь угодно сложен, но он обязательно должен быть логичным, то есть выглядеть наиболее естественным, коли уж приспичило влезть на гору именно с этой стороны, таковы правила игры. Иначе всё это занятие было бы уж совсем глупым. Несмотря на кажущуюся условность этого термина, на практике логичность пути подъёма на гору при взгляде на неё воспринимается с

полной очевидностью.

Так вот, подъём на плато через ледопад чрезмерно сложен, нелогичен и опасен; никому и в голову не приходит туда соваться. Единственный логичный путь на плато проходит через «горло» – узкий промежуток между скалами и ледопадом. Склон в этом месте довольно крутой и заполнен натёчным льдом, который в отличие от глетчерного льда твёрд и хрупок, как бутылочное стекло. Ступени в нём вырубить невозможно – скалывается линзами; кошки на нём не держат – твёрдый; крюк завернуть не удаётся – сперва крюк не лезет, а потом лёд раскалывается. Так вот, первое коварство этого места состоит в том, что в те дни, когда «горло» заполнено снегом, пройти здесь можно просто пешком, вытаптывая в снегу ступени; а если снега нет, можно и не пройти вообще, если не подготовиться заранее к сложному ледовому участку.

Сворачиваем лагерь на плато Кича. Прощальный взгляд на Казбек

Во-вторых, само плато по форме являет собой нечто вроде параболической спутниковой тарелки, фокусирующей солнечные лучи. В ясный день здесь ощущаешь себя как на сковородке, хотя вокруг снег и лёд – стоит зазеваться, и незащищённые одеждой части тела обгорают за несколько минут: солнечная радиация, не отфильтрованная разрежённой атмосферой, лупит и сверху, и снизу. Глетчерная мазь не помогает, спасают только перчатки и марлевые маски вроде па-

ранджи, с дырками для глаз, точнее, для очков: тёмные стеклянные (обязательно стеклянные, пластик пропускает ультрафиолет) очки тут вообще нельзя снимать ни на минуту. Был случай, когда одна из наших дам не вовремя спохватилась, получила серьёзные ожоги лица и на время ослепла, дело кончилось полномасштабной спасаловкой².

Третье коварство этих мест имеет геологическую природу. Этот горный массив сложен метаморфическими породами юрского возраста: слоистыми сланцами и филлитами³. Они ненадёжны как опора – неожиданно рассыпаются под руками и ногами; на них трудно организовать страховку – раскалываются по слоям при попытке забить скальный крюк; острыми краями плиток режут верёвки, одежду и обувь. Альпинисты не любят такие скалы: намного приятнее идти по прочному граниту, где и забиваемый крюк «поёт», и душа.

В течение долгого времени мы не сталкивались с ещё одним – четвёртым – коварством этого ледового плато, знакомого нам, как улицы родного города: закрытыми трещинами на леднике.

Замыслили мы как-то пройти траверс (пересечение по гребню) всех вершин скального амфитеатра. Вышли ввосемьмером – четыре связки, две палатки; для траверса такой состав группы нормальный. Поднялись через «горло» на плато,

² Спасательные работы в горах

³ Глинистый сланец

дело к вечеру, побрели искать место для палаток, где не так донимал бы пронизывающий ветер. Связаться, само собой, и в голову не пришло в этом хоженном-перехоженном нами месте. Вообще-то идти без связок по закрытому (заснеженному) леднику – безумие, это запрещено; но мы себя чувствовали здесь как дома; да и сознание было слегка затуманено гипоксией. Спихватились только тогда, когда поставили одну палатку и стали вспоминать, в чьём рюкзаке вторая. Спустя какое-то время до нас стало доходить, что одного из нас нет – Анатолия Базилевского. Единственная для человека возможность исчезнуть на стерильно белой почти ровной поверхности не сразу пришла в голову. Когда пришла, бросились (если этим словом можно обозначить движение усталых людей в глубоком снегу на высоте более четырёх километров) назад по цепочке следов и вскоре увидели небольшое отверстие в снегу. Дырка была тёмная, глубокая, страшная, загибавшаяся вбок; ничего там не было видно.

Последующий кошмар не хочется вспоминать. Когда прошёл приступ отчаяния от нелепости случившегося, стали действовать. Первым в трещину спустился Володя Трофимов, долго пытался пробраться в полной темноте к Анатолию. Толик улетел метров на пятьдесят: верёвку-сороковку для спуска к нему пришлось надвязывать; его вбило в узкую трещину как гвоздь, и подобраться к нему было невозможно (впрочем, именно узость трещины и спасла его: трение о стенки не позволило падать очень быстро); он был в

шоке и почти не реагировал на окружающее. Удалось зацепить Толика веревкой, потянули, но положение стало ещё хуже: он перевернулся вниз головой и стал совсем неконтактным. Быстро темнело. Когда Володя вымотался окончательно, в трещину спустился наш тренер Игорь Бородацкий. Через несколько часов, уже глубокой ночью, после нескольких неудачных попыток ему удалось-таки пристегнуть к обвязке Толика карабин⁴. Дёрнули и вытащили репку. До рассвета просидели вокруг лежащего в полубессознательном состоянии Толика ввосьмером в одной палатке (рюкзак со второй палаткой остался в трещине), на рассвете пошли вниз. Всё кончилось относительно благополучно, не считая серьёзных обморожений.

Если смотреть из ущелья вверх на плато, крайняя справа вершина – Рустави. Крайняя слева в скальной подкове вершина Дзенеладзе в альпинистских кругах считалась аномальной: что-то с ней было неладно; какие-то Бермуды локального масштаба. Возможно, некая мистичность этого места имела тектоническую природу: толща юрских пород здесь по разлому прорвана магматическими внедрениями; встречаются пещеры с крупными друзами хрусталя. Давно замечено, что с районами активной геотектоники связаны некие странности, иногда труднообъяснимые на рациональном уровне.

⁴ Элемент альпинистского снаряжения: металлическое кольцо с защёлкой для соединения верёвки со страховочной обвязкой

На этой горе почти всегда присутствовала непогода; несмотря на относительную несложность (с альпинистской точки зрения, разумеется) маршрута, большинство попыток подняться на эту гору заканчивались неудачей по разным причинам. На горе было много несчастных случаев с альпинистами. Есть данные, что в своё время она называлась пик Берии, и этот факт придавал мрачноватый оттенок и без того скверной репутации вершины. Мне лично удалось на неё подняться с седьмой попытки.

Этот день запомнился хорошо. Предпоследняя попытка была предпринята нами накануне; мы даже вышли на «плечо»: залитую натёчным льдом скальную мульду, и начали было подниматься по предвершинному гребню, но гора нас с себя попросту сдула – бешеный ледяной ветер, снег с градом; пришлось отступить к «Хрустальным ночёвкам».

Погода и в этот раз, само собой, была отвратительная; но всё же пока можно было двигаться. Шли мы в связке втроем; это неудобно, так сейчас не ходят, но другого выхода не было, так как наш четвёртый товарищ приболел. После нескольких часов подъёма с «плеча» по гребню, обойдя очередную стоящую на ребре филлитовую плиту – она тут в таком шатком положении простояла лет эдак миллионов пять, со времени последней фазы активной альпийской складчатости – обнаружили, что дальше идти некуда. Мы немного удивились этому обстоятельству: как это вдруг такая капризная

гора нас к себе допустила, вытащили из вершинного тура⁵ записку, исписанную грузинскими крючками, и, отплёвываясь от секущей лицо снежной крупы, заторопились вниз, опрометчиво полагая дело сделанным.

Напрасно мы так полагали. Это была ловушка.

При спуске на «плечо» надо было пересечь небольшой снежный жёлоб, выглядевший вполне безобидно. На всякий случай решили подстраховаться. Лёша Луконенко взял ледоруб на изготовку, сделал шаг – и в следующий миг уже стремительно летел вниз по жёлобу, который только казался снежным: снегу оказалось два сантиметра, а под ним гладкий как стекло натёчный лёд. Ф-Р-Р-Р-РАППП! – проехавшись по острым рёбрам сланцевых плиток, лопнула оплётка верёвки, и Лёша повис на нескольких капроновых нитях. В эти доли мгновения я успел подумать, что схожу с ума: огромный скальный выступ, за который была заложена верёвка, сдвинулся и медленно пополз на меня – от рывка верёвки сломался хрупкий сланец. Третий в связке – Валера Логовской, стоявший на полметра ниже, упёрся в меня головой, чтобы помочь удержаться.

Малейшее шевеление могло вывести систему из шаткого равновесия. Метель мигом улеглась, и лукавая гора глумливо наблюдала за происходящим – ну что, мол, взяли?

Я осторожно повернул голову и посмотрел на Лёшу, потом дальше вниз на «плечо», потом ещё ниже – на ледник.

⁵ Пирамидка из камней на вершине

По вертикали метров семьсот. Меня затошнило.

То, что коварная гора собиралась прихлопнуть нас как мух, на этом склоне – несомненно. Никаких причин уцелеть у нас не было, кроме одной: Там, Наверху, рассудили, что ещё не время, и укротили свирепый нрав горы.

Алексей осторожно приподнялся на кошках, ослабив нагрузку верёвки, и этой секунды нам хватило, чтобы сменить точку страховки.

Остальное было делом техники. Верёвку в месте обрыва завязали узлом. Извлечённый из небытия Лёша набросился было на нас с упрёками, но мы ему молча показали, на чём он держался, и наш обычно язвительный друг тут же при-смирел.

Этот кусок верёвки долго потом висел у него дома на стене.

Но эти все приключения, разумеется, были редкостью, обычно все наши альпиниады⁶ в Кистинке проходили вполне благополучно.

Надо сказать, наши весенние и осенние восхождения в Кистике дали нам многие навыки, которых не было у тех, кто занимался альпинизмом только в альплагерях. Помнится, однажды перед восхождением на Тютюбаши по маршруту 5А (выходили мы из альплагеря Уллутау) нам пришлось заночевать на леднике под стеной. Для нас дело привычное: мы спокойно стали готовиться к ночёвке на снегу: вытопта-

⁶ Массовое альпинистское мероприятие

ли площадку, выложили её сланцевыми плитками, застелили полиэтиленом от влаги, выстроили стенку из снежных кирпичей с наветренной стороны... Ребята из альплагеря смотрели на нас с изумлением: потом признались, что первый раз ночуют на снегу.

В Кистинке мы проводили не только альпиниады, но и соревнования по скалолазанию: вблизи дороги, разумеется, не поднимаясь вверх по ущелью.

Дигория. Кистинка была основным, но не единственным местом наших альпиниад, которые проводились во времена советских праздников в ноябре, в марте и в мае.

Несколько праздничных дней, плюс выходные, плюс правдами и неправдами выцарапанные отгулы или отпуска за свой счёт – набиралось достаточно времени для пары-тройки хороших гор. Выезжали мы также в ущелья Мидограбин и Дигория в Осетии.

Горный район Дигория находится в западной части республики Северная Осетия. В месте слияния рек Харес и Танадон находится большая поляна Таймази. К югу над поляной высится цирк ледника Таймази, ограниченный гребнями одноимённых вершин Главного Кавказского хребта. Выше по ущелью на высоте 3000 метров раскинулась обширная поляна Нахашбита, на которой обычно размещались базовые лагеря альпинистов при восхождении на вершины центральной части Суганского хребта.

В Дигории грозненскими альпинистами было совершено немало очень интересных восхождений.

Последний раз мне удалось побывать в Дигории весной 1982 года, в год первого, совершенно феерического, восхождения советских альпинистов на Эверест.

В целом в тот раз наше мероприятие в Дигории прошло неудачно, погода не способствовала успеху восхождений. К тому же возникли бюрократические сложности: нам не хватало одного тренера для минимального набора должностных лиц альпинистского мероприятия. Мы с Валерой Логовским помчались на УАЗике в ночь в Грозный, чтобы найти недостающую штатную единицу. Ночная поездка после дневного выхода была мучительна, глаза слипались. На трассе нарвались на классическую засаду: на асфальте в свете фар лежали распростёртые женские тела. У нас спросонья хватило ума их объехать. Убедившись, что подстава не сработала, «пострадавшие» с криком пытались нас остановить, бросаясь на капот. Еле удрали.

Дигория, после спуска с Галдора: Логовской, Говоров С., Недюжсев, Курочкин, Луконенко

В Грозном я оббегал весь город в поисках недостающего инструктора; все отказывались под разными предлогами. Легко согласился Саша Курочкин, и мы с ним на рейсовых автобусах отправились обратно. В Чиколе заглянули в книжный магазин. Если кто помнит – это были времена тотального книжного дефицита, но сельские районы снабжались хорошо, и у нас глаза разбежались. Набили рюкзаки книгами. Помню, я купил среди прочего четырёхтомник «Войны и мира». Такие были времена...

Последний отрезок пути брели под дождём по дороге пешком, попутного транспорта не было. Возле Стур-Дигоры встретили идущую навстречу машину с нашими – альпиниаду свернули из-за полного обвала погоды. Но мою палатку оставили на поляне, пришлось тащиться дальше. Саша молодец, меня не бросил, пошёл со мной. Добрели до нашей стоянки на поляне Таймази. Мокрые, замёрзшие, усталые; поляна залита водой, палатка в луже, темно, холодно, дождь, ветер. Тоска. Побрели уныло вверх на базу ростовских альпинистов попроситься погреться. А там... Свет, камин, тепло, уют, горячий чай. Приняли как родных. Раскочегарили сауну. Парились всю ночь, прыгали прямо с порога сауны в хрустальный ручей. Кто-то сказал, что Балыбердин и Мысловский взошли на Эверест. Стало ещё радостнее. Может

быть, это была лучшая ночь в моей жизни. Кто знает...

Но, конечно же, основная альпинистская подготовка и наиболее серьёзные восхождения совершались в альплагерях.

Альплагеря. Советский альпинизм был своеобразным явлением, существенно отличавшимся от его западного аналога и возникшим, вероятно, на фоне ограниченных возможностей самореализации человека в рамках системы. По контрасту с серостью будней ослепительный мир гор – сияющие вершины, яркая природа, реальные приключения и опасности, острые эмоции, ореол романтики, широкий круг общения, в том числе с иностранцами – всё это производило на выпавшего из рутины бытия человека неизгладимое впечатление, и ему хотелось вновь окунуться в этот мир, так разительно отличавшийся от окружающей его повседневности.

Как часть системы, альпинизм был централизован и приведён в соответствие с ней – стройная методика подготовки, чёткая классификация маршрутов, унификация разрядов и спортивного роста, сеть альплагерей, секций и клубов – разрушение этого своеобразного мира не может не вызывать сожаления. С другой стороны, очевидны и недостатки той системы – формализм и бюрократия, множество запретов и ограничений, порой бессмысленных.

Встречался в альплагерях и некий намёк на дедовщину, которая, впрочем, проявлялась в достаточно безобидной и

несколько ироничной форме – ввиду отсутствия питательной среды для этого явления и некоторой элитарности контингента. Страдающими субъектами в этом отношении выступали стажёры, прибывшие в альплагерь после окончания школы инструкторов, и до присвоения инструкторского звания работающие с участниками (или, как сейчас стали говорить на западный манер, с «клиентами») под присмотром опытных тренеров.

Реализовывалось данное явление в необходимости пройти по окончании стажировки несложный ритуал посвящения в инструктора (сопряжённый, правда, с маканием в ледяную воду) да в том, что на безответных стажёров при случае стремились спихнуть всякую неприятную работу, которую кому-то делать всё-таки надо. Например, приходилось откапывать заваленный лавиной лагерный водозабор под ледником. А ещё пришлось как-то гнать корову на закление: казалось бы, чего проще – возьми палку и вперёд. Выяснилось, однако, что скотина понимала, что её ждёт, и отчаянно сопротивлялась. Смотреть ей в глаза было тяжело. Чтобы поменьше вляпываться в такие дела, приходилось быть бдительным и пореже попадаться на глаза тренерскому составу лагеря, что не всегда удавалось.

Однажды, в период моего пребывания в стажёрах, мы с лагерным врачом за обедом затеяли интереснейшую дискуссию о высотной границе проявления симптомов горной болезни в различных климатических зонах, и я вышел из сто-

ловой одним из последних. На плацу перед административным зданием было пусто.

В административном здании размещались главные са-кральные элементы альпинистского лагеря: столовая, учебная часть, актовый зал и несколько учебных классов. Широкие бетонные ступени спускались от здания на бетонный плац, где происходили важнейшие события лагерной жизни альплагеря – утренние разводы, встречи вернувшихся с горы и прочее. На ступенях располагались телескоп на штативе для наблюдения за восходителями на окружающих лагерь вершинах и немислимой конфигурации коряга, отдалённо напоминавшая ископаемого динозавра. От плаца до речки простиралась очень красивая зелёная лужайка, в альпинистских кругах знаменитая не менее чем лужайка перед Белым Домом. Для этого были основания: взрастить идеально ровный газон на безжизненных камнях удалось ценой многолетних усилий – снизу в рюкзаках натаскали дёрн, аккуратно его разложили; травку регулярно поливали и стригли.

Итак, плац был пуст. Стерильный горный воздух, бездонная синева неба, сияние снежных вершин... Запах нагретой солнцем хвои и сосновой смолы... На зелёной лужайке идилично пощипывала муравушку беленькая козочка лагерного завхоза. Расслабившись, я потерял бдительность и совершил безрассудный для стажёра поступок – присел на вытертый штанами поколений альпинистов огромный ствол какого-то давно вымершего дерева, неведомо кем и, главное,

неведомо как сюда втащенный. Солнышко припекало, меня разморило.

«И дик и чуден был вокруг весь божий мир...»

Из столовой, слегка покачиваясь после плотного обеда, вышел гордый дух в лице инструктора Кима Кириллыча – легенды альплагеря Уллутау, работавшего в нём едва ли не со дня основания. Я втянул голову в плечи, мгновенно засох, поменял окрас эпидермиса и прикинулся сучком на стволе. Ким Кириллыч постоял на солнцепёке, с неизбывной тоской старожилы презрительным окинул оком. И тут ему в прицел попала козочка. Взгляд легенды оживился; в нём забрезжила некая мысль. Ким Кириллыч приосанился и рявкнул вверх по ущелью, в сторону Сванетии: «Стажёры-ы-ы!!!»

– Ы-Ы-Ы-Ы! – заметалось между склонами ущелья эхо и испуганно спряталось в соснах. С перевала Гарваш обрушилась лавина, взметнув облако снежной пыли. Коза заблеяла и высыпала на лужайку коричневые шарики.

Снежная пыль улеглась. Плац был пуст. Раскалённый воздух мерцал над бетоном.

Ким Кириллыч с полуоткрытым от изумления ртом посмотрел налево, направо. Видно было, что он потрясён тем, что стажёры тут же не возникли перед ним, всхрапывая от нетерпения, роняя пену с удил и роя бетон горными ботинками от энтузиазма.

– Где же стажёры?! – растерянно спросил Ким Кириллыч окрестные вершины. Горы безмолвствовали.

И тут его взгляд пал на меня. Глаза его хищно вспыхнули.
– ААААА!!! – вскричал легенда лагеря и замолк, на несколько секунд потеряв дар речи от негодования – А!!! Стажёр!!! Пач-ч-чему животные на лужайке?!

Я понял, что мимикрия не удалась, обречённо вздохнул и пошёл навстречу судьбе. То есть козе.

Люди в альплагере такие же, как и везде, то есть разные – молодые и пожилые, худые и не очень, умные и не вполне. Но в каждом присутствует некая подтянутость, спортивность, что ли. После альплагеря городская улица кажется скоплением калек.

После прибытия в лагерь участников они должны сдать нормативы физической подготовки: подтянуться на перекладине двенадцать раз, присесть на одной ноге двадцать пять раз, пройти по бревну (тест на вестибулярный аппарат), потом ещё отжимание, пресс. Во время сдачи нормативов Ким Кириллыч настойчиво порывался помочь взобраться на перекладину невысокой девушке, которая слабо отбивалась: «Не надо! У меня от этого сознание раздваивается!».

Потом начинается цикл занятий на камнях, траве, скалах, льду, снегу, переправы... Медицина, связь... Новичкам, вполне взрослым людям, приходится осваивать многие элементарные вещи; например, завязывать шнурки на ботинках: запутавшись кошками в плохо завязанных шнурках, можно получить крупные неприятности. Потом восхождения по маршрутам различной категории сложности – в зави-

симости от квалификации клиентов.

Первое лето после поступления в Грозненский нефтяной институт – альплагерь Цей, где инструктором у меня была Эльвира Сергеевна Шатаева – яркий, незаурядный человек. Спустя несколько лет возглавляемая Эльвирой женская команда погибла при спуске с пика Ленина из-за жестокой непогоды. Тяжело было об этом узнать.

В альплагере Цей мы познакомились и с её мужем Владимиром Шатаевым, впоследствии государственным тренером СССР по альпинизму, главным тренером сборных команд СССР (затем России) по альпинизму. Потом восхождения на пики Цейхох, Николаева, Шульгина, Кальпер... Первое прикосновение к настоящему альпинизму запомнилось навсегда. Третий спортивный разряд по альпинизму – мечта сбылась!

Альплагерь Адылсу запомнился участием в спасательных работах и получением жетона «Спасательный отряд».

Так сложились обстоятельства, что именно в нашу смену должны были проводиться соревнования спасательных отрядов Эльбрусского района. Тренировались мы самозабвенно, недели две упорно вязали узлы, отрабатывали теорию, медицину, транспортировку пострадавшего по различным формам горного рельефа и по воздуху, подъём его и спуск различными способами; всё это с использованием как специ-

ального снаряжения, так и подручных средств.

В команде должно было быть шесть человек, а тренировались на всякий случай восемь: выбрать выходящих на старт предстояло по гамбургскому счёту; а поучаствовать хотелось всем, и мы изнуляли себя тренировками с утра до вечера. Накануне дня соревнований объявили состав членов команды – меня включили. Чувства описать трудно

Ранним утром в день соревнований меня разбудили довольно грубым толчком:

– Вставай, быстро. Выходим на спасаловку. Соревнования отменяются. В третьем отделении мужик улетел. Соображай быстрее. На сборы десять минут. Поисковую группу забросили вертолётom. Мы в транспортировочной группе. Быстрее.

Пока мы бежали по тропе к КСП (контрольно-спасательному пункту), на ходу выяснили ситуацию. Одного из участников третьего отделения на разборе предыдущего восхождения инструктор упрекнул в робости. На следующем восхождении на пик МНР мужик в стремлении реабилитироваться стал рисковать необоснованно; сегодня утром сорвался с гребня и улетел вниз по ледовому кулуару⁷.

Ключ от чулана со спасательным фондом куда-то запропастился, и начспас⁸ снёс навесной замок ледорубом. Навьючив на себя акью – разборные горные носилки – и другое сна-

⁷ Скальный, снежный или ледовый жёлоб на склоне горы

⁸ Начальник спасательной службы

ряжение для транспортировки пострадавшего, мы как могли быстро стали подниматься по склону, продираясь через колючий кустарник. Мой напарник забыл в лагере каску и шипел от боли, когда колючки втыкались ему в лысину. Когда мы выбрались из кустарника, он был похож на плохо побритого ежа. Ничего нет хуже спасаловки, когда люди бегут без оглядки на опасность; бегут, срывая сердца; бегут, пока есть надежда.

После нескольких часов изматывающего тело и душу подъёма идущий впереди командир отряда остановился, держа рацию возле уха, и поднял руку: стоп.

– Нашли, – сказал он, когда мы собрались возле него.

– Живой?

– Где там. Восемьсот метров по шероховатому льду. На половину стёрся, пока долетел.

Акью и другие теперь уже лишние тяжести мы оставили на тропе, взяли только разборный дюралевый шест с наплечниками на обоих концах. Живого человека на нём нести невозможно, разве что только с душевной травмой; а для такого случая в самый раз. Когда мы подошли к подножию кулуара, погибшего уже завернули в перкаль⁹ и обвязали репшнурами. Командир третьего отделения сидел рядом с ним и смотрел... трудно описать, как он смотрел. Тело приторочили к шесту и, сменяясь, понесли вниз. Солнце палило нещадно,

⁹ Плотная ткань, в альпинизме используется для изготовления палаток и плащей

ботинки погибшего больно упирались мне в спину.

До лагеря добрались к вечеру. За ужином в столовой странно было смотреть на пустое место за столом, где ещё позавчера сидел и балагурил человек. Ребята из его отделения сидели, опустив глаза.

Из-за того, что команда нашего альплагеря в полном составе участвовала в спасательных работах, соревнования отложили на день. Наутро после вчерашней спасаловки мы вышли на старт на Джантуганском скалодроме. Адреналин вчерашнего дня ещё кипел в крови; работали, понимая друг друга с полувзгляда. Мы прошли трассу быстрее всех и заняли первое место среди спасательных отрядов Эльбрусского района.

Я занимался одним из тех немногих дел, которыми можно заниматься бесконечно – сидя на берегу «бешеной речки Адылсу», как её назвал поэт Николай Тихонов, смотрел на поток воды, рвущейся через камни вниз, в долину. Не отрывая глаз от воды, вытащил из кармана квадратную мельхиоровую пластинку, покрытую с одной стороны цветной эмалью. Очень красиво – двуглавая Ушба в лучах восходящего солнца и надпись: «Спасательный отряд». Жетоны нам вручили вчера в альплагере Шхельда вместе с золотистыми повседневными дубликатами, грамотами, красными книжечками-удостоверениями; в очень торжественной обстановке перед строем спасателей Эльбрусского района, после долгих

речей и поздравлений. Жетоны мы все шестеро сложили в одну кружку, залили их спиртом из обшитой войлоком фляги капитана команды и сделали по глотку. После крутого спирта металл жетонов, по-моему, слегка потускнел. Фляжку потом, само собой, довели до ума. Я повернул жетон – на реверсе был выбит номер: 1847. Я стал членом всесоюзного спасательного отряда. Жетон восемнадцать сорок семь.

Я взвесил жетон на ладони, широко размахнулся и-и-и-и-и-и – сам себя схватил за руку, чтобы не зашвырнуть его в воду. Сунул обратно в карман и, от греха подальше, зашагал прочь от реки.

Ослепительные вершины сияли вокруг. Яркие и стремительные, как вода горной реки события мчали нас дальше и вперёд. Мир вокруг был свеж и прекрасен, сверкал и переливался всеми своими гранями, как кристалл. Но стоит ли это всё жизни человека? Кто бы мне хотя бы сейчас дал ответ...

Альплагерь Безенги. Самый крутой из советских альплагерей на Кавказе, в самом высокогорном районе, самый спортивный... Ну, в общем, самый-самый.

Ярким воспоминанием о двух сезонах в альплагере Безенги стала встреча с колоритной личностью – инструктором из Пятигорска Якубовичем Валентином Валентиновичем, который был командиром нашего отряда; все в лагере называли его Тин Тинич. Этому человеку было свойственно то качество, которое сейчас называют харизмой.

Сперва он как-то нас невзлюбил и стал испытывать на прочность. На первом выходе в так называемый «Тёплый Угол» после тяжёлого перехода погнал нас обратно в лагерь для замены неисправных раций. Мы молча (как говорится, скрипя зубами) сделали обратный рейс, пока остальные отделения отдыхали перед восхождениями. Затем мы почти без отдыха вышли на траверс пиков Дружба-Гидан 4Б категории сложности; и на траверсе (со злости, вероятно) умудрились на полдня обогнать группу, вышедшую на траверс на сутки раньше нас. Траверс – это пересечение двух и более вершин по соединяющему их гребню; это не дорога, где можно нажать на газ и обогнать. Ребята по ошибке закопались на самом гребне, а мы проскочили мимо них по полке чуть ниже. Тин Тиныч не сказал ни слова, но как-то стал с нами мягче.

Потом был выход в ущелье Думала.

Палатки мы поставили на морене ледника на идиллической полянке, покрытой изумрудной травкой с крокусами «привет из Америки», называемыми так за сходство с торчащей из-под земли фигой.

Ночью пошёл дождь. Ну, дождь и дождь, эка невидаль, спим дальше. Потом проснулись оттого, что шум дождя стал подозрительно громким; и к его шуму примешивался какой-то стук, переходящий в равномерный грохот. Когда стало светать, выяснилось, что лежим в воде; пришлось выбираться из палатки. Открывшийся нашим взорам пейзаж впе-

чатлял. Изумрудная полянка превратилась в озеро; в двух шагах от наших палаток не иначе как вмешательством сил небесных остановился сошедший ночью сель – огромный холм из перемешанных с грязью многотонных глыб...

Грозненцы в Безенги: Луконенко, Недюжев, Курочкин

В ущелье Думала нам удалось за несколько часов пройти маршрут 4Б категории на пик Канкошева.

С бивака на поляне мы вышли в четыре утра, и почти сразу поняли, что поторопились с ранним выходом. Поняли, когда спросонья в темноте при спуске на ледник влезли в узкий осыпной¹⁰ кулуар – глубокий, очень крутой каньон шириной метров десять, промытый потоками талой воды в боковой морене. Циклопическое сооружение, скучно называемое ныне живущими «боковой мореной», было сотворено пару тысяч лет назад юным могучим ледником из разнокалиберных обломков окрестных гор, обильно пересыпанных мелкой сланцевой дресвой. Из-за неё в сухую погоду в кулуаре пыльно, в мокрую грязно, а в темноте просто мерзко: круто, ничего не видно, под руками и ногами всё осыпается. Того и гляди задетый два шага назад камень, подумав, догонит и хлопнет тебя же по пальцам либо по затылку, что нежелательно, ибо наши пластмассовые каски, именуемые «мыльницами» за соответствующую прочность и удалую расцветку, защищают только от придирок начспаса, потому как без них не положено. Выйти бы нам на полчаса позже, уже бы посветлело пространство вокруг. Темнота в горах совсем не та, что на равнине; здесь она действительно вокруг – внизу, под ногами, тоже она, темнота. Здесь вам не равнина, здесь климат иной.

¹⁰ Осыпь – скопление камней на склоне горы

Вылезать из кулуара наверх было уже не проще, чем продолжать спуск, да и до ледника оставалось немного – поток воды в его недрах урчал где-то рядом под нами. Наконец ошупью мы спустились на тело ледника и стали пробираться среди мерцающих в наметившемся рассвете нагромождений из глетчерного льда и каменных глыб. Ближе к середине ледника его поверхность стала ровнее. Ледник, придавленный темнотой, лежал на боку, как огромная рыба, и слегка флюоресцировал в лунном свете. Во сне ледник кряхтел, потрескивал и медленно, незаметно для суетного взгляда человека сползал в долину. Срединная морена ледника была прелесть: чистая и сухая, она покрывала его выпуклую поверхность чешуёй плоских сланцевых плиток. Стремительно светлело, и уже проявился на фоне неба похожий на хребет стегозавра гребень, по которому нам предстояло подниматься на вершину.

Под скалами гребня мы вытащили из рюкзаков веревку и всё к ней полагающееся, связались и полезли наверх. Круто, но пока несложно. Работали молча, изредка только: «выдай», «выбери», «страховка готова». Через час выбрались на гребень и увидели солнце. Воздух чуть оттаял и сильно пахло снегом. Внизу начал просыпаться ледник: гул потоков стал сильнее; забухали удары камней, которые, подтаяв, срывались с морены в бездонные трещины. Скалы стали сложнее, пришлось пустить в ход крючья. Пролезли два-три трудных, но коротких участка. Шли в хорошем темпе, повеселели.

Тин Тиныч с большим скрипом выпустил нас на маршрут, и от его успешного прохождения зависело многое из того, что было тогда для нас очень значительным...

Часа через полтора Лёнчик вдруг остановился и попытался почесать затылок через каску. Я по инерции боднул его снизу и посмотрел укоризненно.

– Ключ, – пояснил Лёнчик, почувствовав мой взгляд сквозь рюкзак.

Над нами распахнулся скальный «внутренний угол»: нечто вроде огромной каменной книги, полураскрытой и поставленной на обреш. Это был так называемый «ключ» – ключевой участок маршрута, наиболее сложный.

– И можно свернуть, обрыв обогнуть, – пробормотал Лёнчик и полез вправо. Я понял, что он хочет обойти ключевой участок по большому снежному кулуару, выходящему на предвершинный гребень.

Кулуар смотрелся нехорошо. Он был очень крутой, а в самой верхней его части на честном слове начспаса висел кубокилометр мокрого свинцового снега. Стоит с гребня сорваться камешку...

– Смует, как ... в унитазе, – резюмировал Лёнчик.

Мы повернулись и пошли обратно под «ключ».

Вид «ключа» тоже особого энтузиазма не вызывал. Кому-то надо было идти первым, с нижней страховкой. Лёнчик молча стал развешивать на обвязке¹¹ снаряжение, необходи-

¹¹ Обвязка – элемент страховочного снаряжения: пояс и беседка

мое для прохождения сложного скального участка.

– Пошел, – сказал он и начал подниматься по стене.

Я принял классическую позу страхующего и стал медленно выдавать веревку. Первые пять метров Лёнчик прошел уверенно. Было тихо. Только тонкий звон забиваемого крюка, щелчок карабина, шорох протягиваемой веревки. Дальше стена из отвесной стала «отрицательной»: скала нависала над головой. Согласно описания маршрута нужно было создать искусственную точку опоры: вбить крюк, повесить на него маленькую двухступенчатую лесенку, встать на неё и, болтаясь в воздухе, забить другой крюк выше нависания. Лёнчик замер и внимательно осмотрел скалу, пытаясь найти возможность обойтись без этой хлопотной процедуры. Чуть выше и правее в широкой трещине торчал швеллерный клин, оставленный кем-то из предшественников. Конечно, мы знали, что старые крючья использовать нельзя: со временем они ослабевают, но швеллер выглядел очень уж соблазнительно. Взяться за него, подтянуться, два-три точных движения – и нависание пройдено. Лёнчик колебался. Несколько раз он дотягивался до швеллера, трогал его. Вроде бы клин сидел прочно. Наконец Лёнчик решился – вставил в отверстие швеллера карабин, взялся за него и, плавно, без рывка нагружая, стал подниматься.

Швеллер вышел из трещины беззвучно и Лёнчик рухнул вниз. Сильный рывок верёвки бросил меня к стене. Крик, удар – Лёнчик повис на верхнем из забитых им крючьев и

его маятником швырнуло на скалу. Плохо соображая, что к чему, я машинально вытравил веревку и Лёнчик повалился на площадку рядом со мной.

Внизу позванивали, ударяясь в полёте о скалы, швеллер с карабином.

Снаружи травм у Лёнчика не было, но сильно болел бок, могли быть внутренние повреждения. Надо было на что-то решаться. Можно было попытаться спуститься, однако спуск по скальному рельефу часто труднее, чем подъём; да и опаснее – большинство несчастных случаев происходит на спусках. Можно было продолжить подъём к вершине, до которой оставалось уже немного, и затем спуститься по несложному склону.

Всё это, конечно, понимал и Лёнчик. Он тяжело дышал, откинув голову, и молчал. Без движения мы стали мёрзнуть.

– Давай решать – сказал я. Мог бы и не говорить. Лёнчик медленно поднялся и с угрюмым видом стал приводить в порядок снаряжение.

– Дойче зольдатен ниht капитулирен – буркнул он через минуту – пойдём наверх.

Даром такие встряски не проходят. «Ключ» мы пролезли, как говорится, на нервах. Тряслись руки, ноги и что-то внутри. Отдышавшись, наладили страховку и стали принимать Лёнчика. Ему было больно двигаться; он стонал и изобретательно сквернословил за перегибом в адрес и этой горы, и начспаса, и неведомого нам изобретателя альпинизма.

Потом мы долго сидели молча. Высосали флягу с виноградным соком, подышали и пошли дальше. Выше «ключача» крутизна склона увеличилась, но скалы стали проще. Несколько снежных взлётов, немного несложных скал. Выбравшись за очередной перегиб, в двух шагах от себя я увидел пирамидку из камней – вершинный тур. С минуту я тупо смотрел на него; потом, спотыкаясь, вернулся к краю площадки и посмотрел вниз. Лёнчик стоял на снежном склоне, навалившись на ледоруб, и угрюмо смотрел на меня снизу.

– Далеко ещё? – мрачно спросил он.

– Всё уже.

– Что «всё»?

– Вершина.

– Так чего ж ты молчишь?! – возмутился он и очень быстро полез вверх.

Я выбрал верёвку, и мы повалились на камни рядом с туром.

...Лёнчик рисовался. Перед самим собой, естественно. Зрителей тут нет и длани к небесам в упоении победой возносить не тянет – небеса как-то подозрительно близко: во круг и местами даже внизу. Пора бы выходить на связь, но рация в пластиковом пакете лежит на рюкзаке, на лице Лёнчика полная безмятежность. Совсем обнаглел, закурил. Даже по сторонам не глядит. Это уже перебор – панораму района с вершины предписывается внимательно просматривать, чтобы сориентироваться для спуска на случай внезапного ту-

мана; такое в горах бывает.

– Лёша, связь, – не выдержал я.

Выдохнул дым, глянул на часы.

– Ещё две минуты.

Затянулся ещё пару раз, вытащил рацию, медленно, по инструкции – колено за коленом – выдвинул антенну, щёлкнул тумблером.

– ...те-те-те находитеcь – ворвался голос командира – тридцать первый, я поляна. Сатурн тридцать один, я поляна. Как у вас дела, сообщите, где находитеcь. (Ничего не понимаю. Что это наш металлический Тин Тиныч расшумелся на весь Кавказ?) Сообщите, где-вы-на-хо-ди-теcь. Приём, приём.

Вон что, наконец сообразил я. Маршрут мы прошли довольно быстро, и по раскладу времени ещё должны были быть на гребне, который отлично просматривается с поляны в бинокль; вот Тин Тиныч и забеспокоился, даже на связь вылез на минуту раньше.

У меня заныло в животе от счастья.

Лёнчик медлит полсекунды. Можно ли медлить полсекунды? Секунду, наверное, можно. Но он явно медлит, наслаждается. Нажимает кнопку.

– Поляна, я тридцать первый. У нас всё в порядке, находимся на вершине, – и не выдержал, ещё раз – находимся на вершине. Как понял, приём.

– Тридцать первый, я поляна. Вас понял, находитеcь на

вершине, – сквозь треск помех мне почудилось, что командир усмехнулся – молодцы. Связь кончаю. Эс ка¹² до без четверти двенадцать. Внимательнее на спуске, не торопитесь. Не торопитесь на спуске. Конец связи. Конец связи.

– Вас понял. Не торопитесь на спуске. Конец связи. Конец связи...

Алексей Луконенко на связи

¹² СК – связь кончаю (радио жаргон)

После этого восхождения отношения с командиром наладились полностью.

Во втором сезоне в Безенги у нас было полностью грозненское отделение, командиром был Виктор Роговской, в отделении была его жена Таня Павлова.

На спуске с пика Ми́ра мы попали под сильный снегопад.

На леднике мы неожиданно оказались внутри грозовой тучи. Ш-ш-с-с-с-аххх!!!... – вокруг со свистом хлестали горизонтальные молнии. Снег вперемешку с градом лупил снизу – воздух из ущелья выдавливало холодом на перевал. Гром грохотал непрерывно, как товарный поезд; приходилось орать в лицо, чтобы слышать друг друга. Видимость ноль: собственных ботинок не разглядеть в молоке тумана, верх и низ перемешались; мир пришёл в состояние до первого дня творения; не поверить, что эта планета – Земля. Зубы и ногти светились как у упырей от статического электричества...

Ледник после суток снегопада сиял коварной белизной. Покрытый снегом ледник называют «закрытым», подразумевая под этим термином то обстоятельство, что трещины на леднике спрятаны под снегом, в отличие от ледника открытого, когда лёд обнажён. Высота, гипоксия, нервное напряжение и усталость замедляют реакцию и скорость протекания мыслительных процессов; видимо, только этим и можно объяснить то, что на какой-то миг мы забыли хорошо известную сентенцию: закрытый ледник чист, как скатерть и

опасен, как минное поле.

Взглянув вперёд, я увидел, что Саша Курочкин солдатиком, как в воду, уходит в снег. До рывка верёвки я рефлексивно успел, как говорят, «зарубиться» – упасть, вогнать клюв ледоруба в фирн, умудриться не напороться на острую лопатку ледоруба, пропустив её между ухом и плечом, и навалиться на ледоруб. Годы тренировок не прошли зря: ребята быстро навертели в лёд крючья и закрепили верёвку. Нам в который раз повезло – трещина оказалась неглубокой, расширяющейся книзу. Обстановка была сюрреалистическая: сквозь туманную мглу, яростную метель и дикий вой ветра из недр ледника глухо, как из бочки, доносился жуткий мат.

– Я в чайнике!!! – кричал Саша: своды ледяного грота сужались над его головой.

Соорудив из репшнуров, карабинов и крючьев простейший полиспаст, мы довольно быстро выдернули его из трещины.

– Все живы, значит, всё в порядке, – отдышавшись, вспомнил Лёнчик фразу из Жюль Верна.

...Тин Тиныч много лет спустя, уже после развала СССР, собрал однажды рюкзак (почему-то очень быстро, как будто опаздывал куда-то), поехал в Приэльбрусье, поднялся на Приют Одиннадцати, постелил спальник под камнем, снял ботинки, улёгся на спальник так, чтобы видеть Эльбрус – и умер.

Кто знает, что творилось в душе этого человека.

Запомнилось восхождение на пик Панорамный 17 августа 1978 года. Может, с него и видно какую-то панораму, но в тот день, когда мы шли по стене, погода обвалилась.

Надо пояснить, что «идти» на альпинистском жаргоне означает передвижение вообще, любым способом; это слово не обязательно означает ходьбу как таковую. Можно даже болтаться в воздухе на отрицательном уклоне, поднимаясь по верёвке на зажимах – жюмарах¹³; всё равно это называется «идти». Двигаться было непросто, но пока всё шло без приключений.

Где-то на середине стены нас накрыла непогода – внезапно и резко: туман, ветер, снег – всё сразу. Сперва мы надеялись, что это временное явление; но прошёл час, два – ветер и снегопад становились всё сильнее. Скалы залепило снегом, зацепок не видно, трещины для крючьев удавалось отыскать только после раскопок. На связи из лагеря нас с тревогой спрашивали – как дела; командир отряда кричал по рации: вы там хоть небо видите? у вас ледовые крючья есть? крючьев не жалеть! всё спишем!

Видимо, внизу погода была не лучше.

– Камень!!! – услышал я вопль сверху и рефлекторно выполнил единственно возможное в этом случае: прижался к скале.

¹³ Приспособление для подъёма и спуска по верёвке

В этой ситуации нельзя шархаться от скалы – во-первых, чаще всего некуда, а во-вторых, таким образом гарантировано попадаешь под обстрел. Смотреть вверх – полное безумие: получишь камнем в разинутую пасть, такие случаи бывали. Наиболее эффективно мгновенно прижаться к скале. стена не бывает совсем гладкой, а малейшие выступы не дают камням лететь вплотную вдоль неё, отбивая их рикошетом; поэтому чаще всего имеется один-два дециметра непростреливаемого пространства и есть шанс уцелеть. При этом следует спрятать руки – даже удар по голове (на ней каска) может оказаться не так опасен, как травма рук – с повреждёнными руками человек на стене обречён, хотя всё остальное у него может быть в полном порядке: он не сможет спуститься, помочь себе или хотя бы вызвать спасателей по радио.

Камень чиркнул по каске сзади, удар пришелся по рюкзаку – в который раз опасность прощмыгнула в сантиметре возле затылка. Когда грохот камнепада отдалился, я осторожно глянул наверх и успел заметить, как за долю секунды ужас на лице Лёнчика сменился привычным иронично-уверенным выражением: стало ясно, что обошлось.

На занятиях наши инструктора часто повторяли: «надо чувствовать партнёра», стремясь упорными тренировками выработать в нас шестое чувство, при наличии которого верёвка, соединяющая тебя с напарником, превращается в нерв, объединяющий двух порой очень разных людей в единый организм – связку. Надо сказать, что в реальной обстановке

новке, когда цена любой ошибки велика, это чувство вырабатывалось довольно быстро; порой возникало отчётливое ощущение передачи мыслей по верёвке: малейшие её шевеления совершенно ясно говорили о том, что делает твой напарник на другом конце, в сорока метрах от тебя (а это высота шестнадцатипятиэтажного дома).

Сейчас ситуация была настолько острой, что мы все находились в своеобразном состоянии транса, когда слова почти не нужны и общение идёт на телепатическом уровне; причём это состояние воспринималось нами как совершенно естественное. Прочитав в моём взгляде всё, что может сказать уцелевший после камнепада человек его виновнику, Лёнчик поднял вверх палец и назидательно изрёк: «надо чувствовать камень партнёра». Рефлексировать было некогда, и мы двинулись дальше.

В надвигающихся сумерках мы выбрались на перемычку между вершиной и скальной башней. Поскольку уже начинало темнеть, Женя Недюжев с Лёшей Луконенко стали налаживать ночлег на снегу, а мы с Сашей Курочкиным пошли по гребню наверх снимать записку. Опасаясь промахнуться в надвигающейся темноте и уйти на другой склон, я стал вспоминать описание маршрута: «по гребню северо-западного контрфорса обойти жандарм¹⁴ «верблюды». Это ясно, но вот как там в натуре выглядит этот самый жандарм, скорее всего и на верблюда-то не похож: любят составители

¹⁴ Скальный выступ на гребне горы, преграждающий путь

описаний образные выражения, но уж два-то горба должны быть... Жандарм мы вскоре увидели: горбов не было, но на верблюда чем-то действительно был похож.

Воздух был настолько насыщен электричеством, что разряды били по всем выступающим формам рельефа. Мы шли, как под обстрелом: пригибаясь за камнями; почти ползли. Я попробовал высунуть голову из-за камня и тут же услышал звон с быстрым повышением тона: З-З-з-з-ззззз!!! – почувствовал, что сейчас получу в лоб разряд и быстро присел – звон прекратился. Больше высовываться из-за камня или привставать я не пытался. Добравшись на четвереньках до вершинного тура, раскидали камни – жестянка с запиской была вся в дырках с оплавленными краями: следы от молний. Забрали наполовину сожжённую записку предшественников, сунули в банку заранее написанную свою, и как могли быстро стали спускаться обратно на перемычку.

Ночью палатку периодически заваливало снегопадом, раза три мы выбирались её откапывать. С рассветом погода не улучшилась. Ждать было бессмысленно, поскольку снежно-лавинная обстановка ухудшалась с каждым часом. Мы решили рискнуть и пошли вниз.

Спуск по кулуару – заснеженному жёлобу – прошел без особых происшествий; только пару раз на нас со склонов прыгали небольшие лавины; мы загоняли ледорубы глубоко в снег и, вцепившись в них, пережидали снежный обвал.

Мы шли по гребню морены к альплагерю. Лавины обру-

шивались в ущелье с обеих сторон чуть ли не ежеминутно: склоны сбрасывали непривычную снеговую нагрузку, но на возвышении морены мы были в безопасности. Всё позади, чувство победы переполняло нас. Хотя мы были уже много ниже линии снегов, снег лежал на всём: на склонах гор, на зарослях рододендронов, на наших плечах и рюкзаках.

На подходе к лагерю мы неожиданно увидели инструкторов, вышедших нас встретить. Такое внимание не в традициях Безенги: здесь принято слегка бравировать обыденностью происходящего – ну подумаешь, сходили на гору. Потом нам объяснили, что в этот день непогода накрыла весь Кавказ, лавины и сели натворили много бед; в соседнем ущелье в палатку к ночевавшей на перевале группе залетела шаровая молния и убила одного из восходителей. После того, как связь с нами оборвалась, увидеть нас уже и не чаяли.

Ощувив себя героями дня, мы небрежно-мужественной походкой прошествовали через лагерь к своему домику. «Июльские снега, не путай их с другими...» – звучало по лагерной трансляции. Вообще-то в альплагерях редко поют или слушают «горные» песни, а если таковые и звучат, то чаще в пародийном варианте; например, на мотив «Кавалергардов»: «...не доверяйте деве юной свою страховку на стене...». Но в этот раз лагерный радист, видимо, настолько был впечатлён природным катаклизмом, что в тему врубил Визбора: «пылают в синеве июльские снега...».

Школа инструкторов. Незабываемая страница жизни – обучение в школе инструкторов альпинизма, которая в то время базировалась в альплагере Безенги.

Занятия по медицине проводил доктор Добронравов.

Доктор Добронравов успешно совмещал профессиональную деятельность (врач школы инструкторов альпинизма), хобби (альпинизм) и научную работу: готовил диссертацию по проблеме адаптации организма человека к экстремальным факторам высокогорья. Мы, курсанты школы, здоровые как лоси молодые парни и девушки (женщин было очень мало, что весьма повышало их привлекательность среди курсантов) были для него благодатным материалом. На первом занятии по медицинской подготовке доктор выдал каждому пакет адаптогенов (настойки заманихи, левзеи, элеутерококка; витамины, глюкозу, ещё какие-то пилюли) и подробную инструкцию по употреблению всей этой химии. Алкоголь в альплагере, само собой, не продавали; ближайший магазин – сорок километров по горной дороге, перепаханной селевыми потоками. Настойки были на спирту, и судьба их была решена в этот же вечер:

– Вам заманиху, сэр?

– Левзею, плиззз...

Огромные таблетки глюкозы отлично пошли в качестве закуски. В течение всего курса обучения доктор через день измерял наши физиологические показатели; напоминал о необходимости строго блюсти схему употребления адаптоге-

нов; строил графики и искренне радовался эффективности и диссертабельности разработанной им методики адаптации наших равнинных организмов к неадекватным факторам высокогорья. Мы, честно глядя в глаза, заверяли доктора Добронравова в своей полнейшей лояльности и послушно клали свои молодые тела на алтарь отечественной науки.

После доктора Добронравова пришел радист Волков – колоритная фигура, автор книги «Радиосвязь в горах».

Школа инструкторов альпинизма в Безенги: отработка переправ через горные реки. Шест держит М. Говоров

На первом занятии по радиосвязи Волков решительно заявил, что самые лучшие радисты – женщины, по двум причинам: 1) максимум частотного спектра женского голоса лежит в стороне от максимума спектра эфирных помех; 2) что ещё важнее, женщины никогда не пытаются ковыряться в радиции с целью посмотреть, что у неё внутри.

На снежные занятия мы вышли на вторую ступень ледопада, за Миссес-кош. На второй день занятий отработывали организацию бивака в снежных пещерах и хижинах – иглу. Пещеры и хижины мы сооружали азартно, примкнув к ледорубам лавинные лопатки: блистающая на фоне тёмно-синего неба Безенгийская стена, бурлящая от лёгкой гипоксии и стерильного воздуха кровь... Мир вокруг искрился и сверкал. Угомонившись, разожгли «Шмели» и устроились чаёвничать в творениях рук своих.

В хижину заглянул наш тренер Алекс. «Это имя такое – сказал он нам при знакомстве – привыкайте».

– Вылезайте, посмотрите – сказал Алекс – не пожалеете.

Мы нехотя выбрались наружу. Да. Зрелище того стоило.

Накануне в альплагере появились три милиционера из Нальчика. Причина появления – необходимость блокировать ущелье в связи с предполагаемым переходом банды из Сванетии через один из перевалов на северную сторону хребта. Наивные были времена. Менты – коренастые плотные мужики – надменно ходили по лагерю в выданных им

ярких пуховках, которые даже не всем тренерам школы доставались, сверкали многочисленными золотыми перстнями и небрежно клацали затворами автоматов. В проводники им выделили курсанта из Питера (город и в те времена так называли) Валеру.

Невообразимая процессия двигалась по краю ледника. Впереди небрежной походкой бодро шествовал Валера – тонкий и угловатый, как кузнечик; весь в ярком нейлоне, с интригующей надписью «MONTANA» поперёк живота, с трекинговыми палкам (что в те времена было редкостью) и высоким станковым рюкзаком, тоже какого-то ядовитого цвета. На каждом плече у него висело по автомату, третий болтался на шее. За приспущенной на пояс оранжевой страховочной обвязкой заткнуты три пистолета. За ним цепочкой, пристёгнутые к верёвке, с лицами бурлаков с картины Репина понуро брели выжатые как лимон менты. На верёвку Валера их нанизал, разумеется, исключительно из извращённого чувства юмора – куда денешься с тропы среди бела дня.

Снежные занятия под Безенгийской стеной. Строим снежную хижину излу

Увидев нас, Валера приветственно замахал палками и шу- ганул задумчиво бродивших по леднику альпийских галок тирольским гортанным воплем.

– Ты что, вступил в ассоциацию профессиональных ги- дов?! – заорали мы – клиентов водишь по горам?

– Йа, йа, – радостно куролесил Валера, грассируя и давясь гласными – Тироль, альпайн клуб!

Пока превратившихся в ледышки ментов отпаивали ча- ем в хижине, Валера достал из рюкзака сухой ярко-зелёный спортивный костюм и переоделся.

– Не виноватая я, – невинно хлопая ресницами, излагал он мемуары: вышли из лагеря, час прошли – слева из ущелья выдуло облачко с дождём, они и промокли. Ещё полчаса идём – из ущелья справа дунуло холодом, они обледенели. Дикае люди, совершенно не приспособлены к существованию в горах. Ну, я забрал у них железяки, на всякий случай нацепил их на верёвку, чтоб не потерялись...

Доктор Добронравов заявил, что неэтично иронизировать над обитателями равнин и пошёл вкалывать ментам свои адаптогены.

На рассвете нас разбудил дикий крик.

– Кто это? – вскинулся я со сна.

– Кто бы ни был, его уже нет, – проворчал Алекс, выбираясь из палатки.

Выяснилось, что кричал Валера, от возмущения. Ночью обиженные им вчера альпийские галки совершили набег на наш бивак: раскурочили штабель консервных банок, пробили их огромными стальными клювами и сожрали сгущёнку.

– Интересно, чем они здесь питаются, что у них дерьмо такое?! – тоскливо вопрошал Валера: лёд и камни вокруг были покрыты ярко-сиреневым помётом галок.

– Скончавшимися от истощения альпинистами, – буркнул Алекс, проходя мимо – надо было камнями банки завалить.

Ревизия показала, что урон нашим припасам был нанесён серьёзный.

– Читать эти твари научились, что ли, – страдал Валера –

самые вкусные банки продырявили...

Вследствие ночного налёта галок рацион пришлось сократить, и со снежных занятий мы вернулись в лагерь, изрядно сбросив вес.

В Безенги было довольно много иностранцев; преобладали австрияки из Лиенца, профессиональные альпийские проводники. Кавказские горы им нравились; они иногда заходили к нам с путеводителями, с интересом вникали в нашу систему классификации маршрутов: «драй бэ», «фюра». Общаться мы быстро научились на немыслимом русско-немецко-английском жаргоне и на почве обмена снаряжением. Иностранцы охотно меняли почти любое снаряжение на наш титан: крючья, карабины, кошки – тунгстен у них очень дорог. У нас он в то время официально вообще не продавался, но у всех у нас был: один из парадоксов «совка».

Одним из элементов школьной программы было учебно-тренировочное восхождение по маршруту самой низкой – первой категории сложности. Объектом восхождения стал возвышавшийся над альплагерем пик Брно или, как его тут называли, «куча брна». Большинство курсантов уже хаживали на «пятёрки», и необходимость «сходить на единичку¹⁵» поначалу стала поводом для состязания в остроумии. Вскоре, однако, выяснилось, что «сходить» будущие инструктора

¹⁵ Единичка, двойка, тройка и т.д. – на альпинистском жаргоне маршруты соответственно 1-й, 2-й и т.д. категорий сложности

альпинизма должны не абы как, а методически правильно: тактически грамотно, с организацией надлежащей страховки и самостраховки¹⁶ на всех видах горного рельефа (благо все оные на «куче брна» имелись в изобилии), навешиванием веревочных перил и так далее – недаром восхождение называлось учебно-тренировочным. Осознав сей факт, мы слегка взгрустнули.

На подъёме тренеры зорко следили за пунктуальным соблюдением курсантами всех правил восхождений, фиксировали все совершаемые нами ошибки и выставляли соответствующие оценки. Попадаться на ошибках не хотелось, т.к. от полученной в школе характеристики зависело число смен предстоящей после школы стажировки перед получением вожденного инструкторского удостоверения; а лишней мажы в стажёрах не хотелось никому.

Нежными словами поминая тренерский состав школы, мы навечно засаживали в скалы огромные ледовые «морковки», извлечь которые потом можно было разве что динамитом; распахивали по расселинам многочисленные так называемые «закладухи»; закручивали в лёд бесчисленные трубчатые крючья; вязали разнообразные узлы (прямой, булинь, шкотовый, брамшкотовый, схватывающий...) и с серьёзным видом щёлкали жюмарами на перестёжках между перилами. Когда вся эта тягомотина закончилась, и мы оказались на вершине – радовались как дети. Ага, щас. На спуске неуго-

¹⁶ Страховка самого себя

монные тренеры заставили нас чуть не полгоры обмотать верёвками. От досады я уже стал втихаря, пока тренеры не видят, отстёгиваться от перил – единичка-то она единичка, однако лететь донизу – ой-ёй-ёй; вдруг кто от скуки поскользнётся, сдёрнет ведь. В себе я был уверен. Наконец тренерам самим надоел этот цирк и на последнем спуске мы с радостными воплями глиссером с опорой на ледорубы вылетели на ледник и направились в родную школу – навстречу выпускным экзаменам.

На прощальном вечере мы обменивались контактами, обнявшись, пели: «а всё кончается, кончается, кончается...» – теперь уже почти настоящие (стажировку мы, конечно же, пройдем успешно!) инструктора альпинизма – подумать только! Впереди простирается огромная бесконечная жизнь; мир вокруг прекрасен и удивителен, и вокруг друзья и ослепительные вершины... Наверно, это и было счастье.

– Альпинистами не рождаются, альпинистами умирают, – жизнерадостно напутствовал нас при расставании тренер – мы играем в мужскую игру. Через пять лет половины из вас не будет в живых: такова статистика.

Спустя годы выяснилось, что это был оптимистичный прогноз.

Уллутау. После окончания школы – стажировка в альплагере Уллутау (мне повезло – по случаю успешного прохож-

дения занятий и сдачи экзаменов мне как отличнику дали всего одну смену стажировки); ну и, конечно же, инструкторская работа. Ах, Уллутау, Уллутау, волшебная страна... Самое радостное и самое горькое – Уллутау.

Подобно тому, как в обитающих вдали от цивилизации племенах сохраняются элементы чуть ли не кроманьонской культуры, в некоторых относительно изолированных (по крайней мере, в психологическом отношении) социумах сохраняются фольклорные традиции, давно забытые урбанизированным обществом. Одним из таких рудиментов в альплагерях нашей исчезнувшей страны был обряд посвящения в альпинисты; безусловно, позаимствованный из флотских традиций. Мне довелось эту процедуру прочувствовать в полной мере, поскольку в Уллутау я дослужился до командира отряда новичков. Происходило это действие примерно так.

После прохождения полного цикла предусмотренных программой занятий – теория, связь, медицина, снег, лёд, скалы, трава, осыпи, переправы, спасательные работы – отряд новичков отправлялся на зачётное восхождение по маршруту самой низкой, первой категории сложности. Это было не так просто, как может показаться. Как правило, «единичка» – достаточно протяжённый маршрут, на котором присутствуют все элементы горного рельефа, и его прохождение требует изрядного напряжения физических и душевных сил.

Встреча в Уллутау с В.М. Абалаковым. Грозненцы: М. Говоров, А. Луконенко, В. Логовской, Е. Недюжнев, В. Смирнов

Дабы новички ощутили себя в центре внимания после восхождения, уже на подходе к лагерю на тропе их встречали плакаты различного содержания – в меру буйного юмора молодых здоровых людей.

Затем отряд гордых собою новичков выстраивался на пла-

цу перед учебной частью лагеря. Командир отряда докладывал начальнику учебной части об итогах восхождения; на террасу перед учебной частью высыпала толпа улюлюкающих чертей в живописных одеяниях; выбегали оболстительные русалки; черти дружно выбирали через карабин закреплённую за козырёк крыши верёвку, и над строем новичков взмывал соответствующим образом наряженный Дух Гор, до той минуты прятавшийся за двухсотлитровой металлической бочкой с надписью огромными буквами: «шампанское» (наполненной, само собой, ледниковой водой); испускал зловещий рёв и стрелял из ракетницы. После этого его плавно опускали на подиум, со всеми подобающими почестями усаживали на трон, вручали громадный свиток с начертанной на нём клятвой новичков, и начинался собственно ритуал посвящения в альпинисты.

В финале по команде Духа Гор «открыть шампанское!» бочку опрокидывали, вода заливала плац, новички разбежались, но вооружённые ледорубами зоркие черти сгоняла их обратно для вручения значков «Альпинист СССР». Значок был очень красив – золотой ледоруб на фоне снежных вершин Эльбруса, золотые звёздочки просвечивают сквозь синюю эмаль над двуглавой вершиной.

Вечером того же дня в лагерном конференц-зале происходил концерт, неизменными элементами которого были: – хор инструкторов, исполнявший гимн лагеря: «не прощайте – до свиданья, Уллутау и Кавказ...»;

– танец маленьких лебедей под аккомпанемент тапёра, исполнявшийся, разумеется, кривоногими волосатыми мужиками в белоснежных пачках;

– композиция «я люблю развратников и пьяниц...» в сопровождении подтанцовки, изображавшей алкоголиков. Номер анонсировался как исполняемый в рамках антиалкогольной компании;

– гимнастическая пирамида в стиле двадцатых годов под лозунгом: «спасибо начальнику лагеря за наше счастливое детство!».

Командир отряда новичков Говоров С. докладывает начальнику учебной части альплагеря Уллутау Ю.И. Порохне о благополучном завершении учебного похода

Ну и далее – кто во что горазд, талантливых людей в альплагере было много, и всё это было намного смешнее, чем выступления профессиональных юмористов по телевизору.

Впрочем, горы есть горы, и не раз бывало, что, покурив на сцене, ребята тут же сбрасывали балетные пачки, хватали рюкзаки и бежали в ночь на поиски не вышедшей вовремя на связь группы.

По сложившейся традиции организацией встреч новичков занимался ветеран инструкторского состава лагеря, мастер спорта Ким Кирилыч.

Думаю, нелишне затронуть и ещё одну не очень приятную тему.

М. Говоров на Местийских ночёвках в ущелье Адырсу

В Уллутау были хорошие возможности для спортивного роста. Ю.И. Порохня стремился в негласном соревновании альплагерей по количеству человеко-восхождений по итогам сезона быть на первых местах, поэтому мы туда и ездили. Многие с восхищением говорили тогда: «Порохня выгоняет на восхождения». По контрасту с другими альплагерями, где выйти на маршрут было проблемой, ситуация в Уллутау вызывала зависть у многих.

Но такое положение часто приводило к тому, что люди шли на восхождение не потому, что им этого хотелось, а потому, что выпадала возможность; потому, что так было нужно для заполнения очередной клеточки в таблице спортивного роста; просто потому, что их к этому вынуждали – ради спортивного престижа лагеря. Шли вопреки желанию, физическому состоянию, своим возможностям, вопреки погодным условиям и здравому смыслу. Шли и погибали. Суди его бог.

Неприязнь к системе клеточек и рейтингов я не могу преодолеть и по сей день.

Стена северного бастиона.

– Вы землетрясения чувствуете? – вдруг поднял на меня глаза начуч.

Я растеряно заморгал, потом внутренне заметался в поисках короткого и остроумного ответа.

– Если выше четырёх баллов, чувствую, – так и не придумав ничего путного, пробормотал я.

– Нет, я имел в виду заранее, дня за три, четыре. Есть такие морские животные – устрицы, что ли; так вот они чувствуют. То есть предчувствуют.

Пока я мучился, пытаюсь сохранить лицо, начуч снова уткнулся в мои документы.

На ступеньках учебной части Уллутау: А. Инюткин наблюдает в трубу за группой на маршруте

Начуч Порохня оказался вовсе не таким, каким я его себе представлял. НачУЧ – это Начальник Учебной Части, первое лицо в альпинистском лагере. Есть, правда, ещё начальник альплагеря (из числа местных жителей – для обеспечения необходимых контактов), однако он далек от собственно альпинизма и несколько иррационален; а начуч занимается учебно-тренировочными и спортивными мероприятиями; для чего, в общем-то, и существует альплагерь. Леген-

дарный начуч Порохня представлялся мне таким высоким, атлетичным, громогласным. Ещё бы – заслуженный мастер спорта, начальник учебной части одного из лучших альплагерей страны. Реальный Порохня оказался невысок, тощ и картав; ощущались энергия и деловитость.

Мы, молодые выпускники Безенгийской школы инструкторов альпинизма, прибывшие на стажировку, сидели в учебной части альплагеря – большой светлой комнате с обшитыми деревом стенами. На стенах висели фотографии популярных вершин района, фотопортреты инструкторов альплагеря, вымпелы, таблицы, графики.

Начуч продолжал изучать наши документы. Их много. Важнейший из них – книжка альпиниста. После завершения каждого этапа обучения в книжку альпиниста записывается характеристика, «чётко отображающая деловые, моральные и волевые качества» человека, как этого требуют Руководящие Материалы по Альпинизму. Для «чёткого отображения» всех вышеназванных качеств в книжке альпиниста отводится ровно четыре строчки. Возможно, по этой причине характеристики в книжке порой снайперски конкретны, подобно полученной одним персонажем, занимавшим «внизу» довольно высокое социальное положение: «ленив, труслив, к занятиям альпинизмом непригоден».

В моей книжке альпиниста на одной из страниц среди прочего написано: «иногда проявляет нервозность». На следующей странице – «обладает выдержанным характером».

Начуч озадаченно уже который раз переворачивал страницу туда и обратно – что за тип свалился на его голову?

После того разговора у меня тёплое отношение к моллюскам...

Мы неплохо прошли стажировку – успешно и без происшествий провели скальные, снежные и ледовые занятия с новичками, прочитали им теорию, отработали передвижение по осыпным и травянистым склонам, переправы через горные реки, методически правильно сводили их на зачётное восхождение по несложному маршруту.

– На этом месте в прошлом году погиб Володя – сказал Шура. Упал и слетел во-он в ту трещину. Когда к нему подобрались, ещё разговаривал.

Мы потоптались на месте падения Володи. Склон как склон – плотный фирн, не очень круто. Чего ему вздумалось тут падать.

В пересменок¹⁷ Порохня выпустил нас на «пятерку», очень нам нужную: мы с Шурой подбирались к долгожданному званию кандидатов в мастера спорта. «Желаю вам погоды – напутствовал нас начуч – остальное вы сделаете». Накануне мы полдня корячились, перебираясь через бергшрунд – предгорную трещину: здоровенную дырищу между ледником и скальной башней – северным бастионом Чегеттау. К концу лета от нагрева солнцем скал бергшрунд разодрало

¹⁷ Перерыв в несколько дней между двумя сменами в альплагере

до непристойных размеров, и нам пришлось изрубить тонну льда и перекопать вагон снега, пока удалось добраться до стены бастиона. Потом несколько часов мы потратили на то, чтобы пролезть шестьдесят метров по отвесу с использованием всех киношных прибабасов – шлямбурные крючья, лесенки, жюмары...

Агрегат для обработки лавиноопасных склонов

К вечеру добрались до небольшой площадки, кое-как при-

лепили палатку. Больше места ни для чего не оставалось, и для отправления естественных надобностей пришлось пристёгиваться к верёвке; но мы вымотались так, что даже зубоскалить по этому поводу не хотелось. Беспокойная ночь под вой ветра на этом уступчике не придала сил. Утром замолотили крюк в скалу прямо возле палатки, привязали кошки и двинули вверх по снежно-ледовому гребню – круто, опасно и главное – штопорные крючья завернуть не во что: под ногами ни лёд, ни снег – плотный фирн. К тому же погода портилась на глазах. Мы с Шурой переглянулись и зачесали по склону вверх, наплевав на страховку. Я глянул вниз налево, направо – уй-й-й-й... Вперёд, скорее вперёд и вверх, к спасительным скалам предвершинного гребня...

...Когда добрались наконец до вершины, ущелье затянуло плотным туманом – пальцев на вытянутой руке не видно.

– Весь мир на ладони, ты счастлив и нем, блин, – бухтел Шура, пытаясь высмотреть путь спуска – не свалиться бы в Грузию. Давай спускаться по «троечному» маршруту: дольше, но надёжней. Лучше уж камни в почках, чем почки в камнях...

...Мы стоим на плацу перед учебной частью лагеря – обрванные, обожжённые солнцем; исцарапанные о скалы, мокрые и грязные, сильные и всемогущие, преодолевшие эту гору и себя; нам всё нипочём, нет ничего невозможного, мы можем всё; сила и уверенность во всём теле, в движениях и

взгляде. Перед нами выстроились отделения наших новичков, мы для них – пришельцы из иного измерения. Из окон второго этажа высунулись девчонки из лагерной obsługi. Предстоит несложный ритуал встречи вернувшихся с горы.

– «Какие женщины на нас бросают взоры...» – прошептал Шура строчку из Окуджавы, толкнув меня локтем.

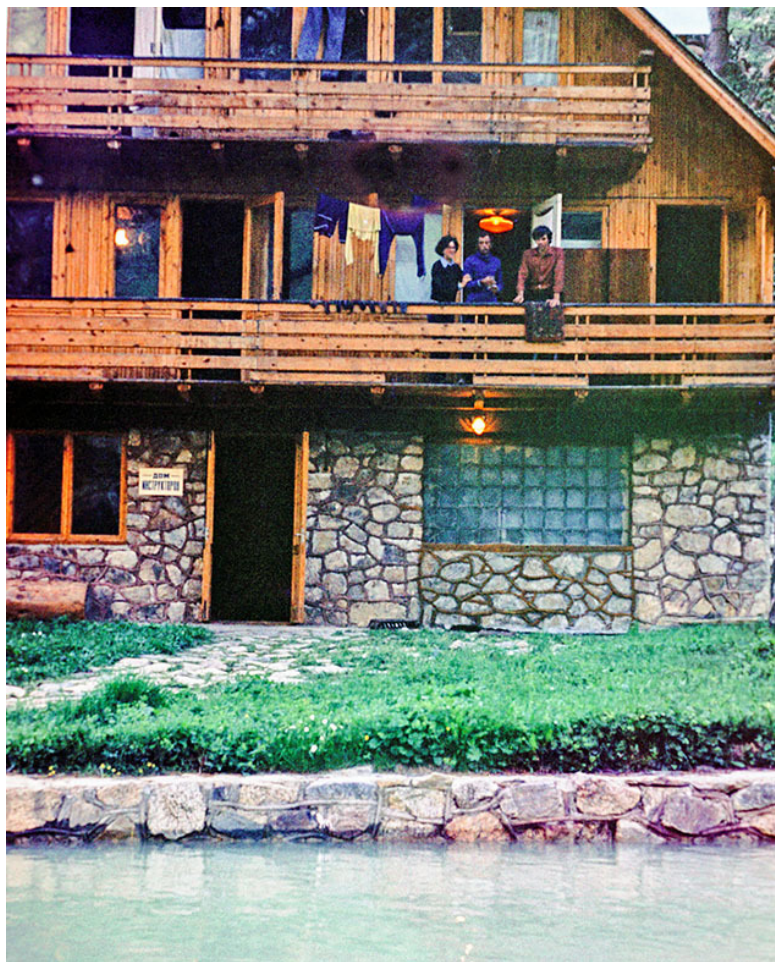
– Поздравляем инструкторов альплагеря, совершивших восхождение в двойке на вершину по маршруту пятой категории сложности по стене север-р-ного бастиона!!! – проревел дежурный инструктор.

– У-у-у... восхищённо прогудел строй новичков...

...Вечером в зажатом меж гор домике инструкторов – непроглядная тьма ущелья, чёрная стена сосен вокруг, огромные, с кулак, звёзды прямо над соснами, гул реки, жёлтые огоньки окон – тепло и уют; шум «Шмелей», разбросаны ледорубы и верёвки; кто-то перебирает снаряжение; кто-то, тихо матерясь, ковыряется в забарахлившей рации; где-то пьют чай, где-то водку – чуть-чуть, ведь завтра на гору; пишутся бесконечные планы занятий и восхождений и ведутся бесконечные разговоры обо всём... Иногда – нечасто – гитара, иногда негромко магнитофон; репертуар специфичный: не эстрада и не общеизвестные барды, а так, что-то ироничное.

Выхожу на балкон – перед домиком выложенный камнем бассейн, самотёком наполненный кристальной водой с ледника. В него по традиции «макают» новоиспечённых ин-

структоров. Смотрю на бассейн с содроганием: в прошлую смену одного из стажёров от избытка энергии и веселья сгоряча через него перебросили, прямо на камни...

...И снова я в памяти своей с чёрным, сожженным ультрафиолетом лицом, в тёмных очках, в разбитой камнем каске, яркой одежде, нереально красивый как персонаж фэнтези, упругий и гибкий как эльф, сильный и бесстрашный, с двумя сияющими айсбайлями¹⁸ в руках – как с мечами, в искрящихся брызгах глетчерного льда, захлёбываясь разрежённым воздухом, задыхаясь от ужаса и восторга, иду на титановых кошках по волшебно мерцающей тёмным изумрудом ледяной стене – вверх, вверх, вверх, вверх – в фиолетовое небо, в слепящее солнце...

¹⁸ Гибрид ледоруба и молотка

Уллутау: Хазов, Онищенко, М. Говоров

...Много лет спустя я пришел в когда-то свой альплагерь на его юбилей. Союза советских республик уже не было, как и системы альпинистской подготовки. На хоженных-перехоженных нами перевалах теперь государственная граница. В ущелье на каждом шагу пограничники – калашников на плече, стечкин на поясе. Сурово требуют разрешения для пребывания в пограничной зоне. Разрешение нужно оформлять

в Нальчике. Банкнота позволяет решить проблему без формальностей. На горах растаял лёд – глобальное потепление. Соседний альплагерь Джайлык разрушен селом, его восстановили в палаточном варианте. Как альплагерь он уже не функционировал. В нём жили чеченские дети, которых привезли сюда на отдых. По-русски они понимали плохо. Всё, на чём можно писать, исписано белой краской; огромные надписи воспевали героическую борьбу чеченского народа в двух отгремевших войнах: «Серноводск – город-герой». Альплагерь именовался теперь «базой». Проживал в ней в основном молодняк из Нальчика, борцы: приехали на тренировочные сборы. Бассейн сухой.

Я ещё раз взглянул на остатки растаявшего льда на вершинах, повернулся и пошел по дороге вниз, вниз... чтобы никогда больше сюда не вернуться.

С огромной теплотой вспоминаются также наши воскресные тренировки на 56-м участке Грозного, где мы возле дома Валеры Дудченко своими руками построили баню с каминным залом. Зимнее утро... Зима, надо сказать, на 56-м великолепная: мохнатая от инея, пушистая от снега (это место повыше, чем остальной Грозный, и микроклимат там отличный) Сначала – кросс по лесам и холмам вокруг телевышки на Белик-Барсе, потом футбол в заброшенном буровом отстойнике среди виноградных лоз толщиной в руку, потом – мокрые, промёрзшие – в парилку! Потом – в снег! Потом –

чай в каминном зале... Незабываемо.

Потом произошли события, которые как-то сразу вытеснили все самые важные вопросы – что, где, когда, с кем, сколько и как; заменив их все одним извечным – зачем?

И кто знает ответ...

В Таргим теперь можно приехать на автомобиле.

Перевал Гарваш над альплагерем Уллутау, где под каждым камушком, бывало, сживали – теперь государственная граница.

Родная до боли Кистинка – вообще заграница.

У знаменитого большого камня на Домбайской поляне, где зародилось скалолазание как вид спорта, теперь творят намаз водители квадроциклов; на террасе альплагеря Уллутау, где раньше негромко пели под гитару по вечерам, местные жители под барабан пляшут свои зажигательные танцы.

Мир изменился. Это уже не наши горы. И они не помогут нам.

Так пусть же наши горы в наших сердцах останутся красивой волшебной сказкой, которую мы сами для себя придумали – для кого счастливой, для кого печальной. В которой наши навсегда ушедшие в горы друзья и близкие и по сей день идут в связках к своим ослепительным вершинам, сияющим в бездонном фиолетовом небе. В которой не было лжи, корысти, подлости, зависти, подстав и социального дарвинизма. В которой мы были молоды и любили друг друга.

Виктор Роговской. О роли ослов и быков в успехе альпинистского мероприятия

В конце июня 1970 года, защитив дипломную работу и получив квалификацию горного инженера-геофизика, я успешно завершил обучение в Грозненском нефтяном институте.

В ближайшей перспективе был месяц отпуска, а далее, к первому августа, прибытие к месту работы по государственному распределению в город Гурьев в трест «Казахстангеофизика» министерства геологии СССР. Перспектива была, прямо сказать, не очень радостная. Поэтому, исходя из принципа советских инструкторов альпинизма (к этому времени после окончания в 1967 году школы инструкторов и последующих трех двадцатидневных стажировок в альпинистских лагерях в 1968-1969 годах я уже сдал экзамен на звание младшего инструктора): «работа не Алитет, в горы не уйдет, и если она мешает альпинизму, то её можно и отодвинуть», я решил отправиться в горы, где с хорошей компанией совершить ряд восхождений в зачет первого спортивного разряда. Забегая вперёд скажу, что программа была выполнена полностью. Помимо июльского двадцатидневного сбора в Дигории, о котором далее и пойдёт речь, в августе и сентябре

я отработал инструктором две смены в альплагере Узункол. Уже в конце сентября умудрился совершить на Восточном Кавказе путешествие по ущелью реки Тюало́й на перевал Тебулос в качестве проводника группы горных туристов Чечено-Ингушского государственного педагогического института (руководил группой В. Скрипаль).

В результате перевыполнения своей горной программы в тресте «Казахстангеофизика» я появился в середине октября и, в качестве наказания за несвоевременное прибытие к месту работы, был отправлен в самую отдалённую Биикжальскую экспедицию. Располагалась она в центре плато Северный Устюрт и выполняла работы по бурению сверхглубокой скважины. До ближайшего районного посёлка Кульсары надо было ехать сто километров по пустыне. Как говорится, отправили туда, где Макар телят не пас. Но это уже другая история, а пока вернёмся к теме сборов в Дигории, на ход которых ослы и быки оказали значительное влияние.

Итак, в июле 1970 года альпинисты Грозненского нефтяного института (ГНИ), имеющие спортивные разряды от третьего и выше, во главе с бессменным руководителем, мастером спорта Е.А. Николаевой прибыли в альпинистский лагерь Цей по льготным профсоюзным путёвкам. В те времена такая путёвка в альплагерь ВЦСПС стоила аж двадцать рублей, что было меньше суммы месячной стипендии студента (тридцать пять рублей). Всего в альплагере Цей собралось двенадцать альпинистов ГНИ, в том числе и спортивная

группа в составе четырёх человек (А. Фролов, Х. Минтуев, Т. Ермизина, В. Роговской), которая по плану должна была совершать восхождения в зачёт первого спортивного разряда. Остальные участники предполагали совершать восхождения в зачёт второго разряда.

В течение двух дней все мы проходили обязательный медицинский осмотр, сдавали физнормативы и получали снаряжение, а наш руководитель Е. Николаева вела сложные дипломатические переговоры с руководством альплагеря на предмет получения разрешения на организацию выездного лагеря в Дигории. Мне неизвестно, какие аргументы и доводы она предъявила начальнику учебной части Б. Ряжскому, но утром третьего дня стало известно, что мы едем в Дигорию в компании с командой альпинистов Воронежа. Воронежской командой, состоящей из шести опытных спортсменов второго разряда, руководил Николай Кальченко – здоровенный парень, весельчак и балагур по прозвищу Коляй. В их составе была Лида Девяткина – также, как и я, младший инструктор, и как потом оказалось, классный спортсмен и замечательный человек. В последующие годы мне довелось неоднократно работать с ней в различных альпинистских мероприятиях.

Весь третий день прошел в ужасной суматохе. Необходимо было составить перечень продуктов питания, специального снаряжения для восхождений и спасательных работ, медикаментов, раций для связи, рассчитать необходимый объём

ём топлива для примусов и так далее. Всё перечисленное ещё надо было умудриться получить на складах, а затем распределить по рюкзакам участников мероприятия. В общем, это был почти дурдом, но всё-таки мы справились и где-то к утру следующего дня закончили эти хлопоты.

На следующий день десять альпинистов ГНИ (двое наших товарищей были вынуждены остаться в альплагере из-за проблем со здоровьем), шесть воронежских спортсменов, наш тренер Е. Николаева, доктор, начспас Ю. Левчук (фамилия изменена) и весь сопутствующий скарб были доставлены автомашиной в Дигорию на поляну Таймази. Поездка по горным дорогам была просто невероятная. Николаева пила валерьянку и, наверное, молила всех богов, о том, чтобы мы благополучно добрались до места. Всё завершилось благополучно и все были просто счастливы – наконец мы в Дигории и вожделенные вершины гор прямо перед нами.

Но, как оказалось, радовались мы напрасно, так как на пути к вершинам появилось почти непреодолимая преграда в образе начальника спасательного отряда Ю. Левчука, наделённого полномочиями первого выпускающего. Без его разрешения мы в составе спортивных групп не могли выходить на маршруты выше третьей категории сложности (такое право имеют спортсмены, начиная с первого разряда). Большинство из участников этих сборов, как грозненских, так и воронежских, планировали в Дигории совершать восхождения по маршрутам четвёртой и при удачном раскладе ещё и пя-

той категории сложности. Это были наши пожелания, а действительность оказалась гораздо сложнее и прозаичней.

Чтобы прояснить эту действительность более подробно, остановлюсь на личности начспаса Ю. Левчука как человека и инструктора. Знал я его ещё по августу 1966 года, когда в альплагере Цей выполнял под его «мудрым» руководством первую часть квалификационных восхождений на второй разряд. Уже тогда из-за его осторожности, упрямства и недоброго отношения к участникам отделение, которым он руководил, вместо пяти плановых восхождений совершило только три. Тогда в этом лагере в среде участников за ним ходила кличка «осёл». И вот спустя четыре года этот человек опять встал на пути спортивного совершенствования не только моего, но и всех остальных участников сборов. Что он с нами делал во время процедуры выпуска на маршрут – трудно описать словами нормативной лексики. Нам приходилось, как минимум, три-четыре раза править описание и кроки¹⁹ в маршрутном листе, каждый участник персонально проверялся на знание маршрута и на умение действовать в критических ситуациях.

На тренировочное восхождение 3А категории (вершина Таймази) мы тащили полное бивуачное снаряжение (палатку, спальные мешки, примус, бензин, аптечку, рацию и прочее), без которого можно было вполне обойтись. По факту протяженность маршрута с бивуака на бивуак во времени

¹⁹ План местности, нарисованный от руки

заняла у нас чуть больше восьми часов. Начспас был удивлён нашей физической и спортивной формой, однако ларчик просто открывался – всё бивуачное снаряжение, кроме палатки, радики и аптечки, мы оставили в начале маршрута во время первого привала.

После этого наша группа вместе с воронежцами, всего восемь участников, совершила полный траверс массива Таймази с запада на восток 4А категории сложности. На этот маршрут мы вышли с полным набором бивуачного и специального снаряжения; тем не менее, маршрут прошли в один день за шестнадцать часов без особых происшествий. Правда был момент, когда А. Фролов, шедший в связке со мной, сорвался с гребня и начал скользить по склону в крутой снежный кулуар. Срыв я заметил, успел организовать страховку, и неприятный инцидент окончился благополучно.

После этого восхождения мы подняли вопрос о выходе двух спортивных групп в район поляны Нахашбита для совершения квалификационных восхождений по маршрутам четвёртой и возможно пятой категории сложности. Наш тренер Е. Николаева поддержала эту идею, да и начспас Ю. Левчук в принципе не возражал. Однако, когда дело дошло до выпуска на восхождения по конкретным маршрутам четвёртой категории сложности, начались многочисленные препоны, формально обоснованные нормами «Правил спортивных мероприятий в альпинизме». Например, мы не могли выходить на маршруты 4Б без наличия у каждого участни-

ка спортивной группы двух восхождений 4А сложности, совершённых в текущем году и при этом восходителей должна страховать, как спасательный отряд, группа альпинистов не менее четырех человек, равной или более высокой квалификации. В связи с тем, что на поляну Нахашбита предполагалось выйти командой из 9 человек, то эта норма автоматически закрывала нам возможность выхода на маршруты двух групп одновременно. Имея ресурс времени 8 дней, мы могли рассчитывать максимум на три восхождения, при благоприятных погодных условиях.

Перспектива выйти на маршруты 5-й категории сложности испарилась как утренний туман. К тому же начспас приготовил нам очередной сюрприз. Он в категоричной форме потребовал доставить на поляну Нахашбита комплект тросового спасательного снаряжения, явно рассчитывая на то, что мы не сможем за одну ходку доставить к месту назначения весь груз продуктов, топлива и снаряжения. Но наши воронежские друзья уже имели опыт взаимоотношений с такими деятелями от альпинизма. Не знаю, сколько спирта Коляй выпил с начспасом, и сколько душевных песен ему спела под гитару Лида Девяткина, но все каверзные требования были урегулированы.

Транспортную проблему решили оригинальным способом. Все участники выхода сбросились по три рубля, двое из нас тайно сбежали в ближайшее селение Стурдигора и наняли там пять осликов с мальчиками-погонщиками. Утром

в день выхода, когда участники похода построились с громадными рюкзаками и выслушали напутственные речи руководителей сбора, на поляне Таймази неожиданно появились пять парнишек с осликами. Надо было видеть эту картину. Сначала была немая сцена, потом у начспаса отпала челюсть, а Е. Николаева ходила между нами и приговаривала: «ну, удивили, ну молодцы...». Не теряя времени, мы быстренько навьючили на осликов большую часть груза и с лёгкими рюкзаками бодро пошагали по тропе в сторону поляны Нахашбита.

Спуск с вершины на поляну Нахаибита

Было чудесное июльское утро. Погода была прекрасная, на небе ни облачка, а над альпийскими лугами, через которые мы продвигались к цели нашего похода, стояла лёгкая дымка утреннего тумана. Нас окружал величественный горный пейзаж: слева, на небольшом удалении, возвышался горный массив вершины Галдор, а прямо перед нами, вдали, маячили вершины массива Доппахов и Суган-Тау. Вся эта картина поднимала нам настроение и придавала уверенности в успехе нашего похода.

Прошло два часа, погонщики остановили ишаков, разгрузили их от поклажи и отпустили гулять на живописной лужайке. Нам они объяснили, что вычным животным необходимо периодически давать отдых. И это было вполне логично, поэтому мы не стали возражать и тоже отдыхали, собравшись возле ручья, послушать очередные альпинистские байки Коляя и его товарищей. Погонщики тоже собрались своей компанией и что-то живо обсуждали, наверное, сельские новости.

Полчаса отдыха прошли незаметно, и мы снова отправились в путь. Ещё через два часа, на очередном привале мы решили перекусить. Стали доставать из рюкзаков запланированную на этот случай еду и тут обнаружилось, что из внеш-

них карманов некоторых рюкзаков исчезли ножи, фонарики и другие мелкие, но очень нужные вещи. Выпасть из карманов они не могли, так как карманы в рюкзаках закрывались клапанами. Смутные подозрения сразу же пали на наших погонщиков. Коляй и его товарищ Коля Солодовников устроили старшему погонщику допрос с пристрастием. Тот сначала было отпирался, но, когда ему пригрозили, что не заплатят за работу, а деньги (двадцать пять рублей), по тем временам были немалые, он во всём признался. Возмущению нашему не было предела. Сначала мы хотели поколотить погонщиков, но потом вовремя сообразили, что после экзекуции они или разбегутся, или откажутся идти дальше, и тогда нам придётся тащить весь тяжеленный груз на себе. Перспектива была малоприятной.

Лида Девяткина предложила оптимальное решение. Двое из нас со старшим погонщиком вернутся к месту, где были спрятаны похищенные вещи, а оставшаяся часть команды продолжит движение к поляне Нахашбита. Сгонять вниз добровольно вызвались Толя Фролов и Коля Солодовников, как самые резвые из нас. На том и порешили. Ребята побежали вниз. Старшего погонщика Фролов приторочил к себе репшнуром, чтобы тот случайно куда-нибудь не скрылся.

Мы, оставшиеся, продолжили движение к нашей цели, до которой оставалось ещё около двух часов пути. Во главе колонны стал Коляй, так как один, самый крупный, осёл, остался без погонщика. Двигались медленно, с остановками и, тем

не менее, в конце пути, когда начался крутой подъём непосредственно на поляну Нахашбита, наши ослы заупрямились и никак не хотели двигаться дальше. Погонщики взяли их под уздечки и буквально тащили за собой, а мы подталкивали ишаков сзади. Особенно упорствовал головной ишак, который никак не хотел идти вверх по тропе, а глядя на него, остальные ослики тоже начали взбрыкивать и вовсе остановились. Коляй, чтобы сдвинуть с места головного ишака, упёрся ему в зад своим могучим плечом и стал толкать.

Тут произошло нечто необычное. Ишак задрал вверх свой хвост и обдал Коляя струёй из отработанных газов и помёта. Коляй рухнул навзничь, а остальные участники похода, увидев такую картину, тоже попадали, давась от смеха. В это время строптивное животное, облегчившись от внутреннего отягощения, спокойно, периодически пощипывая траву, начало двигаться вверх по тропе без посторонней помощи и понуканий. После такой эмоциональной зарядки мы довольно быстро преодолели оставшиеся метры крутого подъема тропы, и вышли на поляну. Выбрали подходящее для бивуака место, сняли с ишаков поклажу, расплатились с погонщиками и отправили людей и ослов вниз по тропе.

Погода начинала портиться, по небу поползли грозовые тучи, обычные для этого района во второй половине дня. Так что расслабляться нам было некогда. Надо было поставить и оборудовать бивуак, приготовить ужин и подготовиться к предстоящим на следующий день восхождениям. Бивуак по-

ставили быстро, так как каждый из нас знал – что, как и зачем делать. Четыре палатки поставили на живописной лужайке. В одной устроили склад намокающих продуктов: сахар, крупы, сухари, печенье, конфеты, кофе, чай и прочую снедь. Банки с консервами и сгущённой сложили в нишу у большого камня, там же разместили бензин и тросовое спасательное снаряжение. Пока мужики занимались оборудованием бивуака, Лида Девяткина приготовила ужин.

Вечером вернулись наши гонцы и принесли похищенные вещи. За ужином мы отметили удачное завершение похода. Коляй от щедрот своих выделил на всю компанию аж двести пятьдесят граммов спирта: вероятно, потому, что ему надо было расслабиться после инцидента с ишаком. Потом мы обсудили планы на предстоящие дни. График восхождений был очень плотным.

В соответствие с ним в последующие дни мы совершили ряд восхождений третьей и четвёртой категории сложности на вершины Суган-Тау, Допах Главный и Допах Восточный. На эпизоде, завершавшем восхождение на вершину Допах Восточный, остановлюсь более подробно, так как он во многом предопределил все дальнейшие события, происходившие на поляне Нахашбита.

Восхождения на эту вершину мы совершили двумя группами по разным маршрутам. Группа в составе Н. Солодовников, Л. Девяткина, А. Фролов, В. Роговской (руководитель) вышла на маршрут по ледовому кулуару и западному гребню

4А категории. Вторая группа в составе пяти участников, под руководством Н. Кальченко (Коляя) вышла на маршрут 4Б категории по южному контрфорсу и восточному гребню. По замыслу начспаса, группы должны были подстраховываться, двигаясь навстречу друг другу. Восхождение нашей группы оказалось очень непростым, мы долго ковырялись в ледовом кулуаре, а когда вышли на гребень, двигались медленно с попеременной страховкой, к тому же несли тяжелые рюкзаки с бивачным снаряжением и двухдневным запасом продуктов.

Где-то к четырём часам дня мы, наконец, взошли на вершину и после короткого отдыха начали спуск по восточному гребню. Прошли верёвок пять, а время уже подкатило к шести часам вечера. Поскольку спуск в темное время суток всем участникам представлялся рискованным и опасным, решили заночевать на первой же удобной площадке, благо такая площадка нам скоро встретилась. И как только вся наша группа собралась на ней, снизу с гребня послышались голоса, и вскоре на площадке появилась сначала фигура Коляя, а через небольшой промежуток времени подтянулись и все остальные участники его группы. Все очень обрадовались этой встрече на горе.

Двое воронежцев отправились на вершину горы, чтобы снять нашу и положить свою записку, а оставшиеся стали готовить площадки под палатки. Работать надо было быстро, так как уже смеркалось, и надвигалась гроза. А гроза на предвершинном гребне – явление малоприятное и очень

опасное. При приближении грозового фронта металлические предметы (кошки, карабины, жюмары, крючья) начали гудеть, а с клювиков ледорубов стали вылетать искры. Поэтому в качестве меры безопасности мы собрали в два рюкзака почти всё железо, в том числе и отриконенные²⁰ ботинки, и оттащили всё это подальше от палаток. Ужинали консервами, так как приготовить нормальную еду не представлялось возможным. Главное, что удалось вскипятить воду и заварить чай, всех мучила жажда, так как целый день на маршруте была интенсивная работа, а восполнить потерю влаги в организме было нечем. Воды на маршруте не было, только снег и лёд. Опытные альпинисты знают, что есть снег и лёд для восполнения потери влаги занятие бесполезное и к тому же опасное.

После ужина все залезли в палатки, заползли в спальные мешки и попытались уснуть или хотя бы подремать. Не тут-то было. В первой половине ночи разразилась страшная гроза. Оглушительные раската грома и яркие вспышки молний держали нас в постоянном напряжении. Дул шквалистый ветер и к тому же сыпал град со снегом. Нам приходилось периодически выползать из спальников для того, чтобы стряхнуть снег с крыш палаток, иначе они бы просто завалились. Естественно, при таких условиях ни о каком сне и отдыхе не могло быть и речи. К утру непогода внезапно стихла, и нам даже удалось немного поспать. Утром, когда мы выполза-

²⁰ Трикони – металлические шипы на горных ботинках

ли из палаток, нам представилась картина потрясающей красоты. Всё вокруг было белым-бело и над всем этим белым безмолвием величественно возвышались усыпанные снегом горные вершины. Воистину, как в песне: «июльские снега, не спутать их с другими...».

Утром после бессонной ночи у всех было одно желание: поскорее спуститься вниз, на зелёную траву. Поэтому кое-как позавтракав, мы быстренько свернули бивуак и начали спуск по восточному гребню. Технически спуск был несложным. Правда, ближе к концу пути пришлось навесить три сорокаметровых веревки.

Уже в самом конце спуска пришлось прыгать с рюкзаком через бергшрунд внушительной ширины. Все эти действия были проделаны достаточно быстро, и вот вся наша команда уже на зелёной траве, и мы бодрым шагом движемся к месту бивуака на поляне, предвкушая сытный ужин и полноценный отдых. Но, подойдя ближе, мы увидели, что на лужайке в том месте, где стояли наши палатки, топчется стадо коров. Недобрые предчувствия закрались в наши души. Сначала все бросились вперёд, затем замерли, увидев ужасную картину. Продуктовая палатка была повалена и порвана. Возле неё стоял бычок и тупо бодал чью-то красную футболку. Вокруг остатков палатки в радиусе нескольких метров трава была густо усеяна крупами, сахаром, конфетами, разорванными пачками чая, обломками печенья и остатками других продуктов – всего того, что мы неосмотрительно

оставили в продуктовой палатке.

Шок от увиденного разгрома быстро прошел. Толя Фролов, издав громкий боевой клич: «бей скотину!», бросился с поднятым ледорубом на четвероногих разбойников. Все мужчины последовали за ним. В порыве ярости я подбежал к бычку, стоявшему возле остатков палатки, и врезал ему в лоб айсбайлем. Бычок рухнул как подкошенный, остальные четвероногие в панике отступили на дальний край поляны. Коляй достал нож и собрался было прирезать бычка, но тот вдруг ожил, встал на ноги и неуверенно побежал в сторону своих собратьев.

Мы поставили палатки, и пока дежурные готовили ужин, остальные члены команды собирали остатки продуктов, втоптаных в траву коровами. Потом оценили ущерб, нанесенный нашим продуктовым ресурсам. Картина была печальная. Почти полностью исчезли сухари, сухофрукты, макаронны и крупы. Сахара и чая удалось собрать буквально на две-три заварки. Печенье коровы есть не стали, зато втоптали его в грязь и траву. Какао, кофе и конфеты, к счастью, остались почти не тронутыми.

В довершение к постигнутому нас разгрому на следующий день прискакал на коне местный пастух и сказал, что травмированного бычка пришлось прирезать, и что мы должны заплатить компенсацию. Но тут уже возмутились мы и предъявили пастуху встречные (слегка завышенные) оценки ущерба, нанесенного коровами нашему имуществу (порван-

ная палатка) и продуктовым ресурсам. После длительных переговоров за рюмкой спиртного и чаем взаимные претензии были устранены. В итоге нам даже достался кусок мяса от прирезанного бычка.

Дальнейший ход наших сборов пошел как-то не очень удачно. Заболела Лида Девяткина, вероятно, экстремальная ночевка на предвершинном гребне не осталась для неё без последствий. Из-за этого наша группа не смогла выйти на маршрут 4Б категории. Воронежцы попытались совершить восхождение 5А категории на вершину Галдор и тоже неудачно, камнем травмировало одного из членов группы – к счастью, не очень опасно, но им пришлось вернуться. Спортивный запал как-то у всех погас, да и время сборов уже подходило к концу. Мы свернули бивуак и потопали вниз на поляну Таймази, где нас ждал зловредный начспас для проведения разбора совершенных восхождений.

В завершение повествования замечу, что несмотря на все перипетии, происходившие на этих сборах, в памяти моей остались самые яркие и приятные воспоминания об этой веке в моей спортивной биографии.

Виктор Роговской. Юбилейный штурм Эльбруса

В жизни каждого человека случаются события, которые определяют его дальнейшее бытие на длительный период, а зачастую и на всю оставшуюся жизнь. Одним из таких событий моей жизни было обучение в школе инструкторов альпинизма при ВЦСПС.

В конце мая 1967 года после сдачи весенней сессии я, как и все остальные студенты второго курса геологоразведочного факультета, готовился отправиться на полевую практику в ущелье Гизель-Дон в Северной Осетии. Но тут произошло событие, которое внесло существенные коррективы в мои планы. В секцию горного туризма и альпинизма ГНИ, в которой я активно занимался уже два года, пришли путёвки в альпинистские лагеря ВЦСПС. Среди этих путёвок была и одна льготная в школу инструкторов альпинизма. Льготная она была потому, что позволяла попасть в школу спортсменам с незакрытыми нормативами второго разряда.

Это был уникальный случай в истории советского альпинизма, так как ни до, ни после 1967 года в школу инструкторов не принимались спортсмены с квалификацией ниже второго разряда. Претендентов на эту путёвку оказалось много и руководство секции решило, что путёвка достанется побе-

дителю конкурса. В упорной борьбе мне удалось стать победителем конкурса. Немаловажную роль в этой победе сыграло то обстоятельство, что помимо альпинизма, я активно занимался скалолазанием, спортивным ориентированием и горным туризмом (зимние походы, соревнования по технике горного туризма и т.п.). И вот путёвка в школу инструкторов в моих руках, радости нет предела, но появилась проблема.

Оказалось, что сроки обучения в школе на двадцать дней перекрываются со сроками полевой практики. Проблему надо было срочно решить или отказаться от путёвки. Пришлось идти на аудиенцию к руководителю практики доктору геолого-минералогических наук Ю.А. Стерленко и честно ему обрисовать ситуацию. Поначалу он и слышать ни о чём не хотел – только практика. Тогда я предложил ему свою персону в качестве завхоза и шеф-повара (благо к этому времени у меня уже был успешный опыт работы шеф-поваром пищеблока в лагере студентов второго курса на сборе винограда в совхозе Ищёрский), и доктор сдался.

Он согласился отпустить меня с середины практики при условии, что пропущенные двадцать дней практики будут обязательно пройдены осенью в Дагестанской геологической партии, которой руководил его коллега доцент Ш.С. Абрамов. Во время практики мне пришлось основательно потрудиться. Кормить каждый день (да ещё и разнообразно) семьдесят человек в полевых условиях задача не из лёгких, к тому же мне, как и всем остальным студентам, приходилось хо-

дить в учебные маршруты геологической съёмки. Двадцать дней в ущелье Гизель-Дон быстро пролетели и это были небываемые дни разгульной и весёлой студенческой жизни. Кто бывал на полевых практиках, тот знает, какие мероприятия там проводят по вечерам и какие страсти там кипят между молодыми людьми разного пола...

Но всё когда-то кончается. И вот прямо с практики я еду в Приэльбрусье, в Баксанское ущелье и прибываю альпинистский лагерь Шхельда, на базе которого и функционировала школа инструкторов альпинизма при ВЦСПС. Вступительный экзамен по теории альпинизма и зачёт по физической подготовке мне дался довольно легко (сказалась физическая форма, которую получил во время практики в горах Осетии). По результатам этих тестов и с учётом моей спортивной квалификации (весьма низкой по сравнению с квалификациями других курсантов) меня зачислили в учебное отделение тренера Александра Сергеевича Угарова, заслуженного мастера спорта, снежного барса, заслуженного тренера, и прочее, и прочее.

В отделении было шесть курсантов: пять советских альпинистов и один иностранец из Непала, звали его Продхан Пробадманг Синх. Как этот непалец попал в советскую школу инструкторов – тайна, покрытая мраком; было только известно, что он знатного королевского рода и учился в МГУ. Как впоследствии оказалось, он был порядочным человеком и неплохим спортсменом, однако в силу своей буддистской

психологии и откровенно слабенькой физической подготовки он регулярно создавал нашему тренеру, да и всему отделению, проблемы, особенно во время занятий на скальном и снежном рельефе. Так, во время методических занятий по организации бивуака на снежном рельефе, когда под недремлющим оком нашего сурового тренера мы дружно рыли пещеры в снегу (занятие весьма трудоёмкое и неприятное), началась гроза со снегопадом, температура воздуха резко понизилась, наш Продхан стал слегка синим от холода.

Видя его плачевное состояние, А.С. Угаров приказал нам срочно транспортировать непальца вниз до поляны «Зеленая гостиница». Все это надо было сделать подручными средствами. Пришлось во время ледяного дождя со снежной крупой сооружать носилки из ледорубов и верёвок, а затем, чертыхаясь и матерясь, под дождём тащить непальца по морене до зелёной травы в зону плюсовых температур. Это было не слишком весёлое мероприятие. Зато все курсанты нашего отделения заслужили благодарность нашего сурового тренера и даже получили по глотку коньяка из его фляжки.

Учёба в школе давалась мне без особого напряжения, за исключением необходимости каждодневно конспектировать лекции начальника школы Н.А. Маслова, а затем проводить на основе этих лекций методические уроки с курсантами отделения под контролем тренера. Нетрудно представить, как я, жалкий третьеразрядник, преподавал технику и безопасность альпинизма курсантам нашего отделения, первораз-

рядникам и кандидатам в мастера спорта. Надо отдать должное А.С. Угарову за его принципиальную позицию в этом вопросе. Во время занятий он немедленно реагировал на малейшие проявления заносчивости и недоброжелательного отношения к курсанту, проводившему методический урок. А затем в процессе разбора занятий «драил» по полной программе каждого, невзирая на возраст, пол и квалификацию. И я был, как, впрочем, и все остальные курсанты, благодарен ему за науку дидактики (преподавания). И вообще к нашему тренеру все курсанты школы относились с особым уважением; и это несмотря на то, что в тренерском составе школы значились и другие не менее знаменитые личности: Фелимонов, Овчиников, Маслов, Кац и другие.

Как мне показалось, основная задача тренерского коллектива школы состояла в том, чтобы за короткий срок (сорок дней) внедрить в сознание курсантов базовые принципы советского альпинизма: коллективизм, взаимовыручка, безопасность, стремление к спортивным достижениям на основе высоких индивидуальных морально-волевых качеств и регулярного совершенствования физических возможностей. Нам постоянно твердили, что инструктор – это, в первую очередь педагог и психолог, а во вторую спортсмен.

Первейшая задача инструктора при работе в альпинистских лагерях заключается в том, чтобы в короткий срок, максимум десять дней, из группы участников, зачастую ранее не знакомых друг с другом, создать работоспособный

коллектив. Затем провести с ним тренинги; и для тех, кто успешно прошел учебный цикл занятий, обеспечить выполнение норм спортивного совершенствования, предусмотренных текущим этапом обучения. И всё это должно происходить при безусловном обеспечении безопасности участников альпинистского мероприятия. Задача неординарная и зачастую, как показала потом практика инструкторской деятельности, трудновыполнима.

А вскоре всем курсантам, обучавшимся в это время в школе, представилась прекрасная возможность показать на практике, как мы усвоили науку наших методистов и тренеров. Дело в том, что в 1967 году был 50-летний юбилей Великой Октябрьской революции и в ознаменование этого юбилея в стране проводились грандиозные массовые спортивные мероприятия, в том числе и альпинистские. Не осталось в стороне от этих мероприятий и руководство Кабардино-Балкарской АССР. А чтобы всех удивить и «переплюнуть», было решено организовать альпиниаду с целью восхождения на вершину Эльбруса двух тысяч человек! Воистину грандиозный замысел, такого в истории советского альпинизма ещё не бывало, и как в те времена было принято, если партия сказала: «надо», то всё остальное общество ответило: «есть».

На проведение этого мероприятия были выделены гигантские финансовые средства, и работа закипела. К участию в альпиниаде были привлечены все слои населения республики: рабочие, колхозники, студенты, военнослужащие и кур-

санты военных училищ. Большинство из этих людей никогда не участвовало в альпинистских мероприятиях и не представляло, что это такое – восхождение на Эльбрус. Но их усиленно агитировали, хорошо заплатили или предоставили отпуска от работы с сохранением зарплаты. И вот в первую декаду августа в Баксанском ущелье на территориях альпинистских лагерей Баксан, Шхельда, Джантуган, а также турбазах Азау и Тегенекли стали концентрироваться участники альпиниады. Народу появилась тьма, везде стояли армейские палатки, дымились полевые кухни и по всем дорогам сновали милицейские патрули.

Чтобы хоть как-то организовать и направить в нужном направлении всю эту толпу участников альпиниады, был мобилизован весь инструкторский состав лагерей, а также курсанты и тренеры школы инструкторов. Вся масса участников альпиниады была разделена на десять колонн по двести человек в каждой. Наиболее организованными и подготовленными оказались колонны горняков Тырнаузского горно-обогатительного комбината и колонна курсантов военных училищ. Все участники этих коллективов уже имели опыт альпинистских восхождений и были хорошо экипированы, да и с дисциплиной у них был относительный порядок. Остальные колонны в основном состояли из людей, не имевших представления о том, что их ожидало при восхождении на Эльбрус. Это были обычные советские граждане, в лучшем случае некоторые из них имели значок ГТО или участвовали

в походах по некатегорийным маршрутам.

Школе инструкторов относительно повезло, так как её тренерский и курсантский коллектив курировал колонну, состоящую из студентов Нальчикского педагогического института. Сильные и амбициозные молодые люди с кавказским темпераментом. Они рвались в бой и поначалу самые горячие из них, заявляли: да что нам этот Эльбрус, мы на него как на крыльях взлетим. Студентов разделили по отделениям, состоящим из десяти человек. Инструктора (по два на отделение) стали в доходчивой форме рассказывать о том, что им предстояло совершить, и о том, что им необходимо делать для достижения поставленной цели. После этого горячие головы начали остывать и стали настраиваться на серьёзную работу. А работа нам, инструкторам, предстояла действительно очень серьёзная.

Шесть курсантов школы под руководством А.С. Угарова курировали отряд участников альпиниады в составе 30 человек, три отделения по десять человек. Мне и моей напарнице А. Ведерниковой досталось отделение из восьми парней и двух девушек. Ребята были организованные, доброжелательные, а главное, способные к обучению. Работу пришлось начинать с преподавания им азов альпинизма. Как правильно пользоваться экипировкой (штормовкой, брюками, ботинками, светозащитными очками), какая должна быть одежда, для чего нужен ледоруб и верёвка и как ими пользоваться.

Предстояло обучить участников элементарным приёмам

техники передвижения на снежном рельефе и мерам безопасности при передвижении по закрытому леднику. Кроме того, приходилось многократно объяснять режим питания и потребления воды в высокогорной зоне, и что надо делать при появлении первых признаков горной болезни, а также многие другие важные нюансы активного функционирования человека на большой высоте. На всё про всё руководство альпиниады предоставило нам пять дней.

Пришлось нам, всем курсантам, пахать по-чёрному, к концу дня мы просто валялись с ног. А на следующий день все повторялось – рассказывали, показывали, заставляли строптивых и нерадивых участников правильно выполнять технические приёмы. Вот где нам очень пригодились и помогли лекции школьных методистов и наставления наших тренеров. К слову сказать, тренер наш А.С. Угаров весьма внимательно следил и контролировал действия курсантов, в конце каждого дня проводился разбор занятий, и выставлялись персональные оценки. Это очень стимулировало нашу деятельность, так как все знали, что по завершении учебного курса в школе инструкторов каждому курсанту будет написана характеристика и рекомендовано количество двадцатидневных смен стажировки перед сдачей экзамена на звание младшего инструктора альпинизма. Так что отлынивать у меня, да и у остальных курсантов, желания не возникало. Мы старались и добросовестно исполняли обязанности инструкторов.

Пять дней пролетели очень быстро. На шестой день из штаба альпиниады поступила команда выдвигаться на «Ледовую базу» – штурмовой лагерь, оборудованный на юго-восточном склоне Эльбруса на высоте 3200 метров. И как в известной поэме Пушкина: «Всё шумно вдруг зашевелилось...». Личный состав колонны, которую курировала школа инструкторов, был доставлен армейскими грузовиками на поляну Азау к началу канатно-кресельной дороги. Всё снаряжение, упакованное в мешки и рюкзаки, было отправлено грузовиками на «Ледовую базу», а участники и инструктора с помощью канатной дороги поднялись на станцию «101 пикет» и далее пешим ходом прибыли во второй половине дня к месту расположения штурмового лагеря. Для обустройства бивуака наши отцы-командиры выбрали площадку, защищенную от ветра невысокой мореной. Выбор был весьма удачный и дальновидный.

Едва мы успели вымостить камнями и снегом более или менее ровные площадки для установки палаток, как началась непогода, подул сильный западный ветер, небо быстро затянулось тучами, и густо повалил снег. Ошалевшие от таких капризов природы участники альпиниады, замерзающие и голодные, кое-как поставив палатки, как-то очень быстро стали по ним расползаться и залезать в спальные мешки. Никакие доводы и уговоры инструкторов о том, что необходимо оборудовать бивуак ветрозащитными стенками и соорудить из камней и снега туалет хотя бы один – для женщин,

на уставших и голодных участников не действовали.

А проблема с женским туалетом была нешуточная. Дело в том, что на всей территории «Ледовой базы» по началу было всего два туалета, и их пропускная способность явно не соответствовала количеству людей, хотевших справить естественную нужду. Если мужское население лагеря быстро сообразило, как решать эту проблему, забежав за ближайшую морену или большой валун, то для женщин это была просто катастрофа. Очень грустно было видеть, как заметаемая снегом и обдуваемая холодным ветром стоит длинная очередь в женский туалет. Мне и напарнице А. Ведерниковой пришлось принимать экстренные меры путём апелляции к мужскому благородству наших «горячих джигитов», чтобы подвинуть их на работу по сооружению туалета. И только мы наладили эту работу, как со стороны командирских палаток донёсся зычный призыв А.С. Угарова: «дежурный!!!».

Мне, если так можно выразиться, повезло – ко всему прочему на этот день я был назначен дежурным по школе инструкторов. Это как дневальный в воинской части, который должен немедленно исполнять приказы и поручения начальства. Поэтому, оставив напарницу и «джигитов» доделывать начатую работу, я бегом помчался к палаткам, в которых разместились отцы-командиры, и предстал перед ними. Они в это время занимались важными делами – пили кофе и резались в преферанс. Угаров с присущей ему манерой сурово спросил: «дежурный, где Вас черти носят? Сгоняйте к пова-

ру, узнайте, как там дела с обедом и помогите ему, если потребуется».

На часах в это время было около пяти часов вечера, и обедать давно была пора. Я помчался к большой палатке, где располагалась армейская полевая кухня, с помощью которой повар уже два часа пытался для двухсот человек приготовить борщ из свежего мяса и овощей. Но овощи, а точнее картошка, никак не доходили до готовности.

Повару было невдомёк, что вода на высоте 3200 метров кипит не при ста градусах Цельсия и, что овощи необходимо было сварить заранее на поляне Азау. Пришлось мне проявить чудеса поварского искусства. Мы прикрыли крышку котла и стали доваривать овощи при избыточном давлении. Желаемый результат получили примерно через двадцать минут. Повар снял пробу и убедившись, что борщ готов, попросил меня взять пустую кастрюлю и принести сметану из тридцатилитровой фляги, стоявшей в соседней палатке. И вот, с кастрюлей наперевес, я гордо шагаю через толпу, жаждущих пообедать участников и инструкторов (весть о готовности обеда уже облетела лагерь), в соседнюю палатку. Захожу в палатку, похожу к фляге, срываю пломбу и рывком открываю зажим на крышке. И в тоже мгновение раздаётся громкий хлопок. В лицо ударило что-то холодное и стало стекать за воротник одежды. Ослеплённый, ничего не понимающий, но сообразивший, что произошло нечто ужасное, вылетаю из палатки.

Сначала тишина, а потом раздаётся гомерический хохот. Протираю глаза и вижу, что стою я весь белый, покрытый сметаной. Народ ржёт, а некоторые, самые шустрые, начинают ножами и ложками скрести с меня сметану в свои котелки. Не пропадать же добру, да и что за борщ без сметаны?!

А тут ещё, услышав шум, пришёл наш командир Угаров, увидел меня и спросил: это что за чудо в белом? В ответ я проблеял: «сметана из фляги». Толпа опять захохотала, а командир угрожающе процедил сквозь зубы: «разгильдяй! Два дежурства вне очереди». В общем, с дежурством получился полный конфуз, хотя вины моей в произошедшей неприятности почти не было. Ну кто мог знать, что во фляге со сметаной, доставленной на высоту 3200 метров прямо из Тырнауза, будет избыточное давление. Возможно, повар и знал, но в суете он забыл мне сказать об этом, а я не догадался о возможном эффекте из-за перепада давления. Высокогорный борщ с остатками сметаны ели все и с большим удовольствием. А повар дал мне немного горячей воды, и я смог удалить сметанные пятна со своей верхней одежды. Однако этот случай имел для меня весьма неприятные последствия. Помимо внеочередного дежурства по школе (второе дежурство мне простили), в итоговую характеристику по окончанию школы А.С. Угаров записал мне три смены стажировки. Вот так начиналась моя инструкторская карьера.

На другой день после обустройства базового лагеря наша колонна совершила поход до высоты 3800 метров. Ос-

новной целью похода была акклиматизация участников альпиниады и определение их физиологических возможностей. За три часа, постепенно ускоряя темп движения, большинство участников похода поднялись выше «Приюта одиннадцати» (бетонное сооружение на высоте 3600 метров, предназначенное для отдыха и ночлегов восходителей на вершине Эльбруса). Поход прошел без особых происшествий.

Однако, когда мы прибыли в базовый лагерь, две девушки и один парень из нашего отделения настойчиво запросились вниз на поляну Азау, сославшись на плохое самочувствие. Вероятно, эти люди трезво оценили свои возможности и смогли публично сказать об этом. Очень правильный и мужественный поступок. Аналогичные потери были и в других отделениях нашей колонны. Всего от дальнейшего участия в альпиниаде по итогам акклиматизационного похода в нашей колонне отказалось тридцать два человека, чуть больше 15% личного состава участников. Командиры потом говорили, что это нормальный отсев, обычный для любых высокогорных мероприятий.

Следующий день был днём отдыха и подготовки к решающему штурму вершин Эльбруса. Забот было много. Надо было устранить недостатки в экипировке участников. Подогнать обувь, одежду, светозащитные очки, сделать из марли или бинтов маски для защиты лица от интенсивного ультрафиолетового излучения, которое на больших высотах очень быстро наносит страшные ожоги коже лица. Необходимо

было подготовить наборы продуктов и напитки, которыми участники восхождения будут восстанавливать силы, затраченные в процессе движения по крутому снежному рельефу.

Эта задача осложнялась ещё и тем, что организаторы альпиниады предоставили каждому участнику увесистые сухие пайки. Там было всё: колбаса, консервы, сгущёнка, печенье, соки, шоколадные конфеты и даже плиточный шоколад. Какие умники придумали такое! Большинство из перечисленных выше продуктов почти не пригодно для употребления на большой высоте. Это давно доказано практикой высотных восхождений. Особенно плохо идёт шоколад, что потом и подтвердилось при восхождении.

Весь день я, как, впрочем, и все остальные инструктора нашего отряда, что-то рассказывали, показывали, подгоняли и заставляли участников выполнять необходимые для восхождения приготовления. В общем, была сплошная суета, и день отдыха быстро пролетел, а надо было ещё и самому приготовиться, да и выспаться перед трудным днем тоже бы не помешало. Времени на сон оставалось мало, так как командиры в день штурма назначили подъём на четыре часа утра.

И вот на базовый лагерь опустилась ночная тишина. Ночь была чудесной. На фоне тёмного неба сияли яркие, огромные звёзды, а на западе повисла полная луна, свет от которой освещал всё окружающее лагерь пространство. Над всем этим почти фантастическим пейзажем возвышалась белая громада Эльбруса. Не очень спалось, всякие тревожные мыс-

ли возникали в голове. Что принесёт мне день грядущий? Радость победы или горечь от осознания того, что не смог или что-то сделал неправильно. Ночь прошла в какой-то полудрёме.

Забрезжил рассвет и начался день восхождения: день, когда вся эта масса народа, сконцентрированная на «Ледовой базе», должна была двинуться на штурм Эльбруса в ознаменование славного юбилея советской власти. Началось всё с того, что к пяти часам утра десять колонн участников выстроились полукольцом перед импровизированной трибуной, стоявшей выше базового лагеря на снежном склоне. В центре полукольца, немного выдвинутая к трибуне, располагалась колонна горняков Тырныауза с группой знаменосцев. Погода была прекрасной, на небе ни облачка, легкий морозец и слабый ветер, под дуновением которого развивались полотнища знамён. Свет восходящего солнца, уже позолотивший вершины Эльбруса и окружающих гор, медленно приближался к месту, где стоят колонны участников восхождения. Из громкоговорителей доносятся мелодия и слова известной в те времена песни: «нам нет преград на море и на суше...». На трибуну поднимаются руководители альпиниады и почётные гости.

Внезапно из утренней дымки появляется группа всадников, сопровождающих также скачущего на лошади пожилого человека. Раздаются приветственные возгласы и аплодисменты. Так участники приветствуют аксакала Хубиева, ко-

торый, как нам потом рассказали, тридцать семь раз успешно восходил на Эльбрус. Аксакал поднимается на трибуну и произносит приветственную речь. Он говорит о том, что для советского человека нет преград, что ему всё по силам и что он желает участникам успешного восхождения. Затем приветствие произносит председатель комитета по физической культуре и спорту КБАССР, в конце речи он восклицает: «Вперёд товарищи, да сопутствует вам удача!». В небо взлетают зелёные ракеты. Это сигнал к началу штурма.

Колонна тырнаузцев с развернутыми знамёнами начинает движение. Операторы хроники снимают знаменосцев на плёнку, после чего знамёна сворачивают, и первая колонна продолжает движение. Второй выступает колонна курсантов военных училищ, она довольно быстро удаляется, поднимаясь по пологому снежному склону. Колонна школы инструкторов начинает движение третьей. Впереди колонны идут два наших тренера – Фелимонов и Угаров, они задают темп движения. Им, снежным барсам, взошедшим на все четыре семитысячника Советского Союза (пики Ленина, Победы, Коммунизма и Корженевской) хорошо известно, как надо двигаться в высокогорной зоне. За ними восемь шеренг участников, по двадцать человек в каждой, ритмично и синхронно топчут снег и двигаются вверх, по пока некрутому снежному склону. Полчаса двигаемся, десять минут отдыхаем. Темп набора высоты достаточно приличный, так как снег, прихваченный морозом, держит вес человека, и ноги

участников ещё не проваливаются в него. Идём как по асфальту.

Проходит три часа. Наша колонна уже на высоте выше «Приюта одиннадцати» возле скал Пастухова. Отсюда начинается крутой взлёт снежного склона, заканчивающийся выходом на перемычку между вершинами Эльбруса – ключевого места на маршруте восхождения. Нам предстоит набрать ещё метров шестьсот высоты, двигаясь по снежному склону крутизной тридцать пять, а местами и сорок градусов. Прощедшие впереди нас две колонны натоптали ступени в снегу, и мы начинаем движение вверх, используя эти ступени. Темп движения резко падает, десять минут идем, три отдыхаем. Уже сказывается влияние большой высоты, у многих участников появились признаки горной болезни: одышка, неадекватная реакция на окружающую обстановку. А обстановка уже осложнилась.

Дело в том, что склон, по которому мы поднимались, был юго-восточной проекции и к десяти часам утра солнце уже основательно его прогрело. Ступени, по которым мы поднимались, стали разрушаться под тяжестью нашего веса и ноги проваливаются в снег иногда по колено. Идущим в голове шеренг инструкторам приходится вытапывать в рыхлом снегу новые ступени. Тяжелейшая работа, сорок ступеней и человек без сил падает на снег, уступая место другому забойщику. Остальные участники медленно ползут по ступеням: десять шагов вверх и передышка. Многие в изнеможении па-

дают на снег, у них больше нет ни желания, ни сил продолжать восхождение, их надо отправлять вниз, и чем быстрее, тем лучше. В это время к месту нашего отдыха сверху спустилась группа спасателей, сопровождающая уставших восходителей из двух первых колонн. Оставляем на их попечение выбившихся из сил наших участников, а сами продолжаем ползти вверх.

В моём отделении осталось восемь участников и напарница А. Ведерникова. Мужественная и сильная женщина, недаром кандидат в мастера спорта. Она топтала снег и била ступени наравне с мужиками. Обстановка на склоне усугубляется. К тяжелой физической нагрузке и нехватке кислорода добавилась ещё жара и жажда. Дело в том, что на большой высоте присутствует интенсивная солнечная радиация, а отраженный от снега солнечный свет, фокусируясь на неровностях рельефа, создает эффект линзы. Такое ощущение, что находишься в печке. Вот где нам пригодились марлевые маски, защищающие лицо и заранее приготовленные внизу напитки (соки, чай, кофе). Они хоть как-то утоляют жажду.

Некоторые участники пытаются есть снег, но инструктора пресекают эти попытки. Им хорошо известно, к чему это приводит. Во-первых, талая вода не утоляет жажду, а во-вторых после поедания снега воспаляются губы и активизируется вирус герпеса, наносящий болезненные травмы эпителию кожи лица в области рта, носа и подбородка.

Ещё час с остановками ползём вверх. Очередная пере-

дышка, все в изнеможении валяются на снег, экономя остатки сил. До выхода на перемычку метров сто пятьдесят, мы все её видим. Но эти оставшиеся метры ещё надо преодолеть и сохранить силы для подъёма с перемычки хотя бы на восточную вершину. А силы у многих уже закончились. Ситуация как в басне Крылова: «хоть видит око, да зуб неймёт».

В это время раздаётся команда командира Угарова: всем, кто чувствует, что может идти вперед, поднять руку. В моём отделении поднялись две руки. Как ни странно, но это были руки наших горячих джигитов. А. Ведерникова и я тоже подняли руки. Всего из оставшихся в колонне участников набралось 15 человек, пожелавших продолжить восхождение. Мне и напарнице предстояло решить, кто из нас двоих пойдёт дальше вверх, а кто будет сопровождать обессиливших участников вниз. Мы бросили жребий. Мне выпало идти вниз. Досадно, но что делать, безопасность участников превыше всего. Проводив уходящих наверх, я собрал своих клиентов (пять человек) и, подцепив их к верёвке, стал осторожно спускать их вниз по склону. Благо, что в снегу уже была протоптана широкая спусковая тропа. Мимо нас всё ещё продолжали двигаться вверх немногочисленные группы участников из других колонн, но основная масса народа уже двигалась в сторону базового лагеря.

Много людей лежало неподвижно на снежном склоне. Это были наиболее пострадавшие участники альпиниады, нуждавшиеся в помощи. Их собирали спасатели и доставляли

к «Приюту одиннадцати», там был развёрнут полевой медицинский пункт. Спустившись на пологую часть склона, я передал спасателям трёх своих клиентов, а с двумя оставшимися пошёл к пункту медицинской помощи. У этих участников были солнечные ожоги на лицах. Их периодически тошнило и рвало массами шоколадного цвета. Вероятно, они, и не только они, объелись шоколада. Вдоль пути подъёма склон был покрыт многочисленными пятнами шоколадного цвета. Там же на снегу валялись колбаса, шоколад и прочая непотребная еда, выброшенная нерадивыми восходителями. Потом предприимчивые спасатели и инструктора собрали богатый урожай этих продуктов.

Добравшись до медицинского пункта, я сдал пострадавших участников медикам и стал ждать, пока им окажут помощь. Картина, которую я наблюдал в окрестностях приюта, была просто ужасной. На бетонной площадке возле стен приюта лежали или сидели стонущие от боли люди. У одних на лицах были волдыри от солнечных ожогов, у других была периодическая рвота, третьи лежали, не подавая признаков жизни. Между ними сновали медики и спасатели, оказывая необходимую помощь. Кому-то делали укол, кого-то отпаивали, другим делали повязки на глаза и смазывали обожжённые участки кожи.

Мне запомнился мужчина лет тридцати пяти. Он стоял на коленях, закрыв лицо и глаза ладонями рук. Громко матерился и причитал: «какие уроды всё это придумали, будьте

вы прокляты, детям расскажу, внукам накажу, чтобы никогда не участвовали в этих чёртовых восхождениях». Вот такой взрыв негативных эмоций вызвала эта альпиниада у простого советского человека. И такие высказывания были не единичными. После всего увиденного и услышанного, удручённый, я побрёл в базовый лагерь и завалился спать. Даже есть не стал, хотя повар приготовил отличный обед для покорителей Эльбруса.

Последние «покорители» возвратились в лагерь к шестнадцати часам дня. Всего в этот день на вершины Эльбруса взойшло 137 человек, в том числе А. Ведерникова и два джигита из нашего отделения. Вот такие не очень радостные итоги юбилейного штурма.

На следующий день школа инструкторов свернула лагерь на «Ледовой базе», спустилась на поляну Азау и, попрощавшись со студентами, которых десять дней опекала и обучала, отправилась в альплагерь Шхельда. По прибытию туда руководство школы поблагодарило всех курсантов и тренеров за добросовестную работу. Каждому из нас, курсантов, вручили удостоверение и памятный знак участника юбилейного штурма с надписью: «Штурм 1967 г.» на фоне изображения Эльбруса.

Вот так закончилась эта юбилейная альпиниада, оставившая в моей памяти незабываемый след.

Виктор Роговской.

Воспоминания горноспасателя

В семидесятые – восьмидесятые годы прошлого столетия, в славные годы развитого социализма, в огромной стране с теперь уже почти забытым названием СССР, ежегодно в различных альпинистских мероприятиях участвовало до двадцати тысяч человек. Большая часть этих людей участвовало в мероприятиях, проводившихся на базе стационарных альпинистских лагерей ВЦСПС. Таких альплагерей на территории СССР было пятнадцать; одиннадцать из них были расположены в горных районах Северного Кавказа, один (Айлама) – на территории Грузии, остальные три (Ала-Арча, Варзоб, Артуч) в горах Тянь-Шаня, Центрального Памира и Западного Памира соответственно.

Крупные горные клубы – например, ленинградский, красноярский, киевский, грузинский, МАИ и другие – также ежегодно проводили альпинистские мероприятия на базе собственных стационарных (Джайлык, Джантуган) или временных (Дигория, Гондарай, Гвандра) альплагерей на Кавказе и в Фанских горах (Куликолонские озёра). Помимо этого, областные и республиканские альпинистские секции при добровольных спортивных обществах (ДСО), объединенные в федерации альпинизма, тоже проводили собствен-

ные спортивные сборы и альпиниады в горных районах Кавказа, Памира, Тянь-Шаня, Алтая, Карпат и Крыма. Например, альпинисты грозненской федерации в осенне-зимний и весенний периоды совершали восхождения по маршрутам различной категории сложности (от первой до пятой) на вершины, расположенные в мало посещаемых горных районах Восточного Кавказа: Грузинский угол, Махис-Магали, Мидаграбин, Тебулос и другие.

Помимо альпинистов, горные районы ежегодно посещали огромные, до нескольких сот тысяч человек, массы плановых и самодельных туристов, которые совершали путешествия по плановым и спортивным маршрутам.

Обеспечение безопасности и контроль деятельности всей этой массы народа осуществляла федеральная контрольно-спасательная служба. Во всех районах, где проводились регулярные альпинистские и туристские мероприятия, функционировали (и кое-где до сих пор действуют) стационарные контрольно-спасательные пункты (КСП), оснащенные специальным оборудованием, снаряжением, средствами связи и транспортом. Деятельность КСП финансировалась из государственного бюджета, а штаты комплектовались на конкурсной основе профессиональными горными спасателями высокой квалификации. При каждом КСП существовали общественные спасательные отряды, из числа спортсменов, прошедших специальное обучение и сдавших экзамен на звание горного спасателя.

Дополнительно к функциям КСП, правила проведения альпинистских мероприятий предписывали организацию спасательных отрядов на каждом мероприятии из числа её участников и тренеров. Для реализации этого требования в числе руководителей мероприятия в обязательном порядке предусматривалась должность начальника спасательного отряда (начспаса). Одна из основных задач начспаса состояла в том, что он должен был сформировать из числа участников мероприятия работоспособный спасательный отряд, который при возникновении ситуаций, угрожающих безопасности участников (болезни, несчастные случаи, аномальное изменение погодных условий и т.д.) смог бы оперативно и адекватно реагировать на эти ситуации. Предпочтение отдавалось участникам, уже имевшим звание сотрудника всесоюзного спасательного отряда. Как правило, это были инструктора или спортсмены высокой квалификации (не ниже первого разряда), прошедшие все этапы подготовки на это престижное и почётное звание.

Система подготовки горных спасателей была многоступенчатой и хорошо отлаженной. Вначале начспасы альпинистских лагерей или крупных альпинистских клубов организовывали и проводили соревнования команд, сформированных из числа участников альпинистского мероприятия. Обычно программа соревнований состояла из трёх видов состязаний:

проверка знаний и умения оказывать доврачебную меди-

цинскую помощь;

транспортировка пострадавшего по скальному, ледовому или снежному рельефу с помощью подручных средств (носилок, верёвок, ледорубов, стоек палатки, спального мешка, карабинов и т.д.);

работа с пострадавшим и его транспортировка на сложном скальном рельефе с применением специального снаряжения (универсальные носилки типа «акья», троса различной длины и диаметра, специальные устройства для работы с тросом: лебёдки, «лягушки», вращающиеся карабины и т.д.).

Затем из команд, занявших первые и вторые места в этих соревнованиях, отбирались наиболее подготовленные спортсмены. Из них формировалась команда, обычно из шести человек, для участия в районных соревнованиях. Всем участникам команды, занявшей первое место на этих соревнованиях, автоматически присваивалось звание горного спасателя. Им выдавались соответствующие удостоверения, они награждались знаком всесоюзного спасательного отряда; кроме того, каждому члену команды выдавался жетон спасателя. Жетоны имели персональные номера, позволявшие в случае необходимости проверять их принадлежность конкретному спортсмену. За мной до сих пор числится жетон с номером 1077 и это можно проверить по базе данных МЧС РФ. Правила предписывали спасателю, находившемуся в горах, постоянно носить жетон на видном месте

своей одежды. Это было очень престижной и в тоже время ответственной обязанностью. Однако в моей альпинистской практике неоднократно встречались случаи, когда некоторые честолюбивые спортсмены использовали чужие жетоны для поднятия собственного имиджа. Когда подлог обнаружился, эти лжеспасатели подвергались всеобщему презрению и обычно исключались из состава участников мероприятия.

Другая возможность получить звание и жетона спасателя предоставлялась участникам реальных спасательных работ и соревнований спасательных отрядов в случае успешной сдачи специальных экзаменов уполномоченным на это представителям районных КСП.

Для повышения квалификации и обмена опытом для районных спасательных отрядов ежегодно устраивались межрайонные соревнования. Один раз в три года проводился чемпионат Советского Союза, на котором в очных соревнованиях выявлялись сильнейшие команды спасательных отрядов страны. В одном из таких чемпионатов мне довелось участвовать вместе с группой грозненских альпинистов.

Эта история началась с того, что в феврале 1973 года я получил письмо от начальника учебной части (на сленге альпинистов – начуча) альпинистского лагеря Безенги мастера спорта Игоря Кудинова, в котором он приглашал меня на предстоящий летний сезон поработать инструктором в коллективе этого лагеря. Для меня это было неожиданное и

весьма лестное предложение. Неожиданным оно было потому, что в период с 1968 по 1972 годы у меня была возможность работать инструктором во многих альпинистских лагерях Кавказа.

Вначале, в 1968-1969 годах, я освоился в альплагере Алибек, расположенном на Западном Кавказе. Там прошел стажировку и сдал экзамен на звание младшего инструктора. Затем в сезоне 1970 года работал уже со «значкистами²¹» две двадцатидневных смены в альплагере Уллутау, расположенном на Центральном Кавказе. В сезоне 1971 года был в альплагере Цей, расположенном на Восточном Кавказе. Работал инструктором отделения разрядников на спортивном сборе альпинистов Грозненского нефтяного института. Тогда же совершил ряд восхождений четвёртой и пятой категории сложности, что позволило мне выполнить нормы первого спортивного разряда. Самым «урожайным» оказался 1972 год, когда я отпахал три смены с разрядниками в альплагере Узункол и получил за это деяние заочное предложение от начуча этого альплагеря П.П. Захарова на работу в сезоне 1973 года. В том же году команда этого лагеря, в составе которой был и я, заняла первое место в межрайонных соревнованиях спасательных отрядов. В качестве награды все члены команды получили звание горных спасателей и право на внеочередное получение жетона всесоюзного отряда спасателей. Для меня это было знаковое событие, так как, во-

²¹ Обладатель значка «Альпинист СССР»

первых, улучшался мой имидж, а во-вторых, появлялась реальная перспектива работать штатным сотрудником КСП в том же ущелье Узункол.

Неожиданное предложение из альплагеря Безенги поставило меня перед дилеммой – ехать работать в незнакомый альплагерь или продолжить альпинистскую карьеру в уже знакомом горном районе Западного Кавказа. Решение долго не приходило, тогда я решил посоветоваться со своим старшим товарищем И.А. Дудченко, с которым меня связывали многие годы настоящей дружбы. Наши родители были коллегами по работе, мы жили в одном доме и учились в одной и той же школе, правда, Игорь Александрович был на три года старше меня, но это не мешало нашей дружбе. Это он привлёк меня к занятию альпинизмом и некоторое время мы вместе тренировались в секции альпинизма Грозненского нефтяного института. После окончания института Игорь организовал секцию альпинизма в ДСО «Труд», работал в ней тренером и к 1973 году уже подготовил группу спортсменов, выполнивших нормы второго разряда по альпинизму. К этому времени сам он был уже мастером спорта, заработал звание старшего инструктора и уже несколько лет подряд работал летом в Безенги командиром отряда перворазрядников. Вот к нему я и пришел с вопросом – как решить возникшую проблему.

Ответ Игоря был как слова в известной песне – «прозрачный как стекло и твёрдый как наган»: «Виктор, если ты хо-

чешь чего-то путного достичь в альпинизме, заканчивай шататься по учебным лагерям. Надо ехать в Безенги, работать инструктором и ходить с надёжной командой на высокие горы по классным маршрутам. И ещё, не подведи меня: Кудинов послал тебе приглашение после моей рекомендации. Дважды туда не приглашают и абы кого там тоже не жалуют».

Всё стало на свои места. Однозначно, в летнем сезоне 1973 года буду работать в Безенги. В этом лагере было всего две тридцатидневных смены. Первая начиналась с 20 июня, а вторая с 24 июля. Я подписался работать только во вторую смену, так как в июне у меня были сложности с отпуском на основной работе, к тому же была ещё и причина личного порядка.

Дело в том, что моя невеста была тоже альпинистской. К этому времени у неё уже был второй разряд с превышением, и секция ГНИ, где она тренировалась, выделила ей путевку на первую смену в альплагерь Безенги. И вот она настоятельно пожелала побывать в Безенги без моего присутствия. Это было странное пожелание, и как потом оказалось, с далеко идущими последствиями. В альплагерь она поехала с группой альпинистов из секции ДСО «Труд». Отличные ребята, я всех их знал лично: Юру Иванова, Мишу Бескова, Расима Богданова и других. По прибытию в Безенги ребята занялись инструкторской работой, а моя невеста, успешно пройдя тренировочный цикл занятий, начала совершать восхождения в зачет норм первого разряда. При восхожде-

нии на вершину Кундюм-Мижерги по маршруту 4Б категории сложности она сорвалась на ледовом рельефе и получила тяжелую травму, сложный перелом голени правой ноги. Авария произошла на высоте 4200 метров, и если бы не оперативная работа спасателей, то невеста моя имела все шансы не дожить до свадьбы, запланированной на конец августа.

Транспортировка пострадавшего по леднику

А спасали её наши грозненские ребята в компании с ин-

структорами из г. Каменск-Уральский. За двенадцать часов они сняли пострадавшую с маршрута и доставили в лагерь Безенги, откуда её на вертолёте переправили в клинику Нальчика. Известия об этой аварии я получил на третий день после происшествия. Конечно, я сразу же помчался в Нальчик узнавать на месте – что и как делать дальше.

После общения с лечащими врачами понял, что обстановка очень нерадостная. Татьяне (ныне она моя жена) предстояло или длительное традиционное лечение (носить гипс и костыли не менее чем полгода) или сложная операция, которая в случае успеха давала ей шанс нагружать ногу уже через месяц. Татьяна выбрала второй вариант и её оперировали, кстати, весьма успешно. Через неделю после операции я забрал её из клиники и на автомашине перевез в Грозный к её родителям. Свадебные мероприятия пришлось отодвинуть на более поздний срок. Замечу сразу, что наша свадьба состоялась в октябре того же года. И пока моя невеста проходила курс реабилитации после травмы, я взял отпуск и отправился в альплагерь Безенги.

По прибытии на место сдал свои спортивные и инструкторские документы в учебную часть И. Кудинову и стал ждать его решения по моей дальнейшей работе. Я специально прибыл в лагерь 22 июля, за два дня до начала второй смены, так как к этому имелось две причины. По существовавшей тогда традиции, инструктор, прибывший на работу в новый для себя лагерь, накрывал «поляну» для местных

инструкторов, так сказать прописывался в новом коллективе. Кроме того, у меня было твердое намерение, и поручение от Татьяны отблагодарить соответствующим образом спасителей моей невесты (грозненских и каменск-уральских альпинистов). Так как ближайший гастроном находился в селе Верхняя Балкария в семнадцати километрах от альплагеря, то спиртное в виде пятилитровой канистры с «фирменным» коньяком под названием «Синтифара» и всякие другие вкусности (бастурму, суджук, балыки и прочее) мне пришлось тащить из Грозного и Нальчика. На следующий день определилось место моей работы – командир отделения разрядников четвёртого этапа обучения в отряде мастера спорта Валентина Валентиновича Якубовича. В обычной жизни он работал доцентом кафедры иностранных языков в педагогическом институте в Пятигорске, в совершенстве владел английским языком и вообще, как выяснилось впоследствии, был человеком высоких моральных принципов, как говорится, был интеллигентом до мозга костей.

Вечером того же дня, когда грозненские инструктора вернулись с очередного восхождения, мы собрались в «бунгало» у Якубовича: так назывались его персональные апартаменты, расположенные на втором этаже инструкторского домика, рядом с комнатой и радиорубкой радиста лагеря. Очень прагматичный выбор местожительства – свежие новости, прогноз погоды, музыку и другие радости жизни он получал из первых рук, не выходя из своих апартаментов.

Утром он обычно готовил кофе и пил его вместе с радистом. Народа в «бунгало» собралось много. Вначале пришли все грозненские и каменск-уральские ребята, а также радист. Потом подтянулись И.А. Дудченко с напарником по связке Артуром Бабининым, врачом лагеря Ольгой Борисовной. Заглядывал к нам на огонёк и начуч И. Кудинов. Это был чудесный незабываемый вечер. Мы делились инструкторскими байками, травили анекдоты, пили «Синтифару». А когда стали петь под гитару популярные в те времена песни, типа «Потеряли мы нахальство, а с нахальством и удачу...» или «По бушующим морям мы гуляем здесь и там и никто нас не зовёт в гости...» локальная вечеринка стала быстро превращаться в массовое инструкторское мероприятие, закончившееся далеко за полночь.

На следующий день Якубович долго пытал грозненцев по поводу названия коньяка «Синтифара»: он никогда не встречал такой в магазинах, и не нашел в справочниках такой марки коньяка. Мы тихонько посмеивались между собой, но тайны не открыли. Если бы он только знал, что вчера пил и нахваливал банальный самогон, настоящий на дубовых стружках! Врач лагеря Ольга Борисовна в отместку за то, что наше громкое пение не давало ей спокойно спать, устроила нам медицинский осмотр с пристрастием и предельными физическими нагрузками. Мы, конечно, испугались, так как после обильного приема «Синтифары» очень сомневались в функциональных возможностях наших организмов.

Но к удивлению доктора, и к нашему изумлению функциональные тесты мы прошли без проблем. Мы были в отличной, так сказать в «большой» спортивной форме.

Во второй день начавшейся смены состоялась церемония, в процессе которой инструктора узнают группу участников, с которой им предстоит работать в течение тридцати дней. Мне досталась группа спортсменов из Ленинграда в составе четырёх парней и одной девушки. После знакомства с ними выяснилось, что это была уже укомплектованная команда со своим лидером и весьма амбициозными намерениями, в плане совершения восхождений в зачет норм первого спортивного разряда. Передо мной стала нелёгкая задача – за десять дней тренировочного цикла занятий выяснить уровень физической, технической и морально-психологической подготовленности этих спортсменов к осуществлению их амбициозных планов спортивного совершенствования в условиях Безенгийского горного района.

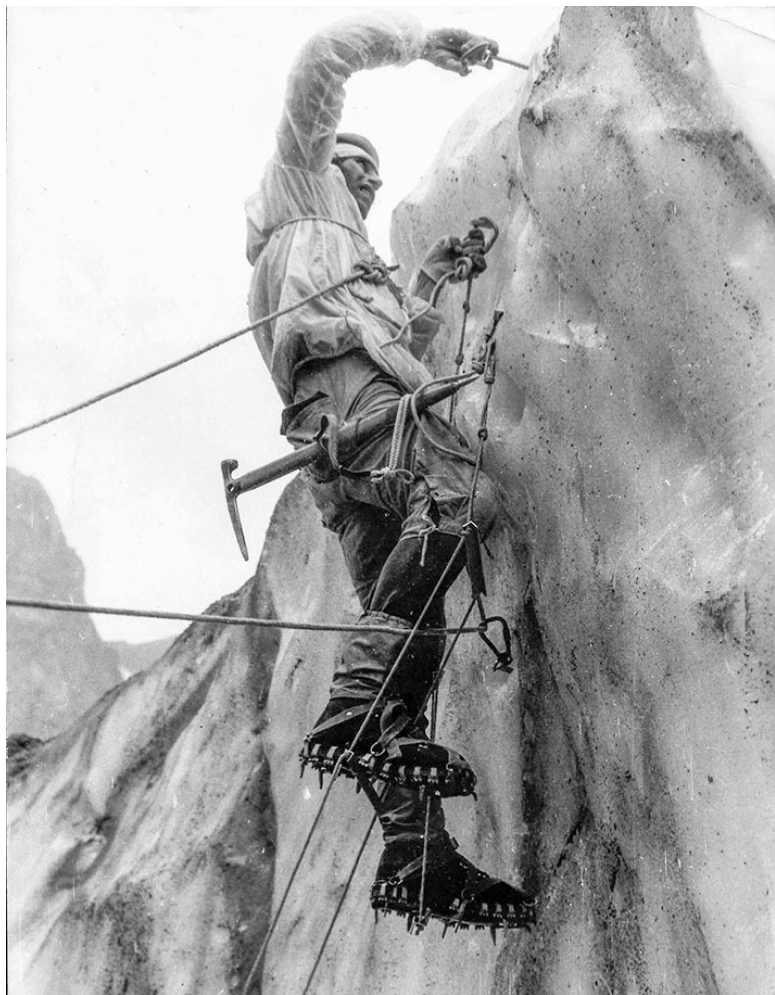
В последующие дни продолжалась рутинная инструкторская работа с поправкой на специфические климатические условия района Безенги. В этом районе даже летом почти каждый день после трёх часов дня и до двух-трёх часов ночи бывает непогода с дождями, грозой и туманом, а в зонах, расположенных на высоте больше трех тысяч метров, в это время суток идёт снег или град. Вследствие этих климатических явлений на большинстве маршрутов восхождений присутствует сильная заснеженность горного рельефа,

а подходы к этим маршрутам совершаются по руслу ледников, зачастую через несколько опасных ступеней ледопада. Например, для восхождений на вершины Мижирги и Коштан-Тау альпинистам необходимо преодолеть три ступени ледопадов с набором высоты больше 1200 метров, а для того чтобы только подойти к маршрутам на вершинах Безенгийской стены: Шхара, Джанги-Тау, Катын-Тау, Гестола, необходимо «прогуляться» по руслу одноимённого ледника длиной в семнадцать километров. При этом большую часть пути альпинисты идут в обуви с ледовыми «кошками», и зачастую связанные между собой верёвкой для страховки от падения в ледовые трещины и колодцы. Подходы к маршрутам в этом районе очень нелегкие – утомительная, по 6-8 часов работа на снежно-ледовом рельефе, с тяжёлыми рюкзаками весом пятнадцать–двадцать килограмм за плечами по силам далеко не всем восходителям. Поэтому на тренировочных занятиях инструктора усиленно гоняли своих клиентов, делая основной упор на совершенствование техники и способов преодоления снежно-ледового рельефа.

Места для занятий наш командор выбирал максимально приближёнными к реальным условиям восхождений, иногда такие, что даже у нас, инструкторов, дух захватывало от страха. Особенно запомнился случай, когда наш отряд отрабатывал технику преодоления сложного ледового рельефа на первой ступени ледника Мижирги. В середине дня, когда после моего мастер-класса по преодолению ледовой

стены, мои клиенты тремя связками по два человека штурмовали очередную ледовую глыбу (так называемый серакс), раздался оглушительный грохот со стороны скальной стены вершины Дых-Тау. Инстинктивно я, как, впрочем, и все остальные участники ледовых занятий, обернулся в эту сторону и увидел почти фантастическую картину. Колоссальных размеров глыба льда, оторвавшаяся от висячего ледника, некоторое время падала в свободном полёте, а затем, ударившись о скальный контрфорс, рассыпалась на множество осколков. Облако ледовых глыб и мелких осколков сначала взлетело ввысь, а затем, обрушившись на скалы и нижнее плато ледника, лавиной понеслось к месту, где находился наш отряд. В последующие мгновения весь отряд, подгоняемый неэтичными командами инструкторов, помчался, как говорится, впереди собственного визга, в сторону ближайшей морены. Последним с поля занятий, как и положено, в такой ситуации, отступал наш командор, громко произнося слова ненормативного лексикона. На наше счастье, в этот раз большая часть ледовой лавины была поглощена бергшнундом²² и другими глубокими трещинами в теле ледника, поэтому на место, где только что проходили занятия, долетело всего несколько ледовых глыб, потерявших свою скорость и уже не представлявших опасности.

²² Трещина между скальным массивом горы и ледником

В.Роговской – мастер-класс ледовой техники

Однако на моей памяти в последующие годы был случай, когда такая ледовая лавина пересекла всё плато ледника, перехлестнулась через гребень боковой морены и обрушилась на традиционное место ночёвок. Тогда погибло двое и пострадало несколько австрийских альпинистов, остановившихся в этом месте на бивуак. Произошло это ночью, когда люди спали в палатках, их просто засыпало глыбами льда. Спасатели, в том числе и я, прибывшие на место трагедии стали свидетелями ужасной, не для слабонервных людей картины.

Однако вернусь к изложению дальнейших событий, произошедших в альплагере Безенги во вторую смену летнего сезона 1973 года. После тренировочного цикла занятий наш отряд совершил выход в район так называемого «Тёплого угла» (так это ущелье называлось потому, что в почти ежедневную послеобеденную непогоду там вместо снега шли дожди). В течение недели участники моего отделения совершили последовательно три восхождения второй, третьей и четвёртой категории сложности. Мне в этих мероприятиях была отведена роль тренера – наблюдателя, с которой я успешно и с удовольствием справился.

Затем был долгий переход по руслу Безенгийского ледника в район высокогорной хижины под названием «Австрий-

ские ночёвки». Там на высоте 3400 метров отряд пробыл неделю. В суровых высокогорных условиях участники жили в палатках, а инструктора в хижине, где по ночам большие и лохматые альпийские мыши устраивали набеги на наши запасы продуктов. В дневное время, когда отделения участников с инструкторами уходили на занятия или восхождения, на бивуаке оставался только командор и ему приходилось отражать атаки горных туров. Они приходили на бивуак и в поисках соли устраивали настоящие погромы – валили палатки, разбрасывали посуду и вещи, которые нерадивые участники оставляли вне палаток. В общем, скучать командору было некогда.

Помимо отражения атак туров и мышей, надо было наблюдать за работой отделений, выходить по рации на связь с КСП района и группами альпинистов из других отрядов, совершавшими восхождения в этом и соседних районах.

На четвёртый день нашего пребывания на «Австрийских ночёвках» туда в сопровождении Артура Бабинина пришли две польских альпинистки. Они заявили, что с разрешения начальника КСП района будут вдвоём совершать восхождение на вершину Шхара, одну из самых высоких и опасных в Безенгийской стене. Все доводы нашего командора и других опытных инструкторов о том, что на эту гору ходят только сильные команды в составе не менее четырёх человек, были бесполезны. Дамы заявили, что они ходили в Гималаях на Эверест и другие восьмитысячники, а на какой-то пятиты-

сячник под названием Шхара они взойдут ради спортивного интереса. Нам предоставлялась возможность пронаблюдать за тем, как они это сделают.

В. Роговской (справа) на «Австрийских ночёвках»

На следующий день в пять часов утра польские пани вышли на маршрут 5Б категории сложности и, надо сказать, двигались они по крутому снежно-ледовому склону в быст-

ром темпе. К тринадцати часам дамы уже были на снежной подушке, откуда начинался ещё более крутой взлёт ледового склона, выведившего на предвершинный гребень. Они начали его преодолевать с попеременной страховкой. Но тут их накрыла послеобеденная непогода, и альпинистки вынуждены были спуститься обратно на снежную подушку, где поставили палатку и заночевали.

Ночью разразилась сильная гроза с ураганными порывами ветра. Оглушительные раскаты грома сопровождалась ослепительными разрядами молний, разрывавшими ночную тьму. Хижина, в которой мы ночевали, сотрясалась под порывами ветра, и порой нам казалось, что мы взлетаем на воздух. Вся эта фантазмагория сопровождалась интенсивным снегопадом и ледяной крупой. Часть палаток, в которых ночевали участники, завалилась из-за ветра и под тяжестью выпавших осадков. Пришлось экстренно эвакуировать участников женского пола в хижину, благо их было всего пятеро. В общем, большая часть ночи прошла в трудах и заботах. Где-то часам к четырём утра погода более или менее успокоилась, и мы даже смогли немного поспать.

Часов в восемь утра, когда мы выползли из хижины на свет божий, перед нами предстала довольно мрачная картина. Весь ландшафт был засыпан снегом, над ледником стоял плотный туман, а вершины гор скрывались под завесой тяжёлых грозовых туч. Никакого оптимизма нам эта картина не внушала. Становилось всё более тревожно за состояние

польских альпинисток, так как они не вышли на обязательную утреннюю радиосвязь.

Уполномоченный представитель КСП района А. Бабинин и наш командор, посоветовавшись с инструкторами, решили, как только рассеется туман и появится видимость, отправить спасателей туда, где ночевали польские альпинистки, чтобы на месте разобраться, в каком они состоянии, оказать помощь и в случае необходимости препроводить их обратно на «Австрийские ночёвки». Персональный состав головной спасательной группы определился быстро: грозненцы М. Бесков, В. Роговской, Ю. Иванов и доктор из числа участников.

Сборы были недолгими и вот уже мы движемся по леднику в сторону снежной подушки. Видимость не более двухсот метров, ледник засыпан свежим снегом, поэтому для обеспечения безопасности двигаемся в связках по два человека. Идём медленно, с осторожностью, так как не видно ориентиров, а в тумане на леднике можно уйти куда угодно, только не туда, куда надо. Наша рация находится на постоянном приеме, и периодически я получаю от командора ценные указания и советы.

Часа через два туман внезапно рассеялся, и мы увидели прямо перед собой снежный склон, выводящий на снежную подушку. Мы начали подъём вверх по склону. Приходилось топтать ступени в снегу, так как кошки, надетые на наши ботинки, быстро забивались снегом и плохо держали. Прошли

расстояние в три-четыре сорокаметровых верёвки, в это время нам сообщили по радиации, что наблюдают палатку на подушке и признаки жизни возле неё. По-видимому, дамы сворачивают бивуак и вероятно пойдут вниз. Через некоторое время мы увидели двух человек, медленно бредущих вниз по склону. Судя по тому, что один из них часто падал, мы поняли, что дамам ночью крепко досталось и силы их на исходе. Мы решили подождать, предоставив возможность этим альпинисткам как можно больше получить острых ощущений и до конца прочувствовать последствия своей излишней самоуверенности.

Возможно, мы были неправы. Но тогда в нашем сознании, воспитанном на правилах и традициях советского альпинизма, не укладывалось, как эти люди ради удовлетворения своих эгоистических желаний, наплевав на здравый смысл и рекомендации опытных горных гидов, решились на авантюрное восхождение с реальным риском для своей (и не только своей) жизни. Ведь если бы дамам удалось подняться на предвершинный гребень, и там бы их настигла непогода, то спасателям, то есть нам, инструкторам отряда, пришлось бы снимать их оттуда живых или мертвых, а это совсем другая работа с риском для здоровья или жизни.

У меня уже был опыт спасательных работ. В ноябре 1969 года я и мой напарник по связке Анатолий Фролов (в 1976 году погиб вместе с ещё пятью грозненскими альпинистами при восхождении на вершину пик Пушкина в Безенгийском

районе), в составе головного спасательного отряда участвовали в эвакуации травмированного альпиниста из Курска. У пострадавшего помимо травм, началась ещё и пневмония, которая на высоте 4500 метров убивает за несколько часов. Поэтому необходимо было с перемычки между вершинами Дзенеладзе и Важа Пшавела (Грузинский угол, Восточный Кавказ) экстренно спустить его вниз. Для ускорения работы пострадавшего на носилках «акья» решили спускать прямо по ледовому кулуару, который начинался из-под вершины Дзенеладзе и выводил прямо на морену ледника, где располагался базовый бивуак «Хрустальные ночёвки». Сопровожда́ть носилки вызвались двое – руководитель команды спасателей, мастер спорта А. Заев, и я.

Остальные семь человек (четверо спасателей и трое альпинистов из группы пострадавшего) должны были страховать носилки и сопровождающих с помощью двух восьмидесятиметровых верёвок. Это была суровая работа на грани смертельного риска. Даже по прошествии многих лет я с содроганием вспоминаю эту спасательную работу, закрываю глаза и ясно вижу картину. Вот А. Заев и я, обутые в отриконенные ботинки с ледовыми кошками, тащим по льду носилки с пострадавшим. Пострадавший периодически стонет от боли, а когда мимо носилок летят камни (их сбрасывает вниз движением страховочных верёвок) громко матерится и начинает читать молитву «Отче наш», прося бога о том, чтобы камни не перебили веревки и не попали в сопровождаю-

щих.

В эти моменты эти самые сопровождающие, пристёгнутые к носилкам короткими фалами из основной верёвки, спасаясь от камней, прячут свои головы под носилками. Пока трое наверху спускают нас на очередные семьдесят пять метров, четверо спасателей идут вниз по скалам, перетаскивают страховочные верёвки и забивают крючья для следующей станции спуска. Короткая остановка, и всё повторяется. Опять по кулуару летят на нас камни, пострадавший матерится, а сопровождающие, выбиваясь из сил, тащат носилки вниз. Так продолжается часа четыре, начинается вечереть, становится очень холодно (ноябрь в горах – это зима). Сильно замерзли ступни ног, я их почти не чувствую. Но кулуар уже кончился и уже видны палатки нашего бивуака, до них метров триста по снегу. В это время А. Заев говорит мне: «палатки видишь? Давай, парень, двигай туда, дальше мы сами без тебя справимся».

С трудом снимаю примерзшие к ботинкам кошки и бреду по снегу с одной мыслью в голове: надо дойти до палаток, иначе замёрзну. Дошёл до ближайшей палатки, заполз в неё, а дальше всё как в тумане. Кто-то снял с меня ботинки вместе с примерзшими к ним носками и стал растирать ступни ног, кто-то поил горячим чаем. Потом меня раздели и засунули в спальный мешок. Очнулся на следующее утро, сильно болели и распухли пальцы на ступне правой ноги. Доктор, осмотревший меня и Толю Фролова (у него, часами сто-

явшего на страховке, было обморожение обеих ступней ног) сделал нам обезболивающие инъекции и настоятельно рекомендовал нам срочно двигаться вниз к ближайшему медицинскому учреждению.

А до больницы было долго добираться: три часа пешком, на наших обмороженных ногах, до Дарьяльского ущелья, а потом ещё полтора часа на автобусе до Владикавказа. Когда мы 7-го ноября, в день праздника Октябрьской Революции, с трудом всё-таки добрались до больницы, местные медицинские работники с изумлением спрашивали у нас: где это вас так угораздило, вы что – алкоголики, как можно в такую тёплую погоду получить обморожение? За окном в это время действительно было плюс десять градусов. Мне очень долго пришлось лечить обмороженные пальцы ног и до сих пор зимой, в холодную погоду, у меня мёрзнут пальцы на ступне правой ноги. Вот таковы риски и последствия экстремальных спасательных работ. В моей тридцатилетней практике альпинизма были и другие многочисленные случаи спасательных работ, и почти всегда проведение этих работ было связано с риском для здоровья, а часто и для жизни спасателей.

Пётр Дементьев. Страницы альпинистской биографии

Альпинизмом я начал заниматься с осени 1972 года в секции Дудченко Игоря. Семнадцатого апреля 1973 года он нас сводил на вершину Мальчоч-Корт (категория сложности 1Б), и таким образом я стал обладателем значка «Альпинист СССР».

Первое моё восхождение вполне могло бы стать и последним. Мы очень долго шли в густом тумане, по колено в снегу, ведомые Игорем Дудченко. Было тяжело. Иногда кому-то становилось плохо. «Горняшка²³» – авторитетно говорил Игорь и мы понимающе кивали. Потом он сказал: вот мы и на вершине, но не спешите радоваться: большинство несчастных случаев происходит на спуске. Мы в общем-то и не собирались радоваться, а после его слов и спускаться расхотелось, но внизу нас ждало тепло, ждал чай – и мы пошли вниз.

Потом мне захотелось узнать, в чём же тут подвох, и я пошёл на восхождение ещё раз, на этот раз в настоящем альплагере Цей, на серьёзную гору – пик ВЦСПС. Опять туман и видимость никакая.

Потом в полном тумане совершили восхождение на Заро-

²³ Горная болезнь, вызванная недостатком кислорода

маг, центральную вершину в районе, и командир долго рассказывал, что бы мы увидели, если бы была хорошая погода. При этом очень убедительно размахивал руками. Всё это было очень увлекательно, и я решил ходить на восхождения, пока не застану наконец вершину в хорошем погодном состоянии. Ходил-ходил, да так и втянулся. В том году выполнил нормативы на третий разряд по альпинизму.

В апреле Дудченко собрал нас – семь человек, разрядников разной квалификации, и повёз в Приэльбрусье, на Ирики. Доехали мы на перекладных до селения Верхний Баксан и пошли вверх по красивейшему ущелью с каменными столбами и нарзанными источниками. Переночевав, утром пошли на вершину Советский воин по маршруту категории сложности 2А, оставив часть вещей внизу. Погода была отличная, и я все тёплые вещи тоже оставил внизу. На гребне вдруг налетел ветер, откуда-то принесло тучи, началась пурга, и стал я понемногу замерзать. А внизу, под маршрутом, на травке, нежилась под солнцем корова. Так захотелось оказаться там и прижаться спиной к её тёплому животу! Но увы, приходилось согреваться только крупной дрожью. Видя это, Игорь сказал, что руководство двойкой мне не засчитывает, только участие.

А теперь, сказал он, чтобы не терять высоту, идём на траверс Ирикчат категории сложности 3А. По гребню подошли к Ирикам и пошли дальше. Погода портилась, передняя связка зависла на очередной стенке, а впереди ещё по-

что весь маршрут. Возникла перспектива холодной (то есть без палаток) ночёвки. Коровы скрылись в тумане, и Игорь, прекратив восхождение, повёл нас вниз. Тоже очень полезный опыт.

На лето досталась мне путёвка в альплагерь Безенги. Там наш тренер Дудченко взял меня в своё отделение. Как-то он сказал мне, что я напоминаю ему его самого в молодости. Но почему-то его это не радовало, и гонял он меня, как Сидор свою козу, а однажды и отловил при падении. Спускались мы бегом по каменистому склону, я неудачно споткнулся, и вот, лечу молчком, думаю: сейчас ругаться начнёт. Он протянул руку, перехватил меня, поставил на склон, пробурчал: «разлетались тут»; и, обращаясь к остальным: «я вам сказал бежать за мной след в след, а не летать у меня над головой, размахивая ледорубом». И дальше побежали. Мы за смену выполнили программу третьего и четвёртого этапов обучения; и ещё он послал меня на две двойки в спортивных группах: тебе, говорит, полезно. А я и не был против.

В эту смену удалось мне вписать новую страницу в бивачное меню.

Большую часть времени мы проводили вне лагеря. Затаривались продуктами, бензином для примусов и уходили на несколько дней в высокогорную зону на занятия и восхождения. Потом возвращались, день-два в лагере – и снова на высокогорные ночёвки. С продуктами было так: сначала подсчитывали, на сколько человеко-дней мы идём, и сколько

в рублях нам на это причитается. Потом на складе переписывали список наличных продуктов и их стоимость. Потом составляли меню на каждый день, подсчитывали необходимое для этого количество продуктов на разрешённую сумму. Потом заполняли заявку, подписывали её у инструктора, в учебной части и в бухгалтерии. Потом шли на склад, получали продукты, рассовывали их по рюкзакам и бегом из лагеря. Обычное меню на отделение было – суп из пакетов, приправленный половиной банки тушёнки, макароны с другой половиной той же банки и чай с печеньем. По утрам – манка со сгущёнкой.

Меня это меню не вдохновляло, и решил я накормить нас чем-нибудь вкусным. В списке на складе числилось «мясо свежее», дорого, правда, на всё остальное оставалось совсем мало, зато как это здорово порадовать себя шашлыком или ещё чем-то подобным на фоне гор! Выписал я «мясо свежее», но на складе мечты растаяли как дым в свете соцреализма: «мясом» оказалась большая кость с остатками мяса в некоторых местах, куда не смогла достать ленивая рука повара. Грустное было зрелище, но делать нечего, уже ничего не исправишь.

И вот, на «Австрийских ночёвках» заложил я кость одним концом в бачок от примуса, который служил нам кастрюлей, поварил её минут семь, и понял всю тщетность этой затеи. Чтобы не жечь зря бензин, вытащил кость, аккуратно завернул и спрятал под палатку, чтобы мух не привлекать: потом

выброшу куда-нибудь в трещину. В бачок долил воды, засыпал супчик, сажу, мешаю.

Подходит староста соседнего отделения: что это за манипуляции тут у тебя? Да вот, говорю, натуральную бычью кость раздобыл, даёт супу навар и совершенно фантастический аромат! Хочешь, понюхай. Он понюхал, прослезился: а зачем, говорит, вытасил? Хорошая кость, говорю, отдаёт свой навар и аромат где-то двадцать четыре часа. Я её использовал десять минут, так что мне её на всю смену хватит. Он с тоской посмотрел в сторону своего супа: а можешь её мне минут на десять дать? А я тебе полбанки тушёнки? Товарищам надо помогать, я согласился, он взял кость, а я приправил суп тушёнкой. Кость пользовалась большим успехом в дальнейшем. А когда пришла пора уходить с ночёвок, её у меня выпросил кто-то из остающихся всего за банку сгущёнки. Когда через две недели я вернулся на «Австрийские ночёвки» в составе спортивной группы, чтобы третий раз идти на Башхауз 2А, кость там уже не нашёл: кто-то унёс всё-таки.

А Башхауз мне стал как родной. Потом я и четвёртый раз проходил через его перевал, но это уже при спуске с Крумкала шестой категории сложности.

А в тот раз, зная дорогу наизусть, повёл я группу по леднику в сплошном тумане, ушли мы правее, лезем, лезем – выходим на гребень. На нём тур, записка: пик Скалистый. Понятно. Это в том же гребне, через перевал, правее Башхауза. Чтобы не терять высоту и не блуждать в тумане, пошли

по гребню. Идём, идём – снова тур. Снова пик Скалистый! Потом ещё был пик Камнепадный, потом ещё Скалистый. Думали, что никогда этот гребень не кончится, но вот наконец Башхауз! Быстро поменяли записку и вниз, вниз. Бегом, чтобы успеть засветло.

Внизу ледник сильно разорван, много трещин, припорошенных снегом. Их не всегда видно, да и опыта ещё мало – то, связались в одну четвёрку. Самого лёгкого вперёд, если провалится – есть шанс удержать, самого тяжелого последним: если провалится – остальных вряд ли снизу утянет за собой, скорее они его выдернут. И побежали. Так всё и получилось: бегу последним, несколько раз нога уходит в пустоту, но падать некогда, верёвка тянет вперёд и продолжаю бежать. Уже перед последним поворотом остановились, отряхнулись и вальяжной походкой пришли на ночёвки.

В начале апреля 1975 года я поехал от клуба туристов инструктором на сборы начальников КСС (контрольно-спасательных служб) в Безенги, вместе с Богдановым Генной. Там провели мы цикл занятий и совершили со своими отделениями по четыре восхождения, закрыв участникам третий разряд. Начальником сборов был Кропф Фердинанд Алоизович, бывший немецкий антифашист, перебежавший в своё время в СССР, который руководил к тому времени безопасностью в Управлении альпинизма ВС ДСО профсоюзов. Он был известен как переводчик учебного пособия «Спасательные работы в горах», которые издал, видимо, для маски-

ровки, под своим именем. Командиром отряда был Тариэл Лукашвили, грузинский альпинист, мастер спорта СССР по альпинизму и хороший парень. От контрольно-спасательного пункта (КСП) района курировал сборы начальник КСП Артур Бабинин, он и повёл всю команду (кроме Кропфа, разумеется), на первое восхождение на пик Семеновского 1Б.

Заночевали под горой, на морене Безенгийского ледника. Сильно мело, установили из снега защитную стенку, легли спать. Мы с Богдановым жили в палатке вдвоём. Ночью ветер раздулся в ураган, мы поняли, что долго палатка не продержится, убрали колышки, поддерживающие конёк, подмяли его под себя, уменьшив парусность, и приготавились спать дальше. Тут раздался громкий хлопок: лопнула палатка у соседей. Взяли их к себе и неплохо переночевали впятером: палатка без колышков стала намного объёмнее.

Утром погода успокоилась, мы раскопали свои вещи и пошли на гору. Самое тяжелое – топтать снег первому, поэтому первого часто меняли. Он становился в конец группы, отдыхал, пока снова не наступит его очередь топтать ступени в снегу. Командир задал направление, и вперёд вышел начальник КСС Краснодарского района, здоровый, 120-килограммовый мужик. За ним оставалась широкая траншея глубиной по пояс, иногда по грудь, по которой было очень уютно идти. Потом вперёд вышел лёгкий Богданов, скользя по фирну. Иногда кое-кто проваливался по колено. Последним шёл краснодарец, оставляя за собой глубокую траншею и всё

более отставая. Отдохнул, называется.

В 1975 году я стал тренироваться в секции альпинизма ДСО «Буревестник», а в 1976 году поехал в школу инструкторов, которая в то время функционировала при альплагере Эльбрус. Вместе со мной в школе учились Саша Василенко и Валера Пыльцин.

Стажировку после окончания школы инструкторов я проходил в альплагере «Торпедо» в Цее вместе с Райко Сашей, который окончил школу инструкторов годом ранее. Когда мы были на ночёвках под Цейским ледником, пришло сообщение о гибели группы в альплагере Безенги; впоследствии выяснилось, что это были наши друзья. Поисковыми и транспортировочными работами занимался Артур Бабинин, в ту пору начальник контрольно-спасательного пункта Безенгийского района.

В те времена организация восхождений была несколько проще, чем в последующие годы. Можно было даже на выходные съездить на восхождение, например, в Приэльбрусье или в Кистинку. Выезжали небольшим составом (восемь – двенадцать человек) на вершины Советский Воин, Ирики, Суарык. По новым правилам эту возможность ликвидировали. Пришли новые руководящие материалы, которые серьёзно осложняли организацию восхождений. Надо было организовывать полноценные сборы, иметь инструкторов, выпускающего, спасательный отряд с доктором и радистом, ка-

лендарный план и прочую многочисленную документацию, всё это расписать, выслать, получить подтверждение... Ни в «Труде», ни в «Буревестнике» к осени 1976 года необходимого количества активных инструкторов не было.

Мы, Василенко, Пыльцын и я (в школе инструкторов мы сдружились и теперь в горы ходили вместе) стали думать, как быть дальше. Очевидное решение – ликвидировать одну из секций и всем объединиться в другой – по ряду причин нас не устраивало. Вот тогда и решили создать общую «крышу» в виде республиканской федерации альпинизма и, сохранив секции, организовывать сборы от федерации. А председателем пригласить человека, который своим авторитетом и опытом помог бы федерации укрепиться. Предложили председательствовать Хасану Минтуеву, он согласился при условии, что по мелочам его дёргать не будем. Так он стал первым председателем федерации альпинизма ЧИАССР²⁴. И надо сказать, он всегда приходил, когда его звали, на заседания федерации, вникал в суть проблем, давал дельные советы. Когда мог, выезжал с нами на сборы.

Активную помощь оказывал Валера Логовской, который в то время учился на дневном отделении геологоразведочного факультета Грозненского нефтяного института, по ночам работал на заводе «Красный молот», чтобы содержать семью и оплачивать квартиру, а в промежутках между тем и другим ходил на тренировки. Понемногу работа федерации

²⁴ Чечено-Ингушская автономная советская социалистическая республика

альпинизма наладилась.

Помню незабываемое зрелище на плато Кича. Первого мая мы туда пришли, поставили палатки, развели примуса, поели и вечером устроили праздничное шествие с воздушными шариками. Было красиво. Потом шарики отпустили; они улетели вверх по кулуару до гребня и скрылись. Мы ещё какое-то время попраздновали, погрустили и разошлись по палаткам – завтра восхождение. Утром встали с рассветом, собрались, позавтракали, выходим, и тут из-за гребня появляются наши шарики и спускаются к нам по кулуару. Здорово!

Что-то похожее мы видели потом на Уллутау. Раннее утро, идём маршрут 5Б категории (маршрут «по островам») – Василенко, Пыльцын и я. Из-за гребня появилось солнце. И слева по кулуару между «островами» и маршрутом Абалакова полетели вверх бабочки! Их несло по снежно-ледовому кулуару вверх нескончаемым потоком. Они заполнили весь кулуар, скрывались за перегибом, а снизу летели всё новые и новые, параллельно с нами, на высоте за 4000 метров и уходили за гребень Уллутау на грузинскую сторону, на ледник Лекзыр. Что это было за явление, до сих пор не знаю.

*На траверсе Кич-Салги: Зенков, Чуприн, Дементьев,
М.Говоров, Ивашкин*

В 1977 году летом я работал в альплагере Торпедо со «значкистами» (второй этап обучения), в промежутках между сменами инструктора ходили на маршруты четвёртой категории сложности. Надо сказать, ходить на спортивные восхождения в Торпедо тогда было непросто. Начуч лагеря, Акритов Иван Панайотович, был вообще-то хороший мужик, но трезвым бывал только час-полтора утром, и, если в это время не успеешь оформить выход на маршрут – потом уже поздно. Начспасом был москвич Белов, который считал,

что чем меньше народу в горах, тем спокойнее начспасу. Это никак не вязалось с моими планами. Поэтому на следующий год, соблазненный рассказами Саши Василенко и Валеры Пыльцына о том, что в альплагере Уллутау начуч альплагеря Порохня Юрий Иванович буквально выпихивает своих инструкторов на восхождения, я перешел в альплагерь Уллутау.

А тогда, в Торпедо, по приезду я попал на разбор восхождения группы инструкторов на вершину Адайхох 3А категории сложности. По пути на ночёвки они заблудились, на маршрут не вышли. Больше в альплагере никто на тройки и четвёрки не хотел ходить, я у них сменил руководителя и пошли мы. Потом мы ещё прошли три маршрута категории 4А, с Костей Гузовским из Орджоникидзе прошли маршрут категории 3А в двойке²⁵. Потом в альплагере появился Ивашкин Володя из Грозного, ему нужно было для спортивного роста выполнить руководство восхождением по маршруту категории 4Б, и мы пошли на Заромаг.

Из хижины на Цейском леднике вышли в два часа ночи. Подошли под маршрут и начали подниматься двумя связками: Ивашкин – Тамара Синицына и я с Костей. До этого мы почти все четвёрки проходили, только в отдельных местах используя попеременную страховку. А здесь первая связка с самого начала пошла с попеременной страховкой и продолжала это делать независимо от сложности маршрута. Мы

²⁵ В связке из двух человек

долго молча наблюдали за этим, поправлять старших товарищей было как-то неудобно, а дело затягивалось. Я им говорю: что-то вы очень уж тщательно страхуетесь. А Тамара отвечает: ты сам говорил, страховаться надо не там, где сложно, а где есть куда падать. И где, подумалось мне, в горах найти место, где некуда падать? Ну ладно, идём дальше.

Потом сели обедать, Володя развёл примус, чувствую, дело идёт к ночёвке на маршруте. Что-то во мне с этим не согласилось, и я вышел вперёд. Подходим к висячему леднику, единственному, пожалуй, действительно сложному месту на маршруте. Я нашёл вертикальный ледовый камин метров семь высотой, прошёл его на одном дыхании, вышел на площадку, организовал перила, принял группу, пошли дальше.

А дальше – крутой снежный взлёт на предвершинный гребень. Снега много, фирн за день подтаял, напитался влагой, что под ним неизвестно, но чувствую явственный запах лавины. Ночевать здесь и ждать, пока фирн схватится морозом не хотелось, и я пошёл осторожно один вертикально вверх, чтобы не перегружать и не подрезать склон. Вышел на всю верёвку, попросил подвязать ещё одну. Вышел на восемьдесят метров, склон стал более пологим. Попросил подвязать ещё репшнур длиной двадцать метров. Наконец-то можно было надёжно закрепить верёвку. Организовал перила, по одному поднялись остальные и по пологому гребню пошли вверх. Гроза не предвиделась и площадку под палатку отрыли на вершине. Первый раз я ночевал на вершине! Кажется,

и последний. Погода была ясная, видимость во все стороны прекрасная, вокруг – снежные вершины под ослепительным лунным светом, потом луна куда-то ушла, но ярче заблестали звёзды. Сказка!

В спортивном обществе «Буревестник», когда я туда пришёл, занятия проводили инструктора Хазов Володя и Бондаренко Коля. Николаева Елена, элегантная женщина, как-то показала мне фотографию, где она стоит в обнимку с Михаилом Хергиани и Тенцингом Норгеем²⁶. На мой вопрос, почему она не ездит на сборы, сказала: вот моя компания. Я тогда толком её не понял. Только потом, в восьмидесятые годы, поймал себя на том, что мне стало неинтересно в горах в отсутствие друзей, которые по разным причинам уже не приедут.

Как-то подошли ко мне Николаева и Бородацкий (это было в октябре 1976 года, в пору активного строительства федерации альпинизма ЧИАССР) и Бородацкий говорит: мы тут посоветовались и решили передать должность тренера тебе. Если не возражаешь, ходим в ДСО «Буревестник», я тебя представлю Николаева добавила: на кафедре переговорила, они согласны взять по моей рекомендации тебя. Если не против, пиши заявление, а я буду помогать, пока не освоишься. Так я стал тренером. Занятия в секции для студентов приравнивались к занятиям по физической подготовке. А от

²⁶ Один из первовосходителей на Эверест

ДСО мы получали путёвки в альплагеря и школу инструкторов, «крышу» для проведения своих мероприятий и кое-какое финансирование иногда.

Разными путями добывали снаряжение. Например, договорились с руководством альплагеря и закупили в Уллу-тау списанные верёвки в большом количестве, ботинки, ещё что-то. Естественно, отобрали то, что было ещё пригодно для использования. Система снабжения в те времена была такая, что и альплагеря не всегда имели то, что требуется. Из-за этого у меня серьёзные конфликты были в альплагерях Алибек и Эльбрус, а также на совещании по безопасности в альплагере Адылсу. Рации «Виталки» мы заказали через друзей на заводе-изготовителе (неофициально, конечно), по сто рублей за штуку, той же частоты, что и у грозненского клуба туристов – с тем, чтобы, во-первых, маскироваться под них, а во-вторых, чтобы иметь возможность при необходимости попросить у Полового Толика (руководителя клуба туристов) дополнительно его рации. Ракеты для аварийной связи в горах нам вынес прапорщик – начальник склада в пятнадцатом военном городке. Да ещё и с воющим сигналом в качестве бонуса и совсем недорого.

Всё это делалось вынужденно: в частности, по правилам без ракет невозможно было организовать сборы. Для шитья обвязок, одежды, спальников и прочего организовали поездку за списанными парашютами в Ростов. Из парашютных

строп я сшил себе обвязку, в которой потом ходил на все восхождения и которую конструктивно считаю лучшей из всех, которые когда-либо видел, в том числе в альпинистских магазинах в Церматте, под Маттерхорном, а также в Шамони и в многочисленных каталогах. Она до сих пор живая. Железо – кошки, карабины, крючья, зажимы, закладухи²⁷ разные и прочее закупали по всему Союзу у разных умельцев, что-то делали сами. Скажем, Лёнчик Луконенко разработал систему налобного фонарика из обычного «китайского», с квадратной батареей, которая пряталась в нагрудный карман пуховки и поэтому не замерзала, и оснастку для его изготовления. Пыльцын Валера изобрёл конструкцию очков для высокогорья из банок из-под сгущенки и технологию их производства и т.д. Всё это, конечно, не от неуёмной тяги к диковинкам, а потому что приобрести нормальное снаряжение возможности в те времена не было.

Вспоминается такая любопытная страница грозненского альпинизма начала восьмидесятых годов.

Во время войны в Афгане наши крепко получили по шапке в каком-то эпизоде из-за отсутствия опыта ведения боевых действий в горных условиях, необходимого снаряжения, тактических наработок, подготовленных для боёв в горах бойцов и командиров. Высокие умы в Генштабе обозначили некоторые военные округа (в том числе и Северо-Кав-

²⁷ Страховочное приспособление, используется вместо скальных крючьев

казский) горными и обязали их провести соответствующую работу по альпинистской подготовке военнослужащих. Ко мне, как к председателю президиума федерации альпинизма ЧИАССР, обратился заместитель командира дивизии полковник Петренко.

Грозненская команда перед выходом на Казбек, 1977 г.

Я ему написал обширную записку по горной экипировке и тактике ведения боевых действий в горных условиях. Мы

с ним разработали план занятий с командным составом, для начала в объёме первого этапа обучения на значок «Альпинист СССР». В рамках этого плана провели несколько теоретических занятий, скальные тренировки с полевой кухней и большим количеством спирта в Цее, и зачётное восхождение в Кистинском ущелье.

На восхождение вышло двадцать три офицера под руководством Славы Смирнова. На вершину он смог втащить только одного. Позже стало известно, что приказом по части всем этим офицерам было присвоено звание «Альпинист СССР» и некоторые из них отправлены в Афган. Надеюсь, что полученные навыки им там пригодились...

Спасательные работы в Кистинке. Приблизительно в 1980 году наши спортивные группы вышли на восхождения в Кистинке в так называемом Грузинском углу (окруженный вершинами ледовый амфитеатр в верховьях Кистинского ущелья), а мы (я, Василенко, Пыльцын, Тамара Синицина из Москвы) повели остальных, человек тридцать – сорок, на ночёвки на плато Кича. Залезли уже достаточно высоко, когда по связи получили сообщение от Логовского о том, что они находятся на «Хрустальных ночёвках», Слава Смирнов совсем плох, самостоятельно идти не может, похоже на аппендицит, и они начали его транспортировать вниз.

Мы оставили Синицину с женщинами и новичками неспешно спускать их по тропе, а сами посыпались вниз.

Там оставили тяжелые вещи, взяли только самое необходимое и пошли вверх по ущелью. Где-то в верхней части ущелья встретили нашу спортивную группу. Они втроём несли Смирнова по морене, это очень тяжело и физически, и технически. Однако они это сделали. Говорю доктору: пойдём разбираться, а он в ответ: знаешь, я вообще-то офтальмолог. Ничего, говорю, с нами Фердинанд Алоизович Кропф. Достал из рюкзака книжку Кропфа «Спасательные работы в горах», открыл нужную страницу. Там написано: при аппендиците при надавливании – боль, при отпускании – резкая боль. Спрашиваю: Славик, где болит? Он в ответ стонет: здесь. Надавливаю: «ой». Отпускаю: «ой-ой-ой». Видишь, говорю, доктор, всё просто. Что тут дальше написано? Обезболить и срочно транспортировать в больницу.

Пыльцын со своими ребятами уже изготовил носилки, Саша Василенко разбил отряд на группы по шесть человек: одна несла носилки, другая уходила вперёд для подмены, третья страховала первую в нужных местах и так далее. Ну и понесли. А это километров десять – пятнадцать по узкой тропе, местами по очень крутым склонам. Славик, терпел, только периодически требовал ещё его обезболить. По радиии сообщили начальнику контрольно-спасательного пункта Кирикашвили Зурабу Вахтанговичу в Казбеги, он прибежал к нам, когда начали транспортировку по склонам, а к моменту нашего спуска к дороге пригнал туда машину.

П. Дементьев и Г. Зенков на фоне горы Шан (Кистинское ущелье)

Уже ночью, кажется, привезли Славу в больницу в Казбеги, а там праздник: завтра первое мая. Дежурный врач говорит: ничего, положите вон там, идите отдыхайте, разберёмся. А хирург, говорю, есть? А как же, отвечает, есть! Лучший хирург! Заслуженный врач республики! Но он сегодня уехал на праздники к родственникам, в горы, в Сно, дня через три приедет и зарежет его в лучшем виде! С трудом, но организовали машину за хирургом, он приехал, помыл руки, по-

смотрел, пощупал, говорит: я сейчас вот здесь, на кушетке, буду спать, через три часа меня разбудите, буду резать. Но это я знаю уже со слов товарищей, я к тому времени уже тоже спал от усталости. Операцию хирург, как и обещал, сделал, аппендикс у него в руке уже лопнул, промыл всё, зашил, Слава остался жив.

Спасательные работы в Дигории. В дальнейшем, помимо Кистинки, мы решили освоить новый для нас район – Дигорию. Для меня-то все районы тогда были новыми, но вот Пыльцын брюзжал, что он всё уже в Грузинском углу облазил и ему там надоело.

В Дигории мы неплохо походили, даже прошли зимний маршрут категории 4Б на Галдор по западному гребню (Ва-силенко, Пыльцын, Синицина и я). На вершине встретились с другой нашей группой (Логовской, Луконенко, Недюжев, Говоров С.) и уже вместе спускались. На спуске на нас прыгнула лавина – красивое зрелище. В какой-то момент я оказался на небольшом уступчике, а метрах в десяти от нас, слева, была отвесная стена высотой сорок – шестьдесят метров. И вдруг над этой стеной, на фоне голубого неба, появилось что-то вроде белого облака, и я сообразил, что это лавина. Быстро осмотрелся – бежать некуда, остальным ничего не грозит, скомандовал напарнику вбить ледоруб в снег, падать на него и прикрыть голову, и сам сделал то же самое. Но всё-таки смотрел на лавину, сколько можно было. Красиво. Она

нарасталa, клубясь, заслонила солнце, потемнело, к счастью, основной массой прошла мимо, только слегка припорошив нас. Остальной спуск прошёл спокойно.

На следующий год снова поехали в Дигорию. Первая половина мероприятия прошла по плану, основной наш состав базировался на поляне Нахашбита, а я с новичками провёл занятия на поляне Таймази, сходил с ними на восхождение на пик Уруймаговой. Одновременно с нами сборы проводили ростовчане. Они направились в перевальный поход с отработкой ледовых занятий через перевал Суган, с восхождением по пути на вершину Южный Суган категории 1Б. Вскоре мы узнали, что у ростовчан несчастный случай: одна связка сорвала карниз на перевале Доппах и улетела на другую сторону хребта. Нам сказали, что наша помощь не потребуется, у них там достаточно народу. Мы расслабились и легли спать.

Через полчаса Василенко меня будит – вставай, идем на перевал Доппах, нужно отнести ростовчанам тросовое снаряжение и две акьи (дюралевые лодочки из двух частей для транспортировки пострадавших). Ну, загрузились и пошли. Если бы не Логовской, который поддерживал меня сзади, я бы точно где-нибудь свалился спросонья. К утру подошли к Нахашбите, там дали нам начальника из ростовских инструкторов и он повёл нас дальше. К тому времени совсем рассвело, и я вижу, что ведёт он нас не к перевалу Доппах (между вершинами Доппах и Нахашбита), а на ледник До-

ппах, в сторону Суганского перевала, откуда мы вчера спустились. А это совсем в другой стороне. Сказали об этом начальнику, он говорит, ребята, всё под контролем. Ну, думаем, может группа вместо Доппах вылезла на какой-то другой перевал и оттуда свалилась. Ладно, идём дальше. Взгромоздились на ледник, идём-идём, вижу, как-то начальник неуверенно себя чувствует.

Слушай, говорю, вот слева мы прошли Южный Суган, я на нём вчера был, вот справа Суган-баши, впереди Суганский перевал, нам туда надо? Всё, говорит, правильно, впереди перевал Доппах, идём дальше. Рация у Василенко, говорю – Саша, свяжись с КСП, объясни, куда нас ведут и туда ли нам надо. Саша связался, объяснил, ответили: он район знает как свой огород, может ночью с закрытыми глазами, так что не переживайте. Ну идём дальше, подошли под перевал, тут ростовчанин говорит: ребята, что-то мы не туда попали. Из еды на всю группу у него оказался только кусочек сала со спичечный коробок, покормил он нас и отправились мы обратно. Пришли на поляну Нахашбита. Там выяснилось, что тросовое снаряжение уже не нужно, мы его с облегчением сбросили, но акьи нужны, и мы потащились опять на перевал Доппах. На этот раз сами. Сил уже не было никаких, и мы, то и дело останавливаясь, всё-таки под вечер затащили эти акьи на перевал. Там было шесть-семь палаток, одну выделили нам.

Ростовчане попросили одного человека поставить метрах

в двадцати ниже перевала для организации переправы через трещину, так как сейчас начнут снизу поднимать пострадавших. Выделили меня, все полезли обживать палатку, а меня новый ростовский начальник повёл осмотреть диспозицию. На той стороне, чуть ниже перевала, были видны две горизонтальные косые трещины, во всю ширину склона, с узким гребешком между ними. Простого пути обхода не было видно. За трещинами крутой снежно-ледовый склон был более пологим, и там темнели несколько палаток: пострадавшие, доктор, спасатели; кто-то мельтешит с фонарями.

Ну что, говорит ростовчанин, скажешь? Я отвечаю: пострадавших поднимать прямо вверх и напрямую через трещины. А люди пусть пройдут справа через нижнюю трещину, потом по гребешку и слева через верхнюю. На этом варианте и остановились.

Справа от перевала выходы скал, там вбит крюк и от него брошена верёвка через трещины. Я посмотрел крюк – весь искорёженный, забит не в трещину, в какую-то морщину. Рядом ничего путёвого для более надёжного крюка не видно. Этот крюк, говорю, нагружать нельзя. А мы и не собираемся, отвечает ростовчанин, народу много, так всех выдернем, руками. Ну ладно. А ты, говорит мне, иди на гребешок: сейчас снизу подойдут люди, направишь их, куда надо. Хорошо. Перепрыгнул я через трещину, прикинул – как будем перетаскивать, расчистил площадку на одной стороне гребешка, на другой, подработал сам гребешок и стал ждать.

Тем временем снизу стал подниматься туман, сначала накрыло палатки с пострадавшими, потом склон, потом и меня. Совсем стемнело, немного мело, и я стал ходить туда-сюда по гребешку от места переправы через первую трещину, до места переправы через вторую, чтобы не замёрзнуть, а заодно и утоптать хорошую тропу.

Часа через три я понял, что что-то пошло не так, и надо бы отсюда выбираться, пока совсем не превратился в снеговика. Но самостоятельно перепрыгнуть через трещину снизу-вверх сил уже не было, я подождал, когда какой-то ростовчанин вылез из палатки, подозвал его, слегка ошалевшего, и попросил прислать мне Василенко из грозненской палатки. Саша вылез, подошёл, я ему растолковал, что надо, он бросил мне конец верёвки, я обвязался, взялся за неё, прыгнул, помогая ногам руками, он ещё поддёрнул и вытащил меня на ту сторону.

В палатке было тепло, был чай, ноги отёрли, но ночевать нам не пришлось: приходит уже другой ростовский начальник, говорит: с рассветом начнут поднимать пострадавших, на перевале места мало и палаток мало, а народу много, спускайтесь на поляну Нахашбита и ждите нас там. Мы донесём до поляны сами, а там дальше понесёте вы. Ну и пошли мы вниз на поляну.

Туда же, ещё раньше, мы по рации вызвали и мужиков нашего отряда для транспортировки пострадавших. Когда спустились, на поляне уже стояли несколько палаток, две из них

были выделены нам, Володя Хазов сунулся в одну: на полу лужа подтаявшего снега. Говорит: ребята, здесь тепло, вода! – и полез дальше в палатку. Наконец-то можно было и поспать. Постелить было нечего, пододвинул я под голову какой-то камень и лёг на него не снимая каски. А вот Слава Смирнов спал без каски и утром самостоятельно встать не смог: его букли вмёрзли в лёд.

В процессе обсуждения ситуации было выдвинуто несколько кардинальных предложений, как его освободить от этого плена. Наконец Луконенко и Логовской немного подкопали голову ледорубами, и Слава, напуганный дальнейшими перспективами, освободился сам. У Саши Василенко опухли растёртые накануне ноги и не влезали в ботинки. Он сказал, что если без него обойдёмся, он потихоньку пойдёт следом. Попили чаю и стали прикидывать, как тащить людей вниз по крутому склону.

Только нашли подходящие для спуска снежники – видим, несут пострадавших. Мы их подхватили, за несколько минут спустили по снежникам почти до начала крутого подъёма на ночёвки и дальше вниз до дороги. Мне только оставалось подсевшим к тому времени голосом командовать смены через каждые несколько минут, чтобы не терять темпа. На дороге уже ждала машина и пострадавших увезли вниз. На этом наши сборы и закончились. Все устали, да и времени на что-то серьёзное уже не оставалось.

Альпинизм и формализм. В моей альпинистской биографии более ста восхождений, в том числе шестнадцать пятой и шестой категорий сложности; тридцать три смены инструкторской работы в должностях от командира отделения первого этапа до начспаса альплагеря Эльбрус, а также редакционная статья в журнале «Советские профсоюзы» за апрель 1986 года по поводу отпусков без содержания. Дело в том, что среди случаев, когда администрация обязана предоставить такой отпуск, в числе прочих причин есть фраза «инструкторам альпинизма для работы в альплагерях». А история этой статьи такая.

Как инструктора уезжали на работу в альплагерь? Предварительно договаривались с начальником учебной части альплагеря; он потом отбирал нужное ему количество на каждую смену и отправлял им приглашение, а на работу приглашённым письмо с просьбой предоставить их работнику отпуск без содержания согласно законодательству. На предприятиях открывали КЗОТ – ни слова на эту тему там не было. Только в комментариях была ссылка на древний, ещё Сталиным подписанный закон, давно уже необязательный к исполнению. В результате далеко не все инструктора могли поехать работать в альплагерь.

В 1985 году Юра Шортов, в то время начальник учебной части альплагеря Эльбрус, предложил мне поработать у них начспасом. Я согласился, Федерация и Управление альпинизма меня утвердили, мне выслали приглашение, на работу

выслали письмо. Я, как положено, пишу на работе заявление на отпуск, ссылаясь на письмо. Заявление моё директор не подписывает, время идёт, пора уже и ехать, пишу я ещё одно заявление, отдаю секретарше под роспись и уезжаю.

Начал работать, а из Управления альпинизма приходит телеграмма, что отпуск мне на работе не дали и со мной расторгают контракт. А где лагерю брать начспаса? Начальник лагеря Шевченко говорит: Кропф, который и готовил телеграмму, сейчас где-то здесь, в Приэльбрусье, отлови его, поговори. Ну, отловил, поговорил. Кропф говорит: если все уедут, кто на предприятиях работать будет? Я возмутился: вас поставили альпинизм развивать, инструкторов растить, а вы их топите. На кого работаете? Поругались немного. Я рассказал ситуацию Шевченко, он говорит: денег у тебя нет, на билет ты ещё не наработал, вот тебе командировка в Москву, там надо двадцать пар кроссовок получить (страшный дефицит в то время) и ещё кое-какое снаряжение. Устраивай свои дела, получится – привезёшь, не получится – отпратишь. Кстати, будет время – зайди к Кропфу, отдай ему одну пару кроссовок.

Самолётом, как белый человек, из Минвод я прилетел в Москву, приехал на работу, захожу к директору, он мне говорит: а, явился! Давай пока на работу, а я посмотрю, как тебя наказать. С тем и ушёл. Получил я снаряжение, кроссовки (все почему-то размеров с 36-го по 39-й), с мешками заявляюсь в Управление, Кропф выходит из-за стола (они

там все в одной комнате сидели), за руку здороваются: это ты кроссовки получил? У меня племянница давно хочет, не можешь одну пару уступить? Указание на его счёт я имел, одну пару отдал и уехал в лагерь работать.

Приезжаю, а там Назаренко, инструктор из Харькова, возмущённый всем этим безобразием, со своими ребятами подготовил ругательное письмо в Управление. Я говорю: это хорошо, но толку не будет. Проблема касается не только меня, всех инструкторов, Управление её решать добровольно не будет, их надо заставить. А вообще надо вносить дополнение в КЗОТ, а реально это сделать можно, если будет указание с самого верха. И написали мы письмо в Политбюро ЦК КПСС. А чтобы придать ему вес, решили собрать под ним подписи инструкторов. В свои выходные, вместо того, чтобы ходить на восхождения, ездили по лагерям, собирали там митинги, зачитывали письмо и просили подписать. Причём подписывали по разработанной форме: ФИО полностью, домашний адрес, место работы, инструкторская квалификация, партийность. И хоть и страшно было, но многие подписывали: наболело. Собрали где-то полтысячи подписей.

Потом, уже осенью, Назаренко приехал ко мне, пошли мы в приёмную ЦК и попросили нас принять. Нам сказали: письмо сдайте вон в то окошко, спасибо, ответ получите в установленном порядке. Но мы не сдавались, продолжали настаивать. В конце концов, вышел к нам какой-то мужик, повел нас длинными коридорами, с переходами, пере-

дал другому мужику, тот завёл в большой пустой кабинет, усадил нас, сел сам, представился, взял письмо, внимательно прочитал. Ну и что, говорит, вы хотите? Мы объяснили нашу проблему. Сказали, что это связано с безопасностью в альпинизме и качеством учебной работы и что надо бы подправить КЗОТ в части обязательности предоставления отпусков без содержания инструкторам альпинизма на время работы в качестве таковых. Он говорит: ладно, подумаем, что можно сделать. С тем и расстались.

Уже зимой по каким-то делам захожу в Управление альпинизма. Кропф говорит: а я вас ищу, телефона нет, вот, письмо написал, чтобы пришли, поговорить надо. Ваше письмо для предложений отправили в ВЦСПС, оттуда копию прислали нам, надо что-то делать; вот, надумали собрать всех подписавших, кто недалеко живёт, поговорить, посоветоваться.

Надо бы мне согласиться, но очень я не люблю собрания и всё с ними связанное. Нет, говорю, в этом необходимости. ВЦСПС имеет право законодательной инициативы, вот и посоветуйте им внести дополнение в КЗОТ. Нет уж, говорит Кропф, сами советуйте. Посадил меня в машину, заехали сначала за ещё каким-то мужиком, потом поехали в ВЦСПС. Там пришли к кому-то из руководства, объяснили ему, чего что мы хотим. Он говорит: а мы-то причём? Почему всё на нас валят? Да вы, говорю, вообще не при чём, и письмо, как видите, не вам адресовано. Давайте сделаем вот как: мы на-

пишем ещё одно письмо туда же, с просьбой направить его в нужную инстанцию, так как вы к этому отношения не имеете. Он резко сбавил тон, посидел, подумал. Сделаем, говорит, так: сначала статью в «Советские профсоюзы», чтобы уже этим летом вы могли на что-то сослаться, потом займёмся с юристами подготовкой дополнения.

Вот так и появилась статья.

Потом грянула перестройка, всё пошло кувырком, вопрос повис в пустоте и рассосался в ней. Но всё-таки с 1986 года несколько лет польза от статьи кому-то могла быть: журнал был в авторитете, его выписывали все профкомы и подобные разъяснения были обязательны к исполнению. А я больше этим не занимался, да и от альпинизма отошёл постепенно, столкнувшись с парадоксом: чем выше должности, тем хуже люди. Я только немного высунул голову туда, где живут наши вожди, и постарался побыстрее унести её назад, к людям.

У истоков промышленного альпинизма. В конце 1977 года в районе села Дубаюрт было начато строительство крупного цементного завода (впоследствии его главным энергетиком стал член секции альпинизма ДСО «Буревестник» Петр Федин, сейчас он председатель совета директоров Красной поляны в Сочи). В горах в районе Дубаюрта был организован карьер по добыче сырья для цементного завода.

Крутизна склона, по которому прокладывали витки серпантина на вершину, где собирались начать разборку, со-

ставляла приблизительно градусов пятьдесят. Дорогу строили в соответствии с проектом и планом производства работ, взрывая породу (взрывы были мощные) и выбирая её потом карьерным экскаватором. Занималось этими работами Грозненское управление треста «Союзпромэкскавация». Когда начали второй виток серпантина, выяснилось, что из-за большой крутизны склона куски породы постоянно падают вниз, перебивая кабель под напряжением шесть киловольт, который экскаватор тянет за собой. Кроме того, из-за падения камней произошло несколько несчастных случаев, по причине чего перед каждым взрывом экскаватор стали отводить вниз, что, естественно, сильно снижало темп работ.

Хасан Минтуев (он в то время работал в промышленном отделе обкома партии) организовал периодическую очистку склонов силами альпинистов. Помнится, участвовали в этой работе Бородацкий и Хазов. Я туда пару раз приехал, мне понравилось; и я организовал там постоянную бригаду, с помощью которой мы существенно сократили сроки и стоимость строительства, изменив технологию производства работ. Несчастных случаев на этом участке больше не было. За это «Союзпромэкскавацию» наградили переходящим Красным Знаменем ЦК КПСС, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Некоторые сотрудники управления получили ордена и медали, нам тоже что-то предлагали, но мы предпочли премии и ценные подарки. А зря, как сейчас думаю. Эти события описывали неоднократно в газете «Грозненский рабочий», один

раз в «Советской России» даже в болгарской туристско-альпинистской газете «Эхо». Так что Хасана Минтуева можно считать одним из зачинателей промышленного альпинизма в России.

Организовывала взрывы бригада «Союзвзрывпрома». Проектом производства работ разрешалось использовать до двадцати тонн взрывчатого вещества, вот столько и закладывали в пробуренные шурфы. Однажды заложили сразу сорок тонн. Эффект был потрясающий, и больше так не делали. Перед взрывом все отходили подальше, а на этот раз вообще на базу ушли. Расположились мы в тенёчке за своим вагончиком и тут громыхнуло. Один камень, с хороший кулак величиной, упал вертикально прямо посередине вагончика. Пробил крышу, стол, пол и ушёл под землю.

В нашей бригаде постоянно работали грозненцы Вдовыдченко, Спасителей и Лабутин, периодически подключались и другие. Как-то мы с Лабутиным решили убрать со склона ненадёжно лежавшую металлоконструкцию. Удерживал её на склоне один камешек снизу. Мы решили аккуратно её спустить. Оценив её вес килограмм в семьдесят – восемьдесят, привязал я её к верёвке, организовал страховку, Лабутин выбил камень, железяка понеслась по склону и ухнула с обрыва над дорогой. Рывок я загасил и железяку удержал, но она оказалась тяжелее и руки мои оказались в опасной близости к карабину. Силы рук для удержания было недостаточно, передвинуть их ниже и перехватить две верёвки

я не мог, отпустить верёвку и убрать руки тоже не успевал: затянуло бы в карабин (стальной треугольник) и там искалечило, поднять конструкцию мы не могли. Тогда Лабутин по команде дёрнул вверх изо всех сил верёвку с грузом, и мы одновременно её отпустили. Так он спас мои пальцы от крупных неприятностей, которые я им организовал, а я получил бесценный опыт – никогда не относиться к страховке формально.

Горный туризм. Помимо собственно альпинизма, мы принимали также участие мероприятиях клуба туристов в разных качествах: от судейства соревнований до участия в них. В частности, Слава Смирнов был председателем маршрутно-квалификационной комиссии, я – начальником одного из двух республиканских спасательных отрядов.

Однажды мы, бригада из четырех человек во главе с Анатолием Половым, ремонтировали перед началом туристического сезона плановый маршрут от села Верхний Алкун до села Армхи, который проходил по живописному ущелью реки Асса. Укрепляли мосты, овринги, маркировали тропу. Ближе к концу этой работы осталось только заменить настил для палаточного лагеря на последней ночёвке перед селением Армхи.

Двое членов нашей группы задержались на других работах, а мы с Анатолием пошли вниз по ущелью в Армхи за досками. По пути небрежно перепрыгнули через небольшой

ручей. Внизу Анатолий отвлёкся на какие-то другие дела, а мне вручил двух ослов, доски, брусья и скомандовал: вперёд. Сначала мы с осликами резво двигались по тропе всё вверх и вверх, пока не дошли до ручейка. Пока мы ходили в село, в горах отгремела гроза, и ручеёк превратился в бурый грохочущий поток, в котором глухо стучали камни. Правда, в районе тропы он расширялся метров до восьми и несколько успокаивался, а потом снова почти отвесно падал вниз.

По опыту переправ через горные реки я знал, что при таком течении, если глубина больше, чем по колено, может сбить. Но ждать, пока уйдёт вода, некогда: уже и дождик стал накрапывать, уже вызвана машина, надо попытаться форсировать водную преграду. Проверил – глубина по пояс, то есть ситуация критическая. Разгрузил ослов, чтобы у них был шанс в случае чего выбраться из воды, перенёс груз на тот берег. Надо сказать, смотрели они оба на меня с тоской, как бы прощаясь. Была у меня мысль во время этих переходов обвязаться, а другой конец верёвки закрепить на осле, чтобы он меня вытащил в случае чего. Но поскольку этот приём у нас не был отработан, пришлось отказаться от этой перспективной идеи.

Взял я первого осла под уздцы и повёл в воду. Он жутко возмутился, что-то проорал второму на ослином языке; тот мгновенно всё понял и трусцой побежал вниз, домой. Ладно, потащил этого. Надо признать – он был прав в своём негодовании: вода всё прибывала, осёл ногами потерял дно, и мне

стоило больших усилий выбраться с ним на берег. Стал его грузить, он на меня посмотрел печально, лёг и всем своим видом показал, что собирается помирать. Ну ладно, что делать. Нагрузил я на себя, сколько смог поднять, досок и пошёл по тропе вверх. Принёс груз на стоянку, сбросил, оборачиваюсь – а эта бестия стоит сзади и весело скалится! Оказывается, осёл всю дорогу шёл налегке позади меня. Погонял меня, значит.

Александр Масленников. В юбилей ВОЖДЯ – на пик имени вождя

На пик Ленина в честь юбилея Владимира Ильича (1969 год) вышла на восхождение большая команда из тринадцати человек в составе ещё более крупного мероприятия. Из грозненцев в группу входили А.И. Масленников, И.А. Бородацкий, И.А. Сазонов. Руководил группой Валентин Иванов. Позанимались, чтобы вспомнить навыки передвижения по различным формам горного рельефа, пошли на восхождение. Дошли до высоты 5100 метров, начали ставить лагерь. Спускаются к нашему лагерю с вершины два человека в состоянии, которое называют «никакое»: выжатые как лимон. Нужно сопроводить их вниз, в базовый лагерь чуть ниже «Луковой поляны». Валентин Иванов спросил: кто пойдет? Предупредил, что скорее всего восхождение для добровольцев будет невозможно, поэтому нужно оставить все общественное снаряжение, взять с собой только личные вещи.

Все опустили головы, начали ковыряться в рюкзаках, перекладывать вещи с места на место. Коля Черенюк из Перми и я взялись сопроводить. Ребята, которых сопровождали, были в таком состоянии, что даже не понимали в какую сторону нужно идти, и мы вели персонально каждого на веревке. Спустились в базовый лагерь на высоте 4100 метров. На-

чальник сборов Овчинников Анатолий Георгиевич, заслуженный мастер спорта, доктор наук, профессор МВТУ им. Баумана, сказал: если силы есть, можете идти наверх. Силы нашлись, и мы пошли.

Пришли в лагерь на 5100 метров в тот же день, уже в восемь часов вечера. На следующий день поднялись на высоту 6100 метров, после чего я приблизился по состоянию к недавно сопровожда́нным. Меня засунули в самый дальний угол палатки. Что-то поел и просто валялся. Напарник Коля Черенюк сказал: если до утра не сдохнешь, я тебя отведу вниз. Не сдох. Повезло! Наутро непогода зарядила на весь день. Назавтра еще на полдня – опять непогода. Поднялись до отметки 6400 метров и опять встали на ночевку. После непогоды поднялись на высоту 6900 метров. Переночевали. Понемногу я оклемался, расходился, и даже на вершину поднялся.

После спуска с пика Ленина в базовый лагерь все начали разъезжаться. В это время на пик Ленина совершали восхождение двое иностранцев. Один – немец (редактор немецкой газеты «Альпинизмус») и англичанин Гарри Кларк. Начальник сборов Овчинников попросил нашу четверку (И.Г. Бородацкий, И.А. Сазонов, А.И. Масленников и Коля Черенюк) остаться в качестве спасательной группы. Кроме нас, остались ещё Костя Клецко и ещё кто-то.

Иностранцы запросили помощи. Наша спасательная группа пошла вверх. Выяснилось, что иностранцы живы и здо-

ровы. Сопроводили иностранцев с ночевки под вершиной до места, расположенного несколько выше базового лагеря. Изготовили площадку для вертолета. На площадке вместе с иностранцами собралось двенадцать человек. В базовом лагере председатель ВС ДСО профсоюзов организовал вертолет. Вертолет прилетел, но выяснилось, что борт может взять только четыре человека. Председатель требует отправить иностранцев, но Овчинников отправляет на вертолете четверку Бородацкий, Сазонов, Масленников, Черенюк. Вертолет приземляется к поляне с председателем ВС ДСО. Тот бежит встречать иностранцев, выходят советские. Вы кого привезли?! Кого послали, того и привезли. Дает команду лететь за нужными. Привозят опять советских! Лишь третьим рейсом привезли Овчинникова, Клецко и двух иностранцев.

Грозненцы в Кистинке. Третий справа А. Масленников, четвертая слева Е. Николаева, крайний справа И. Бородацкий

Александр Плотников. В горах Чечено-Ингушетии

Гирич, май 1990. 09.05.1990. День Победы и благословенный день нашего выезда в горы. Утром садимся на трамвай и доезжаем до автовокзала, где все нас ждут. Мы стоим весёлой толпой возле фонтанчика и шутим на весь автовокзал, люди разглядывают нас с любопытством. Серёга Ефимовских набирает кучу багажных билетов, и мы оккупируем потрёпанный Икарус, отбывающий в Орджоникидзе. В автобусе довольно свободно, все рассаживаются согласно купленным билетам.

Я смотрю в сторону гор, каждая новая встреча с которыми приносит мне радость. Они не спешат открываться, и лишь где-то под Назранью в тучах над хребтом открывается просвет на снежники верховий Аргуна. Назрань, как обычно, изумляет нас сияющим видом Казбека, Джимарая, Столовой и прочих окрестных гор, равно как и наличием сигарет «Ростов», «Ява» и индийского чая у местных торговков.

От Назрани ехать остаётся совсем недалеко. На вокзал подкатывает новый ПАЗик, мы в него загружаемся и едем в мои любимые места, не столь уж и отдалённые. Доезжаем, надо признать, прекрасно, но из Армхов уходим пешком, так как дорогу завалило дерево с обрыва.

В Ольгетты ловим машину, которая меня с нашими рюкзаками довозит под Гирич. Я перетаскиваю рюкзаки к биваку, где оказываются палатки крымчан и два их представителя. Одного зовут Мишей. Он сообщает, что сходил уже на три горы, сейчас ждёт своих. Мы ставим две палатки и, пока подтягиваются остальные, начинаем готовить. Миша сетует на чертовский холод и благословляет свою пуховку, взятую из дому случайно. Видите ли, ему обещали райски тёплое место, каким Гирич знают все, но и на Гириче выпадает снег. Да и вообще, чего не бывает в горах, нельзя об этом забывать! Я лично беру тёплые вещи и летом, не говоря о других временах года. Когда снизу подходят наши, мы ставим ещё одну палатку и зажигаем второй примус.

Вячеслав Смирнов (справа) ведёт группу через село к началу маршрута восхождения на Гирич

До вечера мы отлично устраиваемся: Буренков, Новичков и Иващенко в перкалевой палатке, я, Игорь и Ильина в другой, наш руководитель Вячеслав Андреевич Смирнов, Серёга Ефимовских и Попель в палатке «волна». Смирнов назначает выход на шесть утра.

Выходим в семь и, преодолевая недостаток акклиматизации, поднимаемся к перевалу, а далее на Джарлам. Идти на

перевал тяжело. Смирнов не останавливается ни разу и, хотя я утром уже поднимался вверх по склону, чтобы сфотографировать рассвет, чувствуется тяжесть тела. На перевале я долго не могу понять, где же наша гора: так много вершин высится вокруг.

Пока мы надеваем обвязки, Смирнов уходит вперёд. Мы видим его на снежном склоне, ведущем к перемычке. Отправляемся по его следам и следам поднимавшихся до нас крымчан, достаточно утоптанным, чтобы не проваливаться на каждом шагу.

Перемычка оказывается совсем рядом. На ней мы перекусываем, связываемся, и через пятнадцать минут, к своему крайнему удивлению, выходим на вершину.

Отдохнув там и полюбовавшись местными красотами, мы очень быстро спускаемся в лагерь.

На следующий день у нас запланирован Западный Гирич. Выходим рано утром. Поднимаемся по кулуару, снег держит хорошо. Долго иду по нему первым. Под перемычкой оставляем лишние вещи у большого камня. После перемычки остаётся гребень, по которому мы выходим на вершину Западного Гирича.

Вернувшись к камню с вещами, созерцаем, как по нашим подъёмным следам в кулуар уходит мокрая лавина. По её следам, как по бобслейной трассе, сбегает до самого низа. Приходим в лагерь мокрые по пояс. Оставшееся время трагитим на то, чтобы рассмотреть средневековые башни и стро-

им планы будущих восхождений...

Республиканские соревнования по альпинизму. Участники восхождения: Крайникова Елена, Искандеров Сергей, Новичков Валентин, Буренков Александр, Плотников Александр, Воцалевский Владислав.

Итак, 29 сентября 1990 года мы отправляемся покорять великую гору Шан, а заодно делать первопрохождение²⁸ маршрута второй категории на вершину левее Обзорной, которую приметили в прошлом году.

В Орджоникидзе мы затариваемся продуктами. Зафрахтованный в комитете по физкультуре и спорту автобус довозит нас до поворота на Гули. Покинув относительно тёплый автобус, мы проходим по ущелью метров восемьсот и остаёмся перекусить.

Погода не радует, моросит дождь. Идём без приключений, если не считать подвыпивших представителей местной интеллигенции в костюмах и галстуках у дороги, которые наливают по стопке Серёге, Владу, Вале и Шурику и дают им с собой варёную курицу, сигареты и зелень. Мы с Леной подходим чуть позже. Около шести часов мы устраиваемся на стоянку в неудобном месте, недалеко от старой лавины. Вала, посланный поискать чего получше вперёд, чуть-чуть не доходит до прекрасных скальных навесов, под которые мы перебираемся лишь на следующий день. Пока же приходит-

²⁸ Первое прохождение альпинистского маршрута

ся встать на сырой бугор и ночевать в сырых палатках.

Тридцатое сентября. Выходим на озёра, в надежде сделать разведку маршрута, но тщетно. Идёт дождь, а на озёрах и снег. Мой прорезиненный плащ промокает, и это очень неприятно. Буренков вообще мокрый насквозь, но оборачиваемся мы лихо, оценив скорость ходьбы без рюкзака. По дороге общаемся с чабанами, они говорят, что две недели до этого стояла отличная погода. Я не представляю в Шандоне хорошей погоды, ни разу её здесь не видел, не застаём мы её и теперь. Утешает возможность ночевать под скальными навесами, где абсолютно сухо.

Мы быстро обрисовываем положение дел друзьям и бодро занимаемся переноской снаряжения. После нескольких пятисотметровых ходок на старом биваке ничего не остаётся, и мы с Буренковым переодеваемся. Дождь утихать не собирается, нос дальше навеса мы не высовываем, сушимся себе мирно и ждём погоды. По хребтам тянется плотный туман, он не рассеивается. Так этот сумрачный день и заканчивается.

Первого октября ничего не меняется. Мы поднимаемся на озёра и заходим несколько дальше. На Мокрой поляне застаём вид с открытой вершиной Саманта, но её тут же затягивает туманом.

Возникает сожаление, что мы не подняли сюда наше снаряжение, но это вопрос проблематичный, так как погода весьма неустойчивая. На озёрах не оказывается моста, мы

двигаемся по берегу, пока не упираемся в моренный вал, уходящий вверх примерно на сотню метров. Нас накрывает густым туманом, и мы решаем вернуться. Буренков тем временем доходит до места, с которого фотографирует вершину Сахарисмта, благодаря чему становится героем дня. В лагере нас встречают, кормят, поят чаем и укладывают спать. В два часа ночи я обнаруживаю совершенно чистое небо с невозмутимыми звёздами и понимаю, что утром нам предстоит долгий путь.

Утром второго октября мы идём наверх. Выйдя на Мокрую поляну, мы видим чистейший и красивейший Шан, вершину ЧИФА (Чечено-Ингушская Федерация Альпинизма), похожую на маленький Эверест, треугольник Саманты. Настроение поднимается. До кошары мы доходим быстро, всего за час двадцать. Устраиваемся там удобно, приносим воды и дров, раскладываем сушиться одежду и загораем. Через некоторое время намечаем разведку, чтобы отдохнуть после неё со спокойной душой. Погода прекрасная, небо без единого облачка.

Оставив Влада, Валю и Лену готовить, мы выходим на разведку. С противоположного борта долины открывается отличный вид на верховья ущелья. Внизу торчат зубы Гирича, над ними висит облако.

Мы просматриваем несколько вариантов подъёма на Скалистую. На одном варианте нас ждёт большая отвесная стена, которая уже не похожа на маршрут второй категории. В дру-

гом варианте после выхода на гребень видны два огромных жандарма, каждый из которых может быть самостоятельной вершиной. На третьем варианте маршрута есть одно неясное место, закрытое бараньими лбами. В итоге для подъёма на вершину мы намечаем четвёртый вариант, который представляется самым логичным.

Покончив с разведкой, мы спускаемся вниз, обедаем и выходим на разведку маршрута третьей категории на Шан. Вершина Шана выглядит не так приветливо, как Скалистая. Солнце заходит, склоны уходят в тень и становится холодно. Маршрут третьей категории, предложенный Смирновым, выглядит совершенно классическим.

Третье октября. Просыпаюсь в 3:40, бужу остальных. Разогреваем приготовленный вчера суп, хотя есть не хочется. В 5:10 мы выходим, облаков на небе нет, но на ночные вершины смотреть не хочется, такими холодными они кажутся. Я иду замыкающим, подсвечивая всем фонариком. Чем выше мы поднимаемся, тем более гигантскими кажутся окружающие горы. Мы понимаем, что иначе не бывает, и нам придётся преодолеть и тяжесть собственного тела, и холодную темноту вершин. Кочки травы гигантской бесконечной лестницей уходят вверх, в безмолвие. Поднимаемся зигзагами, но я замечаю заросшую срединную морену и иду по ней. Вершины посветлели. Мы знаем, что появление солнца придаст нам сил. Трава сменяется мелкой плотной осыпью. Это надёжней и не раздражает, как уходящая из-под ног

трава. В районе шести часов вершин касаются лучи солнца, защёлкали фотоаппараты. Мы обсуждаем эту великолепную картину. Шан открыт, да ещё на рассвете, просто красота!

Пока мы не надеваем обвязки и не связываемся. Кулуар заполнен плоскими камнями, которые, к счастью, далеко не летят. Движемся аккуратно, по-кошачьи. Нам везёт, мы не спускаем друг на друга ни одного камня. Кроме каменных осыпей, проходим несколько небольших скальных стенок, без страховки, потому что делать её просто негде. Это увеличивает нашу мобильность и даже гладкое мокрое дно кулуара не вызывает у нас больших затруднений. Кулуар сужается, и мы упираемся в гладкую стенку высотой метров пять-шесть, уходящую вверх широким внутренним углом. Глядя на царапины турьих копыт, я пробую пройти внутренний угол на трении, но ботинки скользят, и я оставляю эту затею. Ухожу вправо по более крутой стене с хорошими зацепками. Выбравшись наверх, вижу широкий кулуар, метров через триста выводящий на гребень. Не дожидаясь остальных, иду дальше. Они выползают по одному, но дальше не двигаются, а злой Буренков кричит мне, чтобы я подождал. После постоянного лазанья хочется увеличить скорость, я дохожу до пролома в гребне и заглядываю в него... Тут мне становится слегка нехорошо. На другую сторону гребень обрывается отвесной стеной и заснеженными северными склонами. А вершина виднеется далеко вверху, справа от меня, выглядывая из-за массивного жандарма.

Да, думаю я, идти ещё долго! Сажусь ждать остальных. Не огорчаю их сразу, они всё видят своими глазами. Дорога по гребню начинается глухой стеной, которую мы кое-как обходим. Справа гребень оказывается ничуть не лучше кулуара. Сплошные скальные перья и жандармы дают возможность всласть полазать, руки болят не меньше ног. Мы проходим большой жандарм, маячивший перед вершиной, и выходим в верховья какого-то кулуара. Тут мы оставляем контрольный тур и переходим в найденный кулуар. По крутому снегу с ледовой подложкой поднимаемся пару верёвок до скал. До вершины остаётся, как нам думается, совсем немного и мы движемся по лабиринту каменных перьев. Время восхождения приближается к шести часам. Скалы, покрытые снегом, не внушают доверия. Вскоре я упираюсь в гладкий скальный зуб высотой пять-шесть метров, который сперва принял за вершину. Как же на него лезть, думаю я, обходя его справа, и надеясь увидеть там Буренкова. Его там не оказывается, сплошные отвесы.

Я не понимаю, куда он исчез и кричу. Он отзывается откуда-то из-за зуба. Я сползаю назад и слева от скального зуба нахожу новый путь, по которому метров через десять выхожу на вершину, там сидит Буренков. Через некоторое время показывается Искандеров, потом появляются Новичков и Крайникова. Мы друг друга поздравляем, смотрим кругом, а потом полтора часа распиваем чай. Кружку мы забыли внизу, чай приходится пить из крышки котелка.

За этим занятием мы замечаем, что небо стало затягивать тучами, пора спускаться вниз. Мы надеваем обвязки и связываемся. Навешиваем три верёвки перил. В кулуаре убираем верёвки, перебегаем пятнадцать-двадцать метров по одному, ждём остальных на удобных полочках. Камни почти не летят, филлиты вообще не отличаются высоким полётом, если только не встанут на ребро. Наконец добираемся до двадцатиметровой стенки. Чем она заканчивается, никто не видел, кроме меня. Снизу выдавило туман и видимость сразу сократилась. Я успел разглядеть, что недалеко от подножия стены начинается большой кулуар, который нам нужен. Навешиваем перила вешаем перила и отправляем вниз Буренкова посмотреть, что да как. Он даёт добро, и мы по одному уходим вниз. Перила висят на петле, а петля на зубе блока. Пользуемся спусковыми устройствами, но почти все обтёрлись о мокрую стенку, на которой скользят ноги. Мне удаётся спуститься чисто, вторую стенку, в три-четыре метра я пролезаю свободным лазаньем, потихоньку прохожу мокрый лоток. Мы с Буренковым останавливаемся, чтобы подождать Новичкова с Искандеровым, Лену отправляем вперёд.

Выскакиваем в большой кулуар и мчимся вниз. Метров через двести догоняем Лену, которая нас ждала. Спускаемся к кошарам. Я выпиваю две кружки чая, головная боль утихает.

Мы прикидываем прогноз погоды, наличие оставшихся дней, сил и продуктов и решаем отказаться от восхождения

на Шан. Утром четвёртого октября мы отправляемся вниз, ночуем под скальным навесом и спускаемся в долину Салги. Сахара и хлеба у нас уже не осталось, в сельском магазине нам ничего не продали, а есть хочется. Мы надеемся на завтрашний автобус, но он приезжает только к полудню. Мы уже изголодались и рады, что наконец-то возвращаемся домой! Так заканчивается эта эпопея, в итоге которой мы становимся чемпионами ЧИАССР по альпинизму и даже получаем призовые зелёные свитера от своего тренера Вячеслава Андреевича Смирнова.

Комито. Справочные сведения: вершина Комито покорена в 1892 году немцем Готфридом Мерцбахером по южному гребню из Тушетии. Это и по сей день единственный классифицированный маршрут.

В 1960 г. на Комито всходит ещё молодой А.И. Масленников (г. Грозный) с тремя товарищами. В 1971 году попытку восхождения по маршруту 4А предпринимает команда В. Смирнова (г. Грозный). Дело происходит в ноябре, и попытка успеха не имеет. Участники получают обморожения и за двое суток без остановок выходят в Итумкале.

Вершина Комито (чеч. Кхуметта-лам) 4271 метров в Пирикительском хребте

На следующий год та же команда повторяет попытку летом и поднимается на вершину по западному гребню. Восточный гребень горы остаётся непройденным и по сей день. В 1979 году по пути Мерцбахера на вершину выходят грузинские альпинисты, а в 1980 году Радий Детков, Иван Рожин, Александр Курочкин и ещё два человека (г. Грозный). Надо добавить, что Мерцбахер в 1892 году в сопровождении Иоганна Виндиша и Генриха Мозера побывал не только на Комито, но и на вершинах Донос-Мта, Тебулос-Мта и одной из вершин Махис-Магали, всего совершив девять первовосхождений. Район Снегового хребта, в котором находятся первые три вершины, посещается очень редко. То же можно

сказать и о районе Махис-Магали.

27.04.1991. Двадцать пятого из Салавата прилетели Серёга и Саня, закупаем продукты. Последнюю ночь, почти всей командой, ночуем у Искандера. Спим всего пять часов, да и то на полу. Утром поднимаемся с Серёгой, жарим две сковороды картошки, которую все с удовольствием съедают. Рюкзаки со вчерашнего дня остаются в контрольно-спасательной службе, и мы подходим туда утром налегке.

Автобус приезжает вовремя. Получаем кроки маршрута. В восемь часов покидаем Грозный и катимся по равнине к Чёрным горам. Выглядим мы достаточно живописно. Иногородние ребята привносят свежие краски в общую картину. Теперь же их три человека, и везём мы их не куда-нибудь, где и сами будем гостями, а в свои родные горы, в Чечню, где никто из них никогда не бывал.

Серёга Бирюков и Саня Козлов мои друзья, мною лично приглашённые. С ними я закрывал значок «Альпинист СССР» в альплагере Уллутау, с Серёгой даже в одном отделении. С Вероникой Малишевной из Липецка познакомились в альплагере Цей. Кроме них – Костя Колокольников, закрывший в 1989 году третий разряд у Радия Деткова, а теперь перебравшийся к нам, Славик Кондратьев, увлечённый математикой и наконец решившийся на выход в горы, и Серёга Белый. Ну, и костяк – Сазонов Андрей, он же руководитель экспедиции, отличный мужик, уже семейный к этому

времени. Имеет второй разряд по альпинизму и много превосходных качеств. Искандеров Сергей, лучшего напарника в связке не найти, второй разряд. Буренков (второй разряд) – хочет быть во всём первым, но, если он первый, за ним надо внимательно присматривать. Крайникова Елена, так же, как и все, кроме меня, из Грозненского нефтяного института. Ну, и я, Плотников Александр. Вот такая компания едет на автобусе в Итумкале, чтобы отправиться в район Снегового хребта на Восточном Кавказе, примечательного своей редкой посещаемостью альпинистами и четырьмя четырёхтысячниками – Диклос-Мта, Донос-Мта, Комитодатахкорт и Тебулос-Мта.

Автобус проезжает равнину, углубляется в горы и кое-как добирается до Итумкале. Дальше шофёр везти нас отказывается и, получив оговоренные деньги, уезжает домой. Несколько минут мы надеемся поймать попутку, но надежда быстро улечивается. Мы совещаемся, решаем идти, и караван трогается. Очень скоро вся молодёжь убегает вперёд, сзади плетёмся я и Сазонов, два наших рюкзака перевесили бы, наверное, небольшого бычка, мы тащим их титаническими усилиями.

Мимо проезжает автобус, шофёр даже не подумал останавливаться, хотя Андрей делает попытку его тормознуть. Вскоре вступаем в село (товарищей вроде нас тут не видели лет десять, а то и больше), на нас глазают, как на инопланетян. Пройдя половину села, мы сворачиваем на верх-

нюю дорогу и идём по лесу. Здесь нет назойливых взглядов и вопросов, но и сюда к нам приезжают два мужика на мотоцикле, неизвестно по какому поводу, с жаром интересуясь нашей дорогой и пытаясь что-то объяснить. Ещё минут через пятнадцать останавливаемся на ночёвку. Палатки ставим довольно разбросанно, ужинаем и часов в восемь я ложусь спать. Поспать удаётся лишь до десяти. В десять из Видучей приезжает гусеничный трактор с четырьмя местными нашего возраста, следом подтягиваются детки подрастающего контингента из Итумкале. В заглушенном тракторе включают дискотечную музыку. Но детям гор нужны не водка и не общение с мужиками, а девушки, которых они увидели среди нас в селе. Поэтому через некоторое время они начинают ломиться в палатки, вызывать всех на откровенные разговоры и всё в таком духе. Настроение резко падает.

Мне кажется, что кончится это плачевно, но страха нет, я жду худшего, чем просто разговоры и попытки к действию. Дело подходит к двум часам ночи. Тут своё решают взять четверо трактористов, а они постарше итумкалинских ребят. Они спрашивают их домой, разыгрывают перед нами сцену благородных спасителей и принимаются за старое. После ухода первых восьми, я выбираюсь из палатки, одному из оставшихся удаётся отвести меня в сторону, но ненадолго, я забираю Веронику и возвращаюсь в нашу палатку. Ребята настырничают, хотя перевес уже на нашей стороне и нам удаётся уломать их отправляться домой. Долго они не могут

завести трактор, но к половине третьего уезжают. Поспать удаётся только три часа. Кое-как собираемся и, с кислыми минами, двигаем дальше. Дорога выходит из леса на гребень водораздельного хребта, дышать становится легче. Часа через полтора слышим звук трактора, но до него далеко, мы идём к перевалу, не заботясь больше о ночных посетителях.

На развилке поворачиваем вправо и поднимаемся по крутому гребешку перпендикулярно тропе на гребне. Выглядывает солнце и с гребешка, через ложный перевал, мы замечаем кусочек снежного хребта. На перевал выходим достаточно быстро. Нас накрывает туман. Лена с Серёгой Бирюковым идут вперёд, а я и Буренков надеваем пуховки, ставим примус и ждём остальных.

Туман остаётся позади, мы выходим в небольшую долину и поворачиваем налево. Тропа сворачивает на склон, на бугре сидят Серёга с Леной. Мы поднимаемся к ним, оказывается, дорога дальше проблематична. Вечереет. Долина сужается, Сазонов проходит по каньону и говорит, что тропа есть, но пора ночевать, поэтому ставим палатки. До намеченного места мы не доходим: после трёх часов сна и десяти часов ходьбы уже никуда идти не хочется. Дальнейший путь откладываем на завтра, а на сегодня оставляем ужин и тепло палаток.

29.04.1991. Утро, какое нас встречает утро! Небо синее и внизу, между чёрными бортами ущелья, белая вершина Донос-Мта, с красиво изогнутым гребнем и привлекательными

окрестными вершинами. Сегодня мы намерены наверстать упущенное вчера. Дорогу ищем на левом склоне притока, по которому идём, но вовремя отказываемся от этой затеи. Вскоре мы у начала тропы, уходящей наверх. Поднимаемся на перегиб и видим место слияния Данейламхи и Шаро-Аргуна, так называемое сухое озеро.

Ущелье Данейламхи, увенчанное вершиной Донос-Мта, сравнивают по красоте с Домбаем. Когда-то возникала даже идея построить там альплагерь, но это невозможно, так как Снеговой хребет сложен филлитами и сланцами и маршруты в большинстве объективно опасны для передвижения, и поэтому непригодны для учебно-тренировочных восхождений. Практически нигде устроить надёжную страховку и категории маршрутов не поднимаются выше третьей. Но турбаза здесь была бы превосходная.

Справа открывается ущелье с башней Кебасоя. По этому ущелью нам и надлежит идти. После башни ровная тропинка до самого Сандухоя. Раньше здесь проходила отличная дорога в Грузию, укреплённая каменной кладкой. Кладка кое-где обвалилась, но, при хорошем ремонте, она послужит ещё не одному поколению. Пока идём до Сандухоя, сильно растягиваемся. Спустившись из аула к реке, в левом боковом ущелье, первый раз видим вершину Комито.

Перейдя речку Шаро-Аргун, останавливаемся на берегу речки Гешой-Ламура. Остаётся ещё самый трудный отрезок пути, а именно крутой подъём по ущелью до запланирован-

ной ночёвки. Сначала предстоит нудный подъём по траве до верхней поляны, указанной в кроках В. Смирнова. Мы долго ищем тропу, я нахожу её там, где уже смотрели и сказали, что ничего нет. Эту просеку Смирнов с друзьями прорубили двадцать лет назад, и она уже порядком заросла. На наше счастье какой-то охотник не так давно ходил этим путём, и я ориентируюсь по сломанным веткам. Тропа приводит нас на перемычку между обрывами и на голый склон, поросший травой. Метров через сто опять начинается лес, где мы находим поляну со столом из камней. В лесу тропа снова исчезает, и мы выходим на обрыв. Кромка обрыва закругляется метрах в ста пятидесяти наверху и уходит вниз другим обрывом, в двухстах метрах напротив нас. Мы держимся кромки обрыва и подходим под небольшой снежник в мульде. Не доходя до верха снежника, сворачиваем на камни и поднимаемся на маленькое плечо. Находим ночёвку охотника. Пересекаем осыпной склон и выходим на скалы с множеством турьих троп.

Вечереет, и мы торопимся дойти до назначенного места. На скальном склоне пересекаем пару снежников в кулуарах. После второго снежника выходим на плечо, служившее нам ориентиром. Отсюда кроки отправляют нас по двадцатиметровой сланцевой плите вниз. Но плита в три раза длиннее и ползти по ней мы не рискуем, тем более что под ней беснуется поток. Мы идём траверсом по траве к снегу, который корытом лежит внизу. По борту этого корыта мы съезжаем на

дно, закрывающее речку и тут, на другом берегу, присматриваем бугор, на нём вполне могут разместиться наши четыре палатки. После утреннего выхода проходит девять часов.

Пояс скал проходим уже в темноте. Теперь наш рабочий день насчитывает уже двенадцать часов, а ещё предстоит приготовить еду и поужинать. Рядом с бугром есть отвесная стена, под которой мы устраиваем кухню. Все устали, но не унывают. День закончился, завтра предстоит выход на ледник. Ночью я сплю, несколько выгнувшись дугой, повторяя форму бугра. Возможно, это вызывает тревогу за день грядущий. Меня волнует, что наверх надо тащить много бесполезных вещей. Во сне меня озаряет мысль оставить здесь одну палатку с лишними вещами. Палатку мы заваливаем, накрываем полиэтиленом и закрепляем камнями. В верхнем лагере палаток будет только три.

30.04.1991. После тяжёлого вчерашнего дня выходим только в десять часов. Пройдя узкое место, мы забираемся на старую лавину из правого кулуара. Где-то тут находится «труба», узкая осыпь между бараными лбами, по которой нам надлежит выйти в предварительный цирк. Я не очень тщательно изучил описание Смирнова и тороплюсь поворачивать вправо. Шура, как будущий геофизик, подошёл к вопросу серьёзней и оказывается на более верном пути. «Труба» заканчивается через десять минут, осыпь лежит под снегом. До следующего взлёта остаётся небольшое, метров в триста, корыто. Взлёт круто уходит вверх и заканчивается

выходом на ледник. Присев отдохнуть на морене, замечаем, что камни лежат на льду. По этой срединной морене мы и продолжаем путь. Морена разделяет небольшую долину надвое, такие морены часто используют, чтобы обойти снег. Через пятьсот метров морена заканчивается и, несмотря на то, что шли мы всего два часа, мы разбиваем лагерь.

Площадки под палатки тщательно вытаптываем и строим из снежных кирпичей ветрозащитные стенки. Метрах в десяти выше, на морене, сооружаем камин для примусов. Девушки готовят. Шесть человек вызываются идти на Обзорную вершину.

Подъём по склону к вершине Комито

Сидя около кухни, я созерцаю в течение часа, как они поднимаются на перевал. Вершина Комито смотрится отсюда внушительно. Завтра нам предстоит штурм, это немного волнует. Я чувствую себя усталым. Неудивительно: наш лагерь стоит на высоте 3200 метров, и это похоже на проявление горной болезни. Когда группа скрывается из виду, я забираюсь в палатку и засыпаю. Возвращаются они в сумерках и будят меня своим гвалтом. Договариваемся выйти на восхождение в четыре утра. Сазонов идти отказывается. Он вконец сбил ноги и это его сильно беспокоит. Пойдут семь человек, включая двух девушек.

Нам удаётся выйти только в шесть часов. Солнце ещё не проникло в эту высокогорную долину. Перед нами высится ледопад, прикрытый снегом. Вершины Комито и Шаихкорт теряют утренний розовый цвет и слепят нас отражённым солнцем. Мы не спеша поднимаемся по так кстати оставленным вчера следам. За ночь они подмёрзли и превратились в отличные ступени. Я иду не торопясь, понемногу отстаю и оказываюсь последним. Проходим ледопад. К счастью, почти все трещины засыпаны снегом, и петлять не пришлось. Благополучно минуем нависающий справа лёд. Слева простирается терраса на леднике. Следы вчерашней группы ве-

дут по гребешку, надутому параллельно перевалу, на вершину вправо. Тура там наши друзья вчера не нашли. Поднимаемся по гребешку и пересекаем склон с выходом на перевал. Снег слежался, и приходится выбивать ногами ступени.

На перевале глазам предстаёт мрачная картина. Горы Тушетики стоят под снегом, и только далеко внизу угадывается зелёный оазис долины. Я пытаюсь узнать хотя бы одну вершину, но все они мне незнакомы. На перевале находим записку, оставленную киевскими туристами в 1987 году. Отсюда очень хорошо просматривается западный гребень и мы намечаем вариант подъёма. Дует сильный ветер, те, кто подмёрз, уходят вверх по гребню, я выхожу замыкающим.

Гребень сложен заурядными филлитами, правда, блоками, похожими на большие ступени. Перед первым крутым подъёмом останавливаемся и надеваем обвязки. Впереди оказывается вездесущий Буренков, как я потом узнаю, его подзуживает Крайникова, идущая следом. Я иду предпоследним и недоумеваю, зачем Буренков пошёл траверсом над гребнем, идти там неудобно и опасно. За мною идёт Серёга Бирюков, мы с ним быстро смекаем, что пора на гребень, куда и поворачиваем, отстав от группы. Серёга выходит вперёд, и я замечаю, что на скалах он чувствует себя очень уверенно, и я вспоминаю, что у него первый разряд по скалолазанию. Через десять метров мы уже на гребне и по большим ступеням ползём вверх, значительно обогнав других. Я ещё вижу их некоторое время, потом мы уходим за

перегиб. Камни кончаются, мы выходим на снег перемычки. Садимся на подветренной стороне и созерцаем ущелье, по которому сюда поднялись. Остаётся преодолеть вершинную башню. По одному подходят остальные.

Немного выше виднеется снежный желоб, оказавшийся впоследствии ключевым местом маршрута. Когда собираются все, я выхожу первым. Через полторы верёвки подходим к снежному желобу, под снегом угадывается лёд. Погода испортилась, из Тушетии надуло тучи, и они плотно сидят на вершине. Слева остаётся обрыв, справа стена, посередине снежный желоб. Я иду слева по кромке камней.

Наверху мы забиваем ледоруб в снег и закрепляем на нём перила. По желобу поднимаются остальные. Двигаюсь дальше, видимость метров десять, не больше; но идти по фирновому склону гораздо легче, чем по снегу. Иногда останавливаюсь, чтобы отдышаться, но поднимаюсь достаточно быстро и вскоре выхожу на вершину. Брожу туда-сюда, чтобы в этом удостовериться, вижу, что подъёмов больше нет. Я нахожусь на снежном куполе моего первого четырёхтысячника – вершине Комито.

На камнях недалеко от вершины нахожу некое подобие тура, но записки там нет. Как потом нам говорили, тур надо было искать ниже, на небольшом плече, но тогда мы этого не знали. Подходят остальные, поздравляют друг друга. Подъём занимает у нас всего пять часов, и происходит это первого мая 1991 года. Мужики вспоминают, что вершина

несколько раздвоена, ходят взад и вперёд в поисках тура, но везде только спуски. Я пакую записку, написанную ещё внизу, в контейнер и складываю тур. Метёт нещадно, но я всё же щёлкаю несколько раз фотоаппаратом. К сожалению, выпить здесь чаю не представляется возможным. Мы даже не перекусываем и начинаем спуск.

В жёлобе навешиваем перила. Я спускаюсь первым и спускаюсь по гребешку до перемычки. Второй приходит Лена, за ней Вероника, потом Бирюков с Козловым. Искандер и Буренков застряли наверху, они находятся на прямой видимости всего в полутора верёвках, но за туманом ничего не видно. Помимо прочей одежды на мне тёплые штаны из синтепона и у меня только стали подмерзать ноги в ботинках. Остальные отчаянно прыгают, чтобы согреться. Временами пелену туч поддувает выше, и мы видим внизу свой лагерь. С перемычки решаем спускаться прямо вниз по крутому снежному склону до самой террасы.

А. Плотников после восхождения на вершину Комито

Связываем две верёвки, и я выпускаю Буренкова на всю их длину. Следом отправляем окоченевших девушек. Я спускаюсь за ними. Тумана нет. Склон дальше становится более пологим, и мы идём без перил. Внизу виден бергшрунд, и, чтобы в него не попасть, мы забираем влево. После бергшрунда Буренкову надоедает идти, он садится на пятую точку и едет. Глядя на него, делаю то же самое. Все благополучно минуют бергшрунд, только Искандер проваливается

по пояс. Ещё несколько минут изматывающего снега, и мы идём по морене.

От места, где стоят наши палатки, отделяется Сазонов, идёт навстречу. У него в руках две огромные кружки с горячим какао. Не знаю, как кто, а я счастлив. Оказывается, это такой кайф, когда тебя встречают. Проходит всего два с половиной часа с тех пор, как мы стояли на вершине, всего на восхождение ушло семь с половиной часов. Погода испортилась, отдыхаем, обедаем и собираем лагерь.

Решено сегодня заночевать под Сандухоем, на траве. Безжизненное холодное царство всех утомило. Сборы заканчиваются, и мы уходим вниз. И снова наш рабочий день насчитывает двенадцать часов.

Сверху тянет непогоду, временами срывается дождь. Видимо, вершина разгневана нашим вторжением. На впадении Гешой-Ламуры в Шаро-Аргун ночуем. У нас в запасе ещё целых четыре дня. К обеду собираемся и уходим к Кебасою. Потом за один день доходим до села Итумкале и, во избежание эксцессов, ночуем у муллы. На следующий день долго ждём, за нами никто не приезжает, до Шатоя добираемся на автолавке, нахватавшись по дороге пыли в её будке. В Шатое садимся на автобус и за полсотни доезжаем до Грозного.

Через несколько дней попытку восхождения на Комито предпринимает другая грозненская группа, но безуспешно. Так что записка наша до сих пор лежит на вершине.

Владимир Щербаков. Люди и горы

Грозненские секции альпинизма, туризма и спортивного ориентирования составляли сообщество людей, влюбленных в горы. Так уж получилось, что события не только разбросали нас, но и многих скрыли за завесой времени. Не хочу, чтобы забылись имена, события и дела тех, кто нам дорог, кто жил не только для себя.

Я расскажу о людях, с которыми встречался в Грозненском нефтяном институте, ходил в горы, рисковал и работал. Почему я говорю о горах, а не о туризме или альпинизме? Потому что они существуют независимо от нас и даны нам в хороших и памятных ощущениях. Посвящается живым и тем, кто не вернулся, кого нет уже в живых. Посвящается нашему времени и нашим местам: Восточный Кавказ от озера Кезеной-Ам до Кармадона и Цея; Баксан, Домбай, Фаны...

В. Щербаков (справа) и В. Роговской возле дворца спорта ГНИ перед выездом на восхождение

Сагайдачный Юрий Маркович. Буду здесь называть его ЮМС, как звали его мы в то время. С ним мне довелось много раз путешествовать в горах в начале шестидесятых годов. Не раз бывал у него дома в Грозном на улице Мира 15. Отношусь к нему с глубочайшим уважением без всяких «но», но недоброжелателей у него было немало. Не любят у нас людей неординарных и не умеют прощать им маленькие слабости. А он иногда любил мечту выдавать за реальность. По призванию был он Учителем, а по работе учительствовал в школе, в описываемое время это была школа № 35 на дальнем краю Грозного.

В начале шестидесятых годов горных групп в нашем городе было не так много, обо всех мы знали. Были слышаны и о ЮМС, в том числе как об очень строгом тренере. Поэтому первая с ним встреча нас сильно удивила. Валера Радкевич для официального представления Юрию Марковичу своей группы (в которой был и я) выбрал праздничные дни и скалу над Чишками, где мы разбили лагерь и принялись кашеварить в ожидании церемониала. Конечно, с собой кое-что было и в честь праздника. Кавказ все же. Но на стол ставить боялись, опасаясь строгого мэтра. Ближе к вечеру он поднялся к нам в лагерь, расселись за столом, ЮМС с прибаутками

полез в свой рюкзак и достал... четверть вина из собственного виноградника. Знакомство состоялось в непринужденной обстановке, страхи развеялись.

Ну а следующий день был заполнен тренировками. Для проверки нашей альпинистской подготовки ЮМС устроил спуск «дюльфером», то есть сидя на веревке, со скалы высотой шестьдесят метров. Потом было много походов в родной республике и за ее пределами. Надо отдать должное ЮМС – каждый поход был неповторимым в деталях, изобретать которые был он большим мастером. Помню выход в Таргим под Новый год. В конце того похода была дневка в Армхи. ЮМС скомплектовал из нас несколько групп и отправил вверх по правобережному склону искать вершину горы Столовая, возвышающуюся над Орджоникидзе. Я бы сейчас не рискнул послать детвору самостоятельно в горы, а он делал это не раз. Помню полное безмолвие наверху, начинался мягкий снегопад, трава местами переходила в скалы. Вершину мы тогда не нашли, но самостоятельность приобрели. Спасибо Юрию Марковичу.

Потом в то же ущелье Армхи ЮМС на месяц вывез спортивный лагерь школы № 35. Нас, уже считавшихся опытными горными асами и имевших первый разряд по туризму, назначил руководить отрядами – классами. Мне достался десятый класс, а я тогда учился в девятом. Каждое утро выводили свои отряды на зарядку с бегом через реку и вверх по склону горы Столовой. Готовили еду в полевой кухне, отря-

дами дежурили по лагерю. Выходили вверх по ущелью Армухи и Шандона. Сводили своих подопечных в поход в Таргим. В общем, действие масштабное. Не знаю, проводил ли кто-нибудь такое же, кроме ЮМС. Это и был его уровень: выше, больше, громче, ярче. Став альпинистом, я на равных смотрел на наших туристических деятелей, но считаю, что никто из них не был на уровне ЮМС, нашего Сагайдачного Юрия Марковича.

Дудченко Игорь Александрович. Тренер и руководитель секции альпинизма ДСО «Труд», выпускник ГНИ. Погиб в Безенги с группой грозненцев. Вероятно, сошла лавина из снежных досок и снесла всё на своём пути. Памятники им были очень заметны на грозненском кладбище. Осталась мемориальная табличка на поляне Миссескош в ущелье Безенги.

Он был в хороших отношениях со всеми альпинистами ГНИ, в том числе с Е. Николаевой, несмотря на наличие определенной конкуренции двух секций. В его ближнее окружение входили, пожалуй, Игорь Бородацкий, Игорь Сазонов и Хасан Минтуев.

С Игорем я ходил в горы и тренировался в 1965 – 1969 годах. Когда не хватало обычных тренировок, вечерами час-два бегали по городу, потом в треке, вдоль Сунжи. Пару раз я был с ним на Мальчоч-Корте. Один раз поднимались как обычно без рюкзаков, оставив лагерь в Кистинке. Но на

спуск Игорь для разнообразия и удовольствия повел прямо с вершины вниз по кулуарам. Мы скользили по снежникам, по-пижонски держа ледоруб в руке. А своих подопечных он учил спускаться по всем правилам, опираясь на ледоруб. Для создания дополнительных трудностей, а также для прохождения перевала Охкур одновременно с вершиной Мальчоч-Корта Игорь повел своих подопечных и нас, приглашенных за компанию, с полной выкладкой. Причем не обычной тропой – серпантинном, а прямо вверх по кулуарам к вершине. Обрато спускались в ущелье Армхи. Бежали безостановочно, чтобы успеть на автобус, который ждал внизу, так как контрольное время заканчивалось.

Пожалуй, самый серьезный выход в горы с Игорем у меня был в ущелье Мидаграбин, где в условиях свежего снега и тумана мы прошли несколько неплохих маршрутов. Он руководил, взяв на себя ответственность за всех, в том числе малоопытных тогда альпинистов из своей секции грозненского «Труда».

Дудченко Игорь Александрович на вершине

Весьма интересный выход в горы под руководством И. Дудченко у меня состоялся в 1967 году: поисково-спасательные работы по заданию МВД. Это были скорее не горы, а предгорья Кавказа, но, как обычно, Игорь серьезно отнесся к подготовке похода и осуществлению самих работ на месте. Брали с собой все на поисковые работы всё снаряжение, что знала тогдашняя альпинистская техника.

В ноябре 1969 года состоялся ещё один поход по предго-

рьям Кавказа. С нами ходила и Тамара, жена Игоря. Как раз во время этого похода проходили выборы президента самой главной страны мира. Прошли мы весь маршрут, посмотрели ущелья, леса, реки с ручьями, развалины башен. Вышли в какой-то аул. Игорь спросил у встретившейся горянки: кого выбрали, Никсона или Рейгана? Ответила она попросту: а кто это такие? И правильно, я думаю.

Николаева Елена Алексеевна. Преподаватель кафедры физвоспитания Грозненского нефтяного института, тренер нашей секции, инструктор альпинизма, мастер спорта СССР по альпинизму. Мастером спорта она стала первой в Грозном. В качестве нашего тренера она удачно совмещала жесткость тренировок с самоуправлением секции, так как еще до неё в секции существовало бюро как руководящий орган, и была общественная должность председателя бюро. Многие наши тренировки в зале, на спортплощадке, на улицах проходили без неё, когда ими руководил кто-либо из разрядников. С нею, а частенько и сами, мы выезжали на скалы Терского хребта.

Я так понимаю, что ей, как всякому человеку, хотелось, чтобы её работа была заметна. Ещё в первый год моей учебы в институте она добилась, чтобы от ГНИ было представительство в президиуме городского комитета по физкультуре и спорту. Команды ГНИ традиционно занимали первые места во всех местных соревнованиях по туризму и спортивно-

му ориентированию. Для этого все серьезно готовились, причем не только технически, но и тактически. Вывозила она команды ГНИ и на соревнования достаточно высокого уровня, причем с оплатой командировок, как положено в большом спорте.

Например, участвовали мы в первенствах Центрального совета ДСО «Буревестник» по скалолазанию (в Крыму) и спортивному ориентированию. В скалолазании мы участвовали мы рядом с настоящими асами этого спорта, движение которых по скале было столь стремительно, что скалолазанием это назвать язык не поворачивается, скорее это был бег по скале. Мы сделали, что смогли, и для новичков в этом виде спорта получилось неплохо.

Надо вспомнить и о жесткости Николаевой. Придя в секцию альпинизма, я обнаружил, что физически совсем слаб. Например, не получался у меня спортивный подъем по веревке (это когда по отвесной скале передвигаешься, держась за веревку и откинувшись назад – а ну, попробуйте). Да и при длительном передвижении по скале ноги начинали предательски вибрировать. Вот тогда за меня взялась Е.А. Николаева. Спасибо ей, заставляла часами лазить по канату вверх-вниз, бегать и поднимать штангу.

Через год я и сам для других придумывал подобные тренировки, когда в порядке подготовки к соревнованиям по туристскому двоеборью заставлял девочек, которые боялись перебегать по толстому бревну через овражек, ходить по

перекладине турника на высоте двух метров. Они потом бежали по бревнам, как по асфальтовому шоссе, и команды ГНИ занимали первые места по туристскому двоеборью. Так я и набрал форму.

Под руководством Николаевой в Крыму мы тренировались на скалах Никитского ботанического сада, и у нас на второй день кожа на пальцах стерлась до дыр, а к соревнованиям стала, как на пятках. Полезная жесткость.

Мы с ней не всегда совпадали во мнениях. Вот, например, в 1967 году Николаева решила подготовить инструкторов туризма из большой группы студентов, чтобы они самостоятельно могли водить студентов в горы. Для этого приказом ректора ГНИ была учреждена школа инструкторов во главе с Е.А. Николаевой, а я назначен начальником учебной части (начучем). В этом качестве я, конечно, был заинтересован в повышении технической подготовки слушателей, для чего и был запланирован поход по Аргуну, чтобы пройти траву, осыпи, скалы и снег. Ну а Е.А. Николаева настояла, чтобы вместо занятий группы прошли до Шатили и посмотрели горы во всей красе. Начальник всегда прав. Мне передавали, что, когда после этого мы «дикой» группой отправились в серьезный турпоход, она следила за результатами похода. И была довольна, что все прошло благополучно. В 1968 году я уехал из Грозного, но приезжал неоднократно, ходил в горы со спортивными и другими целями, но с ней уже не встречался. Потом узнал, что она уехала в Карелию.

Скалолазание. Конечно, скалы – это вид горного рельефа, который альпинистам приходится преодолевать на многих восхождениях. Иногда даже самые сложные маршруты состоят исключительно из скальных участков. Пример – наш Гирич, возвышающийся над Таргимской котловиной, или многие вершины Фанских гор.

Но альпинизм, образовавшийся как прикладной вид спорта, совершенно не обладает зрелищностью. Нет вокруг тебя стадиона и болельщиков, которые увидят твой подвиг преодоления. Возможно, это и стало одной из причин выделения скалолазания и ледолазания²⁹ в отдельные виды спорта. Появились гоночные соревнования, болельщики и прочие атрибуты традиционных видов спорта. В шестидесятые годы соревнования по скалолазанию проводили, как теперь говорят, на естественном рельефе, то есть на скалах. Сейчас и от этого отказались, практикуя лазание по искусственным стенкам.

²⁹ Соревнования по преодолению ледовых склонов

А. Курочкин на скальном участке

Навыки горного скалолазания оказались, мягко говоря, не совсем подходящими для гонок по скальным стенкам. В горах главное – до минимума сократить риск, которого и так предостаточно. Поэтому аксиома горного скалолазания – это «три точки опоры». А в спортивном скалолазании нужно бежать по дистанции как вверх, так и вниз. Это мы поняли, когда первый раз приехали командой от Грозного на первенство Центрального совета ДСО «Буревестник» в Крым и посмотрели, как бегают по стенкам скалолазы. Пришлось преодолевать альпинистские рефлексy и осваивать новую технику. Но всё-таки альпинизм важен для освоения спортивного скалолазания. В горах приобретается осознанная уверенность в себе и пропадает страх.

Вот пример. В нашей команде, поехавшей в Крым, самой главной надеждой был молодой парень, фамилия его не сохранилась в памяти – мелькнул, как звезда. Он не был альпинистом, ему не нужно было подавлять рефлексy. И он бежал по скале как газель. Но недолго. Так уж получилось, что перед самыми соревнованиями мы остановились под Крестовыми скалами в Крыму, на которых ожидалось проведение соревнований (скала возвышалась над нашими палатками). А над скалой по склону проходила дорога из Ялты к

Ласточкину гнезду, по которой курсировал рейсовый транспорт. Вот из этого транспорта вечером в лагерь возвращался наш парень, немного сбился с тропы, огибающей скалу, и в сумерках оказался над обрывом в весьма ненадежной обуви. Как уж он спустился, не знаю. Но со скалами в то лето он простился. Осознал опасность раньше, чем научился себя преодолевать.

А мы остались без самой главной своей надежды. В команде должно было участвовать не менее трех мужчин, а зачет по двум лучшим. Нас осталось ровно три: Бородаев Гена, Роговской Виктор и я. Дальше ситуация усугубилась. В первый день соревнований несколько скалолазов из других команд, бодро стартовав, вдруг срывались почти сразу. На нас это, конечно, повлияло не лучшим образом. Да так повлияло, что Гена тоже сорвался на том же участке. И остались мы с Виктором двое зачетных участников.

Срываться уже было нельзя. Не знаю, что чувствовал Виктор, но я не мог подвести команду. И поэтому «задушил» в себе скалолаза, которого перед соревнованиями воспитывал. Никакого бега, никакого риска, только альпинизм, как будто скала находится на высоте 5000 метров и от прохождения по ней зависит жизнь. Там, где можно было не рисковать, я не рисковал, где можно было рисковать, я все равно не рисковал. Самым главным и психологически трудным был начальный участок, где сорвались многие. Прощел я его легко, сказались тренировки, в том числе на этой скале, ко-

торуую мы до соревнований изучили неплохо. Добрался до верха скалы (это метров сто), а дальше дело техники, только не забыть прицепить схватывающий узел для страховки, надеть рукавицы и закрепить веревку в карабин для спуска.

Эту часть мы тоже отработали до соревнований. И бегом вниз. Вот здесь действительно бегом. В кино иногда показывают спуск альпинистов со скалы или спецназа по стене дома, когда они перемещаются прыжками, раскачиваясь, как маятник. Это хороший способ выдернуть крюк, если ты в горах. И скорость спуска при этом невысока. Самая высокая скорость развивается, когда ты бежишь вниз по стене, как по дорожке стадиона. Тогда усилие ног складывается с тяготением, и главное вовремя остановиться, удерживая веревку. Это не мы придумали, скорее подсмотрели у асов скалолазания. Зрелище, я вам скажу, захватывающее.

В то время не было специальных приспособлений для спуска по веревке, только репшнур. Капроновый репшнур плавился на большой скорости спуска, и прилипал к основной веревке и рукам. Поэтому мы раздобыли старинный сизаль и сплели репшнуры из него. На шорты нашили из страховочного пояса «беседку» – сиденье, которое крепилось карабином к основной веревке. Веревка от карабина пропускалась через плечо, поэтому на него пришивали или подвязывали на завязках «подушечку» из плотной ткани, чтобы не жгло при спуске. А рукавицы подшивались одним краем на пояс чуть сзади, чтобы не мешали при движении по скале и

для быстрого их одевания при спуске (вставил руки в рукавицы, рванул – и готово). Вот с такой экипировкой я и Виктор Роговской (а также женская часть команды) благополучно поднялись и спустились со скалы, чем заслужили для себя и всей команды право участвовать в соревновании связок.

В этом виде скалолазания сложность маршрута была ниже, но добавлялась альпинистская техника. Поднимались и спускались, попеременно страхуя друг друга. Рукавицы уже не пришиты для разового использования, а закреплены на веревочках, как у малых детей. Молотки тоже привязаны: потеря снаряжения штрафовалась судьями. Тогда мы впервые увидели на скалолазах калоши, хотя слышали, что красноярские «столбисты³⁰» их используют. Поэтому купили их еще в Грозном, чем немало удивили продавцов. Тем более, что брали «в размер», чтобы пальцами ног чувствовать скалу. Отличная обувь для скалолазания, надо вам сказать. Держатся на скале, как липучка. Потом в Фанах на сложных скалах только в них и ходили. А чтобы не соскользнули невзначай с ноги, сзади прорезались два отверстия, в которые продевалась веревочка, завязываемая вокруг щиколотки. Вот так мы поучаствовали в первых серьезных соревнованиях. А Тая Федорова (Ермизина) по результатам их даже попала в сборную ЦС «Буревестник» на первенство СССР.

³⁰ «Столбизм» – скалолазание по выходам скальных пород в Сибири, так называемым «столбам»

Историческая справка

Основателем секции горного туризма и альпинизма в Грозном был мастер спорта СССР по горному туризму Юрий Маркович Сагайдачный, по профессии литератор (преподавал в Чечено-Ингушском государственном педагогическом институте). Именно благодаря усилиям и инициативе бывшего спецназовца, воевавшего на Кавказе и Балканах, примерно в 1956 году был организован городской клуб горного туризма, в состав которого вошли секции горного туризма и альпинизма ДСО «Буревестник» при Грозненском нефтяном институте (ГНИ) и Чечено-Ингушского государственного педагогического института. Городской секцией туризма в это время руководил Саркисов.

В 1957 году в ГНИ уже существовала секция туризма и альпинизма, можно сказать, самодеятельная. Тренировок не было, только более или менее регулярно проводились собрания. Институт получал путёвки на турбазы и в альплагеря, которые распределялись между членами секции.

В 1958 году поступили путевки на турбазу Нальчик; туда отправились десять человек, в том числе Н. Минц и И. Сазонов. Появились первые обладатели значка «Альпинист СССР».

Летом 1959 года ГНИ организовал студенческий лагерь на базе альплагеря Баксан. Сформировали группу из двенадцати

ти человек, наняли инструктора. Совершили ряд восхождений, в том числе на Эльбрус.

Одним из первых руководителей секции альпинизма при ГНИ в 1958-1959 годах был Юрий Павлович Смирнов (преподаватель кафедры геологии ГНИ), он же позднее одним из первых закончил школу инструкторов и вместе Еленой Алексеевной Николаевой подготовил к 1960 году ряд альпинистов (Г. Нечунаев, И. Сазонов, И. Бородацкий, В. Хазов, Н. Усманова, И. Дудченко).

В 1961 – 1963 годах руководителем секции альпинизма ГНИ был Г. Нечунаев, а с 1964 по 1966 годы – Г. Бородаев. После него секцией руководил В. Щербаков (1967-1968 годы). В конце 1968 года руководителем стал В. Роговской.

В середине шестидесятых годов в Грозном появились первые инструкторы альпинизма: Е. Николаева, И. Бородацкий, И. Дудченко, И. Сазонов. В 1969 году в секции альпинизма ГНИ появился официальный руководитель – преподаватель кафедры физвоспитания, мастер спорта СССР Елена Николаева. Начались регулярные тренировки, теоретическая подготовка, зимние восхождения на вершину Мальчоч-Корт и летние выезды в альплагеря.

Первые высотные восхождения были совершены в 1968 году на пик Ленина (Е. Николаева) и в 1969 году (И. Бородацкий, А. Масленников, И. Сазонов). Была предпринята попытка восхождения на пик Коммунизма. Появились первые мастера спорта по альпинизму (Е. Николаева, И. Дуд-

ченко, И. Бородацкий).

В начале семидесятых годов в Грозном (и в целом в Чечено-Ингушской автономной советской социалистической республике) существовало две секции альпинизма. Секцией альпинизма при республиканском совете добровольного спортивного общества «Труд» (ДСО «Труд») руководил мастер спорта Игорь Дудченко, который эту секцию и организовал в 1966 году. В ДСО «Буревестник» работала секция альпинизма на базе спортклуба Грозненского нефтяного института, которую на общественных началах возглавлял мастер спорта Игорь Бородацкий. Ему активно помогали Владимир Хазов и Николай Бондаренко. С середины семидесятых годов официально тренером секции альпинизма ДСО «Буревестник» стал Петр Дементьев. Активную организаторскую альпинистскую работу вели Игорь Сазонов, Виктор Роговской, Алексей Калайтан. Секцию туризма и альпинизма, существовавшую при Чечено-Ингушском государственном педагогическом институте, в то время возглавлял Валерий Гуров при активном содействии Александра Масленникова.

Тренировались от двух до четырёх раз в неделю, в зависимости от того, найдёт ли руководитель место, где можно переодеться и принять душ после тренировки. Альпинисты секции ДСО «Труд» практиковали также воскресные кроссы на 56-м участке Грозного, где для удобства тренировок своими силами построили баню с каминным залом.

Собственно альпинизмом, т.е. восхождениями на горные вершины, занимались двумя способами. Во-первых, через ДСО заказывали для членов секций путёвки в альплагеря. Во-вторых, через ДСО и Спорткомитет республики организовывали свои сборы (выезды на восхождения) на несколько дней, обычно в праздники (на 7 ноября, на 8 марта, на 1 мая). Обычным местом для проведения сборов было Кистинское ущелье (или просто Кистинка) в Грузии, впадавшее в Дарьяльское ущелье напротив замка царицы Тамары. В конце семидесятых годов стали практиковать выезды в Дигорское ущелье и ущелье Мидаграбин в Северной Осетии.

Из наиболее значительных восхождений грозненских альпинистов в тот период следует упомянуть пик Победы и пик Ленина на Памире; вершины Крумкол, Гестола, Ноам-Куам по маршрутам шестой категории сложности; Мижирги, Дых-Тау, Шхара 5Б категории (Безенги); Уилпата, Сангути, Ранкетти – 5Б категории (Цей).

Команда ДСО «Труд» в мае 1976 года совершала восхождения на Памире (Алайский хребет) на вершины Дугоба, Мехнат.

После трагической гибели грозненской спортивной команды на пике Пушкина в Безенгийском ущелье, в 1976 году по инициативе Валерия Пыльцина и Александра Василенко, перворазрядников, окончивших школу инструкторов, был осуществлен широкий набор новичков в секцию альпинизма ДСО «Труд» общим числом до сорока человек,

что при участии альпинистов – разрядников (А. Луконенко, А. Козорезов, А. Курочкин, В. Вагин, Л. Герасимова) позволило возродить секцию. Была организована аренда залов и игровых площадок, налажены связи с начальником учебной части альплагеря Уллутау Юрием Ивановичем Порохней, что позволило в дальнейшем получать приглашения для работы в Уллутау инструкторам альпинизма независимо от принадлежности к спортивным обществам. В качестве инструкторов работали В. Пыльцин, А. Василенко, А. Масленников, П. Дементьев, В. Логовской, С. Говоров, А. Курочкин, Е. Недюжев, М. Говоров, С. Смирнов. Ю.И. Порохня оказал грозненским альпинистам значительную поддержку, предоставив возможности альплагеря Уллутау, и лично возглавившим некоторые мероприятия для занятий и восхождений в межсезонные периоды. Неоценимую организационную и консультативную помощь оказал тогдашний руководитель Федерации альпинизма СССР В. Шатаев.

По инициативе Петра Дементьева, Александра Василенко и Валерия Пыльцина была реорганизована Федерация альпинизма ЧИАССР (ФА ЧИАССР). Такая структура существовала в республике с 1969 года, однако в определенной степени формально. Мотивом для реорганизации ФА ЧИАССР послужило то обстоятельство, что с 1976 года согласно новым правилам, совершать восхождения можно было только через альплагеря или альпинистские мероприятия (сборы), организованные местными федерациями альпиниз-

ма, имеющими на это право и необходимый инструкторский состав. Организация сборов была весьма непростым делом.

Для совершения зачётных восхождений требовалось оформлять предварительную заявку, в которой должны были быть подробно расписаны состав участников, календарный план мероприятия, связь, состав спасательного отряда на каждый день мероприятия и многое другое. Мероприятие можно было проводить после одобрения предварительной заявки отделом альпинизма Управления прикладных видов спорта Спорткомитета СССР и согласования с контрольно-спасательным пунктом (КСП) района проведения восхождений. После проведения восхождений отправлялись подробные отчеты и только после их одобрения Спорткомитетом СССР восхождения становились законными и принимались к зачёту на спортивный разряд. Аналогичные документы следовало направлять также и в Федерацию альпинизма СССР. В то время была популярна шутка (содержавшая изрядную долю правды) о том, что на команду из десяти альпинистов требуется собрать одиннадцать рюкзаков (одиннадцать – с бумагами).

Председателем президиума ФА ЧИАССР на заседании 7 декабря 1976 года был выбран Хасан Минтуев, в те годы едва ли не единственный в республике чеченец – альпинист, два года спустя его на этом посту сменил Пётр Дементьев.

В конце семидесятых годов была организована секция альпинизма в ДСО «Урожай» (Радий Детков).

Ноябрь 1977 г. Грозненские альпинисты на вершине Казбека (А. Райко, Г. Зенков, Н. Бондаренко)

Скальные занятия проводились на выходах песчаника на Терском хребте, а также в селе Харачой на юге ЧИАССР. В районе села Гвелети (Дарьяльское ущелье, Грузия) проводились соревнования «мемориал шести».

Важной стороной работы ФА ЧИАССР была подготовка

инструкторов альпинизма во всесоюзной школе инструкторов, которая базировалась в альплагерях Адылсу, Шхельда и Эльбрус, а впоследствии в Безенги. Ледово-снежные занятия проводили на Цейском леднике в Северной Осетии.

Некоторые грозненские альпинисты (П. Дементьев, В. Смирнов и другие) принимали участие в горной подготовке военнослужащих Советской Армии в связи с войной в Афганистане.

Ещё одним незаурядным явлением был, говоря современным языком, промышленный альпинизм (в те годы этого термина ещё не было, т.к. само это направление только зарождалось). Грозненские альпинисты участвовали в строительстве карьеров для цементного завода.

Грозненские альпинисты (в частности, П. Дементьев, Ю. Спасителев, А. Луконенко, А. Половой) принимали активное участие в ликвидации последствий землетрясения в Армении (Ленинакан, 1988 год).

Федерация альпинизма в своей деятельности активно сотрудничала с республиканским клубом туристов (располагался в подвале дома в районе драмтеатра, на улице Розы Люксембург), который имел в своём составе трех штатных сотрудников – Анатолий Половой (руководитель), Алексей Луконенко (инструктор), Юрий Спасителев (водитель).

В восьмидесятые годы, помимо работы грозненских инструкторов в альплагерях, значительным событием стало первопрохождение скального маршрута на Гирич (Гирчёж) в

Ингушетии. Этот маршрут был намечен Вячеславом Смирновым и Александром Курочкиным (впоследствии мастером спорта). Рекогносцировка маршрута была выполнена Петром Дементьевым и Павлом Платовым (через Верхний Алкун и Таргим). Само восхождение совершила команда альплагеря Уллутау с участием грозненских альпинистов; это восхождение получило второе место на чемпионате России в классе технических восхождений.

В этот же период было совершено восхождение на Тебулос – высочайшую вершину Чечено-Ингушетии (Фадееenko Александр, Курочкин Александр, Недюжев Евгений, Вдовыдченко Владимир и другие).

Высочайшая вершина Чечено-Ингушской АССР – Тебулос (чеч. Тулой-лам) 4492 метров расположена на границе Чечни и Тушетии. Известна друзами горного хрусталя с размерами кристаллов до одного метра. До 1905 года гора была в концессии у швейцарской фирмы (добыча горного хрусталя).

Впоследствии фирма замуровала штольни; они до сих пор не обнаружены

Совершались также сложные восхождения по традиционным маршрутам на Кавказе (Чапдара 5Б – Детков, Позняков, Сары-Шах 5Б – Детков, Хмеленко).

Были налажены контакты с чехословацкими альпинистами (клуб Слован Болнице, Прага): в сопровождении грозненцев (В. Вдовыдченко, В. Смирнов и др.) ими были совершены в 1988 году ряд восхождений, в том числе на Гирич и на Казбек. Грозненские альпинисты (А. Курочкин, В. Смирнов, И. Рожин) совершали восхождения в Татрах. В Грозном функционировал клуб альпинистов «Вершина».

Наиболее значительные восхождения грозненских альпинистов, включённые в официальную «Летопись советского альпинизма» (в соответствии с альманахом «Побежденные вершины»)

Фамилии восходителей, название спортивного общества (альплагеря, организации)

Название вершины и маршрута, категория сложности

1967

И. Бородацкий, В. Лурье, С. Раков, В. Юферов, (ДСО «Труд»)

Дубль Пик северо-восточный по северной стене, 5А

В. Юферов, И. Бородацкий, И. Ваганов, В. Лурье (ДСО «Труд»)

Уилпата по южному ребру, 5А

1968

П. Панюков, И. Виноградский, И. Дудченко, И. Сазонов
(альплагерь Алибек)

Аманауз главная вершина по южной стене, 5Б

И. Дудченко, В. Волох, В. Кураксин (альплагерь Алибек)
Буульген по правому ребру из ущелья Чотча, 5А

В. Постников, И. Бородацкий, А. Инюткин, Ю. Порохня
Тютю-Баши по северной стене, 5Б

В. Тищенко, Н. Калмыков, А. Масленников, Э. Фридман
(альплагерь Ала-Арча)

Корона, траверс всех башен, 5А

1969

П. Егоров, А. Бабинин, Ю. Голуб, И. Дудченко (ДСО
«Труд»)

Гестола по северной стене, 5Б

И. Дудченко, А. Бабинин, В. Волков, Ю. Голуб (альпла-
герь Безенги)

Коштантау по северо-западному контрфорсу, 5Б

И. Курицын, И. Дудченко, В. Дрейцер, Г. Рогов (ДСО «Труд»)

Тютюнтау по юго-западному контрфорсу, 5А

В. Иванов, Л. Альтшулер, А. Апехтин, В. Беляков, А. Масленников, Т. Иванова, И. Бородацкий, Э. Музамедова, В. Овчинников, И. Савин, И. Сазонов, М. Сорокина, Н. Чернюк, Е. Фукс (команда международного слета)

Ленина пик, через скалу Липкина, 5А

В. Левин, А. Бабинин, А. Бланковский, И. Дудченко, П. Егоров, В. Калашников, Ю. Смирнов (альплагерь Безенги)

Дыхтау по северо-восточному контрфорсу – Коштантау, траверс, 6

1970

Махинов, И. Дудченко, Ю. Голуб, В. Прусский (альплагерь Шхельда)

Джайлык по юго-западной стене, 5А

И. Бородацкий + три человека (альплагерь Баксан)

Джайлык по юго-западной стене, 5А

Э. Заев, И. Бородацкий, Г. Заева, И. Сазонов (альплагерь)

Баксан)

Джайлык по юго-восточной стене через Монах, 5Б

А. Масленников в группе 6 чел. (Вооруженные силы)

Пик Щуровского по северо-восточной стене, 5Б

Ю. Евсеев, Р. Арефьева, И. Бородацкий, Г. Заева, Э. Заев,
И. Сазонов (альплагерь Баксан)

Пик Щуровского по северо-западной стене, 5Б

С. Ефимов, Э. Брегман, А. Масленников, М. Самойлин
(альплагерь Дугоба)

Двузубка, 5Б

В. Пономарёв, Э. Брегман, А. Масленников, Ю. Родиков
(альплагерь Дугоба)

Сагу по северной стене, 5Б

Ю. Родиков, Э. Брегман, Д. Амеличев, А. Масленников,
В. Пушкарёв (альплагерь Дугоба)

Сагу подкова, траверс, 5Б

1971

А. Левин, А. Бабинин, Бланковский, И. Дудченко, П. Егоров,
Е. Калашников, Ю. Смирнов (альплагерь Безенги)

Дыхтау по северо-восточному контрфорсу, 6

А. Масленников в составе группы 6 человек (вооруженные силы)

Ушба северная по юго-восточной стене, 5Б

Л. Фролов, Х. Минтуев, А. Пруссак, В. Роговский (альплагерь Цей)

Пик Вильса по северо-западному ребру, 5А

1972

В. Ковалевский, Н. Бондаренко, Л. Монжарова, Ю. Коваленко

Джайлык по юго-западной стене, 5А

А. Левин, А. Бланковский, А. Бабинин, И. Дудченко, Е. Калашников (альплагерь Безенги)

Нуам-Куам по центру северной стены, 5Б

Ю. Иванов, М. Бесков, Г. Богданов, Б. Романов, А. Тесленко, С. Шабуня (альплагерь Безенги)

Уллуауз по северной стене, 5А

В. Филоненко, А. Масленников, Ю. Николаев, Н. Чернюк (альплагерь Артуч)

Бодхона по западному контрфорсу, 5Б

А. Масленников, Ю. Байченко, В. Пономарев, В. Слобцов
(альплагерь Артуч)

Рудаки по северной стене, 5Б

1973

А. Бабинин, Р. Бадыгин, А. Бланковский, И. Дудченко,
В. Целовахин (альплагерь Безенги) – И. Дудченко выполнил
норматив МС СССР

Крумкол по северному ребру, 6

1974

В. Целовахин, М. Бесков, Ю. Иванов, А. Сердюк (альплагерь Безенги)

Дыхтау главная по север-восточному контрфорсу, 5Б

И. Дудченко, А. Бланковский, В. Кушнарев, А. Левин.
(альплагерь Безенги)

Коштантау по северной стене, 5Б

В. Логвинов, Б. Власов, А. Малышев, А. Масленников, В.
Некрасов

Энгельса пик по западной стене через 6318, 5Б

1975

И. Дудченко, А. Базилевский (альплагерь Безенги)
Далар по северо-восточному ребру, 5Б

И. Дудченко, Ю. Голуб (альплагерь Безенги)
Далар по северо-восточной стене с выходом на северное плечо, 5Б

Е. Калашников, А. Базилевский, А. Бланковский, И. Дудченко, А. Левин (альплагерь Безенги)
Дыхтау – Мижирги –Безенгийская стена траверс, 5Б

Э. Шитц, Р. Арефьева, И. Бородацкий, В. Живленев, С. Мурадян (альплагерь Торпедо)
Уилпата по контрфорсу юго-восточной стены, 5Б

1976

М. Бесков, Ю. Иванов, В. Косенко, А. Фролов (альплагерь Безенги)
22 съезда КПСС пик по северной стене, 5Б

В. Гончаров, И. Бородацкий, Э. Зуев, Н. Шрамко (альплагерь Торпедо)

Чанчахи по северной стене, 5Б

1977

А. Василенко, В. Пыльцин (альплагерь Уллутау)

Джайлык по юго-восточной стене восточного гребня, 5Б

А. Масленников, А. Василенко, Н. Новикова, В. Пыльцин
(альплагерь Уллутау)

Уллутаучана главная по северной стене, 5Б

П. Чочиа, Г. Ахтырченко, И. Бородацкий, В. Иванов
(альплагерь Торпедо)

Мамисон по левому ребру треугольника северной стены,
5Б

1978

В. Пыльцин, А. Василенко, П. Дементьев (альплагерь Уллутау)

Уллутаучана главная по скальным островам северной стены западного гребня, 5Б

Г. Ахтырченко, Н. Бондаренко, И. Бородацкий, В. Иванов, А. Никитин, В. Хазов (альплагерь Торпедо)

Пассионарии пик по бастиону северо-западного гребня,

1979

П. Дементьев, В. Логовской (альплагерь Уллутау)
Джайлык по южному гребню, 5А

В. Логовской, П. Дементьев, В. Пыльцин (альплагерь Уллутау)

Тютю-Баши западная по юго-западному гребню южной стены, 5А

В. Пыльцин, П. Дементьев, В. Логовской (альплагерь Уллутау)

Джайлык по южной стене юго-западного контрфорса, 5Б

1980

А. Луконенко, В. Логовской (альплагерь Уллутау)
Чегет-Тау-Чана по стене северной башни, 5А

1981

И. Гончар, А. Боттаев, В. Мерлис, В. Логовской (альплагерь Уллутау)

Уллутаучана по скальным островам северной стены, 5Б

А. Вилькоцкий, Б. Александрычев, Г. Евсюков, Соснина,
В. Логовской (альплагерь Уллутау)

Джайлык по южному бастиону северной стены, 5Б

1982

В. Логовской +3 человека (альплагерь Уллутау)

Джайлык по юго-восточной стене восточного гребня, 5Б

В. Лукьянов, В. Логовской (альплагерь Уллутау)

Уллутаучана центральная по северной стене, 5Б

Память

Светлая память грозненским альпинистам, погибшим на восхождениях в горах Кавказа: Игорь Дудченко, Юрий Иванов, Анатолий Фролов, Анатолий Базилевский, Михаил Бесков, Виктор Косенко (пик Пушкина, 1976 г.); Владимир Вагин (Чегеттаучана, 1981 г.); Михаил Говоров (Уллутау, 1983 г.); Александр Курочкин (Гирич, 1988 г.).

Послесловие

Разумеется, эта книжка, составленная в меру ограниченных сил и возможностей, не охватывает все аспекты и стороны столь многогранного явления, как грозненский альпинизм советского периода. За пределами изложенного здесь остались многое и многие, возможны и неточности; которые могут быть исправлены в следующей версии книги – любые уточнения и комментарии будут приняты с благодарностью.

Тем не менее надеюсь, что сей скромный труд позволит сохранить в памяти друзей, их близких и их потомков хотя бы некоторые страницы событий того времени и частицу того душевного огня, который вёл нас к самому прекрасному, что есть на свете – к горам.

*Туда не донесёт ни лифт, ни вертолёт,
Там не помогут важные бумаги.
Туда, мой друг, пешком, и только с рюкзаком,
И лишь в сопровождении отваги...*

Юрий Визбор